

Annotation

В 1962 году юный архитектор Иоанна написала свою первую книгу "Клин". Набравшись смелости, она позвонила главному редактору журнала "Пшекрой": "Только вы можете мне сказать, стоящая ли получается у меня книга!" Тот, прочитав рукопись, сказал: "Детка, немедленно отправляйся в издательство "Читательник". Только нарядись поплоще! Иначе там решат, что я покровительствую не книге, а молоденькой девушке..."

На следующий день Иоанна в куцем пальтишке, зажав под мышкой готовальню, появилась в кабинете главного редактора издательства. А уже через неделю весь коллектив "Чительника" знал о том, что эта невысокая девушка не только талантливая писательница, но и замечательная юмористка. В 1964 году вышел "Клин". Эта первая книга стала визитной карточкой писательницы. Вскоре по книге был поставлен фильм "Лекарство от любви".

Безнадежно влюбленная героиня романа Иоанна, пытаясь найти лекарство от.., любви, решает действовать по принципу "клин клином" и заводит телефонный флирт с таинственным незнакомцем. В результате она обнаруживает себя секретарем на телефоне у преступной банды, преследующей непонятные цели. К счастью, безответная любовь героини оказывается не такой уж безответной, а преступная банда... Впрочем, не будем опережать события.

-
- [Иоанна Хмелевска](#)
 - [У меня это с детства](#)
 - [ЧАСТЬ ПЕРВАЯ](#)
 - [ЧАСТЬ ВТОРАЯ](#)
-

Иоанна Хмелевска
КЛИН

У меня это с детства

— Начнем с того, что в этом разговоре мне будет труднее, чем Вам, откровенно говоря, мне Ваши "детективы" очень нравятся. На мой взгляд. Вы в нашей стране - единственный достойный ученик (ученица?) Раймонда Чандлера...

— Я очень люблю Чандлера, читаю его с удовольствием, но отнюдь не считаю себя его ученицей. Чандлер ставит во главу угла интригующую загадку, пишет для того, чтобы читатель испытал эмоциональное напряжение, я же пишу для увеселения сограждан.

— Но повесть, даже детективная, не может быть оторвана от жизни. Читателю частенько бывает не до смеха...

— Чихала я на исторические деяния. С тех пор как человек слез с дерева, у него возникла потребность смеяться. И я хочу эту его потребность удовлетворять...

— Каким образом становятся детективными писателями?

— Не знаю, как становятся. Пишешь себе, вот и все. Только я ведь пишу не классические детективы, я писатель-юморист. У меня это с детства. Первую повесть я начала писать, когда мне было лет десять, и, конечно же, ей полагалось быть детективной. Я, правда, не помню, о чем там шла речь. У меня всегда наблюдалась склонность к графомании.

— А когда к Вам пришла идея зарабатывать писательством ?

— Мне такая идея вообще не приходила! Я была нормальным человеком и зарабатывала как все нормальные люди, работала архитектором в проектном бюро, вполне приличное занятие. Но еще и писала... У меня была уже готова половина "Клина", когда знакомые посоветовали мне его издать. В издательство "Читательник" меня порекомендовал Мариан Эйле.

— Неплохая рекомендация! Не каждый, кто отличался склонностью к сочинительству, был знаком с Эйле...

— Я с ним не была знакома. В шестидесятые годы Мариан Эйле состоял главным редактором еженедельника "Пшекрой". А я очень любила "Пшекрой". И когда узнала, что Эйле приехал в Варшаву, - а "Клин" к тому времени был уже готов, - я решила дать ему эту повесть на отзыв. Позвонила и договорилась с ним о встрече. Эйле жил в гостинице, в какой-то из этих шикарных, то ли в "Европейской", то ли в "Бристоле", повесть взял и в тот же день, где-то около полуночи, позвонил и сказал, что да,

стоит печатать. А потом позвонил в "Читательник" и сообщил, что к ним скоро придет одна чокнутая .. Меня он, кстати, тоже подготовил к первому моему визиту в издательство. Посоветовал одеться как можно хуже. Это для того, чтобы редакторши не заподозрили протекции на почве личной симпатии. Ну я и принарядилась. Старые сандалии на босу ногу, юбка с оборванной прошвой, а в руке сетка с продуктами: обычная такая авоська с петрушкой, хлебом, картошкой. Произвела очень хорошее впечатление. Повесть приняли и напечатали. А если серьезно, с добрым чувством вспоминаю всех сотрудниц из той первой моей редакции. Ко всем моим книгам, начиная с первой, они относились критически, но это была очень милая критика, она стимулировала совершенствовать написанный уже текст. Мне в общем-то повезло...

— Ответьте, пожалуйста, на такой вопрос: как пишутся детективы, откройте тайны ремесла...

— Я не знаю, что такое "ремесло". У каждого профессионального писателя наработаны свои навыки. У одного есть "норма", и он ежедневно, в определенное время, выдает сколько-то там страниц, другой пишет когда Бог на душу положит, а кто-то еще садится писать лишь тогда, когда у него уже все продумано - от названия до последней страницы. Я пишу то, что вижу. Возможно, потому, что думаю я только образами. Передо мной возникают образы, явственно, как на экране...

— Когда Вы впервые соприкоснулись с литературой?

— Мне повезло еще в раннем детстве. Когда мне было четыре года, меня насильно научили читать - от отчаяния. Я настырно домогалась, чтобы мне читали "Сказку о Железном Волке" - изо дня в день, без роздыху. Никто такой муки вынести не мог, потому что я знала ее наизусть и не допускала ни малейшего отклонения от текста, так что ничего не оставалось, как научить меня грамоте, чтобы я сама наслаждалась этой осточертевшей всем сказкой; Ну и, конечно, научившись читать, я больше в руки ее не брала и понятия не имею, о чем она.

— И что Вы читали потом?

— Все, что попадалось на глаза. Я была читающим ребенком, в куклы не играла. Благодаря этому, заранее перечитала всю школьную программу, не успев потерять интерес к включенным в нее книгам. Оккупацию я провела в интернате у сестер Воскресения Христова и однажды получила двойку по польскому языку. О чем-то думала во время объяснения и ни слова не слышала, а с учебниками сами понимаете, как тогда обстояло. Сестричка отчитывала меня с пафосом: "Деточка, - сказала она, - вдет война. Как может польский ребенок отлынивать во время оккупации от

изучения польского языка?!" Задела она меня за живое, и с тех пор я грамматику знаю назубок. А после войны, в гимназии Королевы Ядвиги, историю преподавала гениальная историчка, Гизелла Гебертова, которая требовала от нас ответов на безукоризненном польском языке. Стоило это нам адских мук, зато принесло свои плоды.

— Тогда почему же вы решили изучать архитектуру, а не полонистику?

— Считала, что литературу, историю литературы можно изучить самостоятельно, в свое время. С архитектурой дело другое, да и нравилась мне эта профессия.

— И все-таки архитектурой Вы не занимаетесь?

— Но очень долго занималась. Работала в очень славном проектном бюро, которое было подробно описано во второй моей повести, "Все мы под подозрением", и которое впоследствии обанкротилось. Единственный в Польше случай с банкротством государственного предприятия. А потом я уехала в Данию.

— Как там в Дании было, мы знаем из третьей Вашей книги, "Крокодил из страны Шарлотты"...

— Я поехала туда на две недели, к подруге, которая работала в проектном бюро, и по чистой случайности тоже получила работу, и тоже в проектном бюро. Дело было улажено неожиданно, у нее в офисе, под шутки и треп с заглянувшим туда человеком, оказавшимся сотрудником ректора датской Королевской Академии Архитектуры. В результате я застряла в Дании на три года, с небольшим перерывом. В Польше мне отказали в годичном бесплатном отпуске и вышибли с работы. А когда вернулась, нарвалась на кампанию по сокращению штатов, вот так я окончательно сменила профессию.

— Может, Вы мне все-таки посоветуете, как написать детектив?

— Надо придумать психологические мотивы поведения человека. Потом остается только описывать ситуации, в которые он попадает.

— Но Вы, конечно, даете себе отчет, что в повестях Иоанны Хмелевской детективная интрига по мере чтения становится для читателя все менее существенной...

— Вполне возможно, а жаль, мне-то она дорога. Но юмористическая сторона все-таки важнее.

— Но читатель вправе иметь свои предпочтения. Я знаю множество людей, обожающих Ваши книги, страстных фанов Хмелевской, но знаю и таких, для которых эти книги непонятны, все до одной...

— Нет закона, обязывающего меня любить. Может, у меня несколько извращенное чувство юмора.

— Ну, издатели-то чувством юмора не обделены. Вы написали около двух десятков книг, и все изданы большими тиражами...

— Не так уж все идиллично. Издателям, бывает, тоже отказывает чувство юмора. У меня не взяли в печать последнюю книгу, "Дикое мясо". Это историческая повесть, о периоде между двумя карточными системами.

— Возможно, она из разряда претензионных? Видите ли, в рубрике "Маргинальная литература" мы публикуем беседы с писателями специфического литературного направления, так называемого "вагонного", как бы второсортного, без претензий - по крайней мере так считают критики. И нас интересует, не чувствуют ли себя такие писатели ущемленными, не мечтают ли порвать с прошлым и взяться за сочинительство чего-нибудь более престижного? Может, и с Вами приключилась такая же история, отсюда и недоразумения с издателями?

— Ничего подобного, престижность меня не волнует! Я хочу писать книги, веселящие и умиротворяющие сердца, а не психопатологический бред на недоступном человеческому разумению уровне. Кроме того, я знаю свои возможности, не всякую книгу я способна написать. Мне трудно было бы осилить эпический роман, такой, например, как "Унесенные ветром". Жаль, конечно. Но я столь же сожалею, что не умею плавать. Комплексов у меня нет. "Дикое мясо" - пожалуй, название я не изменю - это продолжение повести "Лесе". "Лесе" я написала десять лет назад, и никто не мог взять в толк, к какому же жанру его отнести, потому как это все-таки не детектив. В результате решено было квалифицировать повесть как реалистический гротеск. Может, в ней много несусветной глупости, но меня такие вещи смешат.

— А не хотели бы Вы написать о чем-нибудь, что было бы очень смешным, но совсем не глупым?

— Я ведь не стараюсь описывать глупое, само по себе так получается, а наша действительность очень тому способствует, не позволяет писать о себе серьезно. Смех - это естественная потребность людей в любых обстоятельствах, и в наших смех тоже отнюдь не бесполезен.

— Поговорим о деньгах. Автор столь популярный, как Вы, наверняка не может жаловаться на финансовые затруднения?

— Ошибаетесь. У меня нет возможности купить себе автомобиль взамен старого, который от старости расстался. Выжить, конечно, на такой доход можно, хотя и без роскоши. Но я вращаюсь в кругу людей порядочных и по этой причине вынуждена обходиться без блата, протекции, не приближена ко двору. Меня не переиздают, за исключением двух книг для юношества. Нет у меня и виллы.

— На что же Вы тратите деньги?

— Какие деньги? Те, которых нет? Могу только сказать, на что не трачу. Не покупаю водки, не устраиваю приемов, не шью нарядов в "Моде Польской", не меняю мебельных гарнитуров, ем что придется, дети выросли и разбежались...

— Нет ли у Вас каких страстишек?

— Как нету? Великое множество! Взять хотя бы лошадей. Я играю на бегах. Люблю кормить зверушек. Обожаю путешествовать. Выезжала даже во время чрезвычайного положения, без разрешения, поскольку сочла, что имею на это право как законопослушная гражданка, без судимостей, ничем еще свою Отчизну за границей не опозорившая.

Полагалось, конечно, оформить выезд через Союз литераторов а там мне сразу же велели написать заявление, а в нем указать издательство, с которым у меня заключен контракт, порядковый номер контракта, дату, название книги и сообщить, какой литературный маршрут интересует меня за бугром. Я собиралась в Алжир и сразу же доложила им, что намерена писать о двух детях, потерявшихся где-то в Африке, а книга у меня называется "В пустыне и в пуще". После этого на письменном заявлении не настаивали, отпустили и так.

— На что Вы живете за границей? Обменять злотые не так-то просто...

— Торговать не торгую! Нет у меня хватки. Кое-что заработала на переводах в Чехословакии и Советском Союзе, кое-что осталось еще от заработанного в Дании. Да и друзья, родственники поддерживают.

— А на Западе Вас издают?

— К сожалению, нет. Мешает, понимаете ли, "дух языка". Трижды пытались, и все неудачно. "Крокодил" и тот не поддается переводу на датский, а ведь там действие происходит в Дании. Но самые забавные недоразумения у меня были с бразильским переводчиком. Он написал мне, что у него с текстом жуткие трудности, потому как польская экзотика для бразильского читателя непонятна, а героиня чересчур стара и недостаточно красива. Я ему написала, что не обижусь, если героиня будет 16-летней красоткой, но польская экзотика все равно оказалась для них не по зубам.

— Вы довольны плодами своего творчества?

— Да, иначе бы не писала. Я считаю, что нашла свою нишу. Если бы оказалось, что нечто подобное, но во сто крат лучше пишет в Польше кто-то другой, я бы сразу завязала. Вот так я бросила архитектуру.

— И чем бы Вы тогда занялись?

— Ковроткачеством. Уж тут-то мне равных нет. Кроме шуток, у меня на колористику легкая рука.

— Похоже, что Вы во всем такая, же, как и персонажи Иоанны Хмелевской. Все получается, и получается весело. Или Вам не всегда весело?

— Я не виновата, что у меня есть чувство юмора, и у людей, которые меня окружают, - тоже. Я пишу веселые книги на приличном польском языке. Весело ли мне? Вскоре после войны я написала сочинение "Что я пережила в военное время" и получила плохую оценку за несерьезное изложение темы. Ничего не могу с собой поделаться - даже в самые драматические моменты не могу отделаться от мысли, что до смешного всего один шаг. А вообще я считаю, что за увеселение нашего общества и пропаганду мира и согласия мне причитается Нобелевская премия. Когда люди смеются, им не до драки.

— Благодарю за беседу.

С Иоанной Хмелевской,
автором детективных повестей,
беседовал Януш Атлас
("Здесь и сейчас", 1/1985)

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Вся эта история могла бы и не случиться, не будь я в тот вечер в таких растрепанных чувствах. Я бесилась. Я страдала. Я была смертельно обижена и смертельно влюблена. От беспросветного отчаяния переходила к самым светлым надеждам. Светлые надежды, ненадолго вспыхнув, снова угасали во мраке отчаяния.

Третий день я ждала звонка. Зря ждала. Если не позвонил до сих пор, теперь уж точно не позвонит. А если и позвонит, завтра или послезавтра, что от этого изменится? Все и так ясно, куда уж яснее. Ему на меня наплевать, иначе набрал бы мой номер сразу по приезде. На худой конец на следующий день! А тут ведь целых три дня не дает о себе знать, ни слуху ни духу, ох, эти жуткие три дня, поди не сойди с ума, когда надежда с каждым часом испаряется, а уверенность в том, что ты для него ноль без палочки, с каждым часом растет.

Я сидела на диване поджав ноги, обложив себя подушками, курила сигарету за сигаретой и полным ненависти взглядом испепеляла игравший в молчанку телефон. Мыслительные способности у меня напрочь атрофировались. Для пущей остроты ощущений к терзавшим мою душу страстям присоединялись еще и угрызения совести - нет-нет да и напоминали вкрадчивым шепотом, что пора мне с сердечными моими муками закругляться, не мешало бы наконец и статью дописать.

"Эстетика интерьера влияет..." На что влияет эстетика интерьера? Куца он все-таки запропастился? Может, задержался в поездке? Тогда, конечно, другое дело. "...на повышение культурного уровня..." Номер триста тридцать шесть... А если все же вернулся, если сидит сейчас у себя в гостинице и в ус не дует? Почему эстетика интерьера влияет на повышение культурного уровня? Да пропади он пропадом, этот культурный уровень. Номер триста тридцать шестой... Может, позвонить? Ни за что, сразу догадается, кто это сопит в трубку, так низко я еще не пала. Как бы все-таки узнать? Хотя зачем, я ведь его ненавижу!..

На коммутаторе уже знают мой голос. Все в гостиничной регистратуре знают мой голос. Нет, не могу, не буду. "Интерьер следует проектировать с учетом потребностей..." Каких еще потребностей? А черт его знает, таких, каких надо. Может, кто-нибудь другой за меня позвонит?.. Кто угодно, лишь бы не я. Попросит соединить и проверит, на месте ли он. И конец неизвестности! Гениально, но кто? Придется ведь с ним о чем-то

заговорить, все должно выглядеть естественно, не дай бог заподозрит, что этого человека подослала я. Для естественности можно, например, спросить, не записан ли у него на дверном косяке телефон, дескать, приятель занимал эту комнату три недели назад и записал номер на двери, такая у него, понимаете, дурацкая привычка... А что, вполне правдоподобно, где только люди не умудряются записывать телефонные номера!..

Я взялась за трубку, дважды в спешке ошиблась, крутила диск, слушала гудки и заклинала:

Галина, будь дома, будь дома...

Галине я не звонила месяца четыре, не меньше, но какая разница! Это единственная моя подруга, пригодная для такой роли, кроме Янки, конечно, но Янки точно нет дома... Галина, отзовись...

Она отозвалась. И очень обрадовалась, услышав мой голос. Не слишком распространяясь, я сразу перешла к сути, правда, начала с конца. Я сказала:

— Слушай, Галина, представь себе такую ситуацию. Три недели назад в гостинице "Варшава" жила одна твоя знакомая, она приехала из Щецина, и ты дала ей номер телефона другой твоей знакомой, а она записала его на дверном косяке, потому как ничего другого под рукой не нашлось. И вот сейчас тебе позарез нужен этот телефон, а он у тебя не записан, или ты потеряла записную книжку. Очень тебя прошу, позвони в гостиницу "Варшава", свяжись с комнатой номер триста тридцать шесть и, если там кто-нибудь отзовется, попроси посмотреть этот номер на косяке...

— Ничего не понимаю, - растерянно сказала Галина. - Какой номер на косяке, какая знакомая из Щецина? Нет у меня там никакой знакомой.

— Но могла бы быть. Могла приехать и записать. Какая тебе разница? Трудно, что ли, позвонить и спросить, язык отсохнет? А у меня, к твоему сведению, от этого жизнь зависит.

— Тогда почему ты сама не позвонишь? Почему я?

— Потому что там знают мой голос.

— Пускай тогда звонит эта дама из Щецина.

— Она не может, то есть ее в природе не существует, я ее придумала.

— Если не существует, то о чем разговор? Прости, до меня никак не доходит.

Делать нечего, пришлось объяснить ей с самого начала. Объяснение получилось у меня на редкость бестолковое и невразумительное, но Галина, будучи в отличие от меня в здравом уме, ухитрилась поймать суть. Да толку-то, моя идея все равно энтузиазма у нее не вызвала.

— Знаешь, мне как-то неловко, - сказала она неуверенно. - У меня такие вещи не получаются. Я ведь с тем человеком совсем незнакома. А вдруг он меня пошлет куда подальше?

— Во-первых, какое тебе дело, сама говоришь, что вы незнакомы. А во-вторых, не пошлет, это очень симпатичный человек, интеллигентный, из хорошей семьи. Звони!

— Погоди... Прямо вот так, с бухты-барахты... Дай подумать...

— Чего думать, звони!

И тут из трубки вдруг раздался удивительно приятный, мягкий мужской голос:

— А зачем вам все это?

— То есть как зачем? - машинально отозвалась я.

— Для вас это так важно?

— Ну ясно! Небось по пустякам я бы не валяла дурака.

— Тогда, быть может, я вам помогу? Сдается мне, вашей собеседнице это не совсем удобно.

— Галине-то? - снова машинально переспросила я.

— Господи Иисусе! - пискнула Галина, обретя наконец дар речи. - Что происходит?

— Ничего, не обращай внимания, просто человек случайно подключился, ко мне то и дело кто ни попадя подключается. Так ты сама позвонишь или пускай он?

— А ты что, знаешь его?

— Откуда? Впервые слышу.

— Вы меня, милые дамы, извините, - вмешался тот же голос. - Я действительно подключился совершенно случайно. Набрал номер и невольно услышал ваш разговор, он меня настолько заинтересовал, что я позволил себе дослушать до конца. Виноват, но заслуживаю снисхождения. Ну так как, прикажете звонить? Номерок я уже записал.

— Право, не знаю... Галина, а ты что думаешь?

— Я ничего не думаю, я ошарашена.

— Ну вот видите, ваша подруга ошарашена, придется вам эту миссию возложить на меня.

— Галина, решайся, ты или он?

— Да уж пускай он, только я теперь и вовсе ничего не понимаю...

Нервы у меня были в таком раздрызганном состоянии, что мне стало все равно.

— Ну ладно, - отрешенно сказала я. - Неизвестно, какой он с виду, но по голосу человек вроде бы приличный. А как, простите, я узнаю

результат?

— Вы мне сейчас продиктуйте свой номер, и я вам незамедлительно перезвоню.

— Нет, уж лучше наоборот.

Все-таки остатки здравомыслия во мне еще сохранились, сумела сообразить, что первому попавшемуся не стоит выкладывать свои координаты.

— Видите ли, со мной связаться непросто, да и вообще мне это несподручно. Но я не навязываюсь, раз возникли какие-то сомнения, тогда, конечно, незачем, забудем.

— Какие, к черту, сомнения, плевать мне на сомнения. Только вы уж постарайтесь провести разговор поделикатней, с толком.

— Пущу на это дело весь свой толк. Итак, слушаю вас.

Потеряв последние крохи рассудительности, я назвала ему свой номер. Галина, устав изумляться, тихо дала отбой.

— Я тоже, с вашего позволения, отключаюсь. Объявлюсь минут через десять, с подробным отчетом.

— Договорились, жду.

Положив трубку, я попыталась собраться с мыслями. Да куда там - мой благодетель не заставил себя ждать.

— Ну и как? - с замиранием сердца спросила я.

— А никак. Я позвонил, этот человек взял трубку. Насчет дверного косяка я не заикался, попросил позвать пана Здановского. Он ответил, что я ошибся номером. Вот и все.

— Кто такой пан Здановский?

— Понятия не имею. Знать не знаю, и, надеюсь, взаимно. Что дальше?

— Да ничего.

Значит, приехал. Сидит у себя в гостинице. И не звонит... И, наверно, никогда уже не позвонит...

Я переваривала новость с трубкой в руке и с тяжким камнем на сердце. А из трубки ласкал слух приятный умиротворяющий голос:

— Разрешите вам дать один совет: выбросьте этого человека из головы.

— С какой стати?

— Он мне не очень понравился...

— Ну и зря! - возмутилась я. - Такой милый, воспитанный человек, вполне интеллигентный...

— Что касается интеллигентности, то позвольте усомниться...

— Почему?!

— Понимаете ли, судя по отголоскам... - Каким еще отголоскам?

— Да так... Не стоит говорить... "Пьяный", - мелькнуло у меня в голове.

— Каким отголоскам? - не отставала я. - Тошнило его, что ли?

— Ах, нет. Просто мне послышалось, будто там какая-то женщина общалась с ним не слишком интеллигентным тоном.

Не успела я подумать, что нисколечки не верю, как все во мне бесповоротно перевернулось.

— Ну что же, - слабым голосом пробормотала я, обретя дар речи и кое-как взяв себя в руки. - Очень на него похоже. От этого человека всего можно ожидать.

— Тогда тем более выбросьте его из головы.

— Легко сказать! Знали бы вы, как это трудно.

— Могу посоветовать безотказное средство: клин клином.

— Думаете, мне оно не приходило в голову? Я уж и так осматриваюсь по сторонам, да толку-то - ничего подходящего не попадается, прямо беда. Никаких таких клиньев, хоть шаром покати.

— А может, на худой конец я сгжусь?

— Откуда я знаю, может, и сгодитесь.

— Тогда за чем дело стало, давайте встретимся.

— Давайте, - обреченно сказала я. - Где и когда?

— Где прикажете, а вот когда... Скажем, в четверть первого.

— В четверть первого? В полдень то есть?

— Нет, в четверть первого вечера. Через два с половиной часа.

От такого дикого предложения я наконец очнулась. Чокнутый, что ли? Самая подходящая пора для знакомств.

— А нельзя ли выбрать время попроще, не столь экстравагантное, ну, например, семь вечера?

— Увы, я, видите ли, по горло загружен работой, тружусь буквально без выходных. Бываю свободен лишь после двенадцати. И потом, чем плохая пора для свиданий? Итак, на чем порешим? Где мне вас ждать?

— Что вы такое говорите! Делать мне нечего, кроме как шляться по ночам! И не подумаю.

— Тогда я приеду к вам домой.

— И речи быть не может, у меня не убрано.

— Ага, значит, вы распустихте?

— А вы как думали! Да и, представьте себе, я тоже тружусь. Должна из себя выжать статью, а вдохновения ни в одном глазу. Вся извелась.

— Вы журналистка?

— Нет, это мое дополнительное занятие. Вообще-то я архитектор. А вы?

— А я коммерсант.

— Вот как! Подбиваете, значит, баланс?

— Упаси боже! Не имею дел ни с какими балансами.

— Чем же еще может заниматься коммерсант в такую пору?

— Всякой всячиной. Скучная материя. Давайте поговорим о другом. Лучше расскажите, как вы, к примеру, выглядите.

— Когда как. Иной раз прямо как с картинки, а бывает совсем наоборот...

— Ну нет, общими словами вам не отделаться. Рост? Размеры? Глаза, волосы?

— Рост? Метр шестьдесят два. Размеры? Погодите, сейчас возьму сантиметр.

Я женщина честная, не поленилась встать, отыскать сантиметр и всю себя обмерить. В результате сделала потрясающее открытие.

— Представьте себе, - ахнула я в трубку, - нечаянная радость! Думала, талия у меня шестьдесят девять сантиметров, а намерилось всего шестьдесят три!

— Вот видите, как я на вас благотворно действую. Теперь доложите об остальном.

Я доложила об остальном. Телефонный кавалер уже успел меня заинтересовать. Голос у него был исключительного обаяния - мягкий, глубокий, а я всегда питала слабость к красивым голосам. Слушая его, я даже слегка подзабыла про свое несчастье. Хотелось бы знать, как может выглядеть мужчина с таким голосом?

— А как обстоит дело с вашей наружностью?

— О, ничего примечательного.

— Рост?

— Метр семьдесят пять.

— Всего-то? Жаль, я, признаться, люблю разгуливать на высоких каблуках.

— Увы, ничего не поделаешь, ростом не вышел.

— А остальное?

— Что остальное?

— Ну, волосы, глаза, другие данные. Может, у вас на лице наличествуют какие-нибудь аксессуары?

— Что-что? Какие еще аксессуары?

— Ну там очки, усы...

— Нет, никаких аксессуаров на моем лице не имеется. Волосы темные, глаза тоже, никаких особых примет. Так на чем сойдемся, вы решились? Куда мне приехать в четверть первого?

— А где вы сейчас?

— В своеобразном таком местечке. Аллею Летчиков знаете?

— Минутку, сейчас возьму план Варшавы... А, понятно, это же рядом, возле Бегов. До меня рукой подать.

— А вы где обитаете?

— На Нижнем Мокотове.

— Что вы говорите, совсем близко! Значит, судьба. Где мне вас ждать?

— Нигде. Переться куда-то на ночь глядя, хотя бы и к вам на свидание? Нет уж, увольте. Правда, если честно, любопытство меня гложет, не мешало бы на вас взглянуть. Но я намерена свою любознательность укротить, покончить со статьей и завалиться спать.

— Ну так слушайте меня. Я сейчас положу трубку, мы с вами оба еще потрудимся, а через час я вам перезвоню, вдруг к тому времени вы настроитесь иначе. По рукам?

— По рукам. Навряд ли настроюсь иначе, но насчет звонка не возражаю. Ваши звонки на меня действуют благотворно.

— Отлично, тогда пока.

— Пока.

И он дал отбой. А меня с новой силой стали терзать те же муки, не надолго же я от них отвлеклась. Женщина с отнюдь не интеллигентным голосом? Ну уж нет! Этого я так не оставлю!

— Пожалуйста, номер триста тридцать шестой...

Гудки..., гудки..., гудки...

— Номер не отвечает...

— Спасибо.

Как это не отвечает? А та женщина?.. Правильно я сделала, что не поверила. Была она в номере или не была, сейчас ее нет! А если он у себя, то непременно подошел бы к телефону, он всегда подходит. Черт подери, меня обманули!

Значит, его нет на месте. Но ведь приехал - и не объявился. Не мотался же он все три дня по городу. Не мог выкроить минутки для звонка? А я трое суток сижу тут сиднем, мчусь как оголтелая с работы на такси... Чего уж гадать: я ему не нужна или нужна как собаке пятая нога.

Ненавижу! Выбить его из головы, выбить любой ценой! Клином клином!..

Клин клином? Такой приятный голос... Что за человек? Надо его

прощупать, подольше с ним поболтать... В четверть первого? Еще чего! Буду я болтаться невесть где в четверть первого! Делать мне больше нечего, как встречаться за полночь с незнакомым мужчиной, о котором я только и знаю, что у него приятный голос...

Клин клином...

Да что ж это я себе думаю, надо ведь писать статью!

Через час телефон зазвонил. Я взяла инициативу в свои руки и стала затягивать разговор, переводя то на одно, то на другое. Придаться было не к чему, полная непринужденность. Очень интересный тип, все при нем - полет мысли, чувство юмора, а голос! Один голос чего стоит...

Через сорок пять минут я сломалась. А может, и правда?.. В конце концов, что тут такого? Может, он и в самом деле симпатичный, культурный человек, ну, решил почудить. Велика беда, на меня тоже иногда находит. Нет, дудки! Чего ради я стану вылезать из дому?

— Через полчаса я вам еще перезвоню...

Буря в моей душе переходила в легкую зыбь. Оскорбленная гордость брала свое. Ах, не позвонил? Тем хуже для него. Поставим точку. Хватит ждать и терзаться. Завьем горе веревочкой. Вот возьму и соглашусь на встречу. И будь что будет!

Чего тут думать, ведь если я удержусь от одной глупости, то натворю тьму других. Или - или: или встречаюсь со странным типом, решившим обзавестись знакомством на ночь глядя, или теряю над собой контроль и начинаю обрывать гостиничный телефон. Лучше уж первое. А то как я буду выглядеть? Жалкая настырная дура, никакой женской гордости...

— На чем порешим? - с магнетической мягкостью прогудело в трубке.

— Эх, где наша не пропадала, - решила я. - Но шастать невесть где в потемках не собираюсь. Приезжайте сюда.

— С превеликим удовольствием. Куда ехать? Я назвала улицу и номер дома. Мне уже было море по колено. В конце концов, ничего страшного, если загадочный тип окажется из породы банальных хамов. Уже не раз я имела счастье сталкиваться с такого сорта особями, и худо-бедно удавалось поставить их на место. А насчет того, что прямо в прихожей набросятся, убьют или изнасилуют, то в это, простите, верится с трудом. Не так это просто, как кажется. Да будь он хоть трижды грабитель, невелика беда. У любого злодея при виде моих хором опустятся руки. Не на что глаз положить, часы и те плохо ходят.

— Только не рассчитывайте, что я вас покормлю, - затревожилась я, вдруг вспомнив о законах гостеприимства. - В лучшем случае могу угостить чаем, больше потчевать нечем.

— Не беспокойтесь, я поужинал. А., простите за нескромный вопрос, вы замужем?

— Нет, бог миловал. Свободна в полном смысле слова. Кстати, а у вас жена имеется?

— Нет.

— А была?

— Была.

— И что вы с нею сделали?

— Во всяком случае, не задушил. Что можно сделать с женой? Развелся.

— Очень любезно с вашей стороны. Ну что же, ехать так ехать. А то с меня станет и передумать.

— Сию минуту. Только у меня к вам просьба. Окажите милость, сойдите вниз к подъезду, чтобы мне не плутать ночью в чужом доме. Буду вам очень признателен.

— Хорошо. Подожду у подъезда.

— Тогда уж заодно скажите, в чем вы меня встретите, а то как бы не обознаться.

— В фиолетовом пальто.

— Фиолетовое, в потемках? Нет, не разгляжу. Может, водрузите на голову что-нибудь примечательное? А то вдруг там выстроятся сразу две дамы!

— В такую-то пору - и напороться на столпотворение аж из двух дам? Но если хотите, могу прихватить с собой какой-нибудь опознавательный предмет. Скажем, половую щетку.

— Прекрасная идея. Договорились, дама со щеткой - это вы.

— Значит, заметано. Хотя нет, не очень удобно носиться по этажам со щеткой, лучше я возьму в руки длинную такую трубку из технической кальки. Белого цвета, сразу видна.

— Хорошо, пусть будет калька. Через двадцать минут я у вас. До скорого.

— Честь труда, - бросила я и положила трубку. Слезла с дивана, выкарабкавшись из вороха подушек, одеял и шпаргалок, образующих живописный бардак. Огляделась окрест и стала расчищать ристалище.

...Через двадцать минут... Вот чудак! Неужто рассчитывает в такое время, еще и в Аллее Летчиков, поймать такси? Да ни в жизнь не успеет.

Можно не спешить.

...Но ведь неспроста же он сказал это так уверенно..., вдруг машина у него под рукой? Тогда, конечно, успеет. Зато мне не успеть навести порядок

и красоту.

И я засуетилась.

Ровно в пятнадцать минут первого я сошла вниз в пальто, в черных шлепанцах на ногах и с белой трубкой в руках. Перед домом, по другую сторону проезжей части, стояла "Варшава" с работающим мотором, а в ней сидел за рулем джентльмен в шляпе. Я остановилась на тротуаре на своей стороне, усиленно в него вглядываясь.

Джентльмен в шляпе опустил стекло, высунул голову и крикнул:

— Садитесь!

— Не могу.

— Почему?

— У меня там чайник кипит.

— Так снимите его и возвращайтесь.

— Ну вот еще, носиться по этажам я не нанималась! Вылезайте.

Во время нашего препирательства я стояла в шлепанцах, утопая в слякоти, и мы с ним перекрикивались через всю улицу. Припомнив, что время позднее и для таких акустических эффектов скорей неподходящее, я стала перебираться на его сторону. Мой собеседник молча наблюдал с проезжей части за моими усилиями, потом сказал:

— Стойте. Ждите меня там, где стоите.

Он тронул машину и подъехал прямо ко мне. Тут уж не оставалось ничего другого, как подсесть к нему. Джентльмен поцеловал мне руку и что-то в нее буркнул - учитывая общепринятые нормы вежливости, скорей всего представился. Я всматривалась в него во все глаза, но попробуй в темноте разгляди.

— Куда мы едем? - спросила я, глазами души видя перед собой выкипающий чайник.

— В таких случаях говорят - куда прикажете. Жаль, но приходится сказать другое - ищу, где бы развернуться к дому.

Обогнув несколько корпусов, мы возвратились к подворотне. Тут он спросил, нельзя ли поставить машину во дворе, а то у него несколько раз ее угоняли и ему это уже надоело.

Я вышла, открыла ворота и прошествовала вперед, чтобы показать место, где можно припарковаться, - при этом от меня не ускользнуло, что со всех сторон я освещена фонарями и представляю собой идеальную мишень для наблюдения.

"Любуйся, любуйся, - ехидно подумала я. - Ничего, сейчас я тобой тоже полюбуюсь..." Прислонившись к двери, я стала ждать своего часа. Он поставил машину, выключил мотор и вылез наружу.

В первую минуту я оторопела - ожидала увидеть так себе мужичка, средней плюгавости, а вылезла такая каланча, что я тихо ахнула. Сколько в нем могло быть? Метр девяносто пять? Или все два? Во всяком случае, в первую минуту у меня аж дух перехватило, но только в первую минуту, а потом я возрадовалась: слава богу, такому росту любые каблуки не обида.

Я провела его наверх и впустила в квартиру. Сняла пальто, мой гость тоже, проследила, чтобы он не сунул нос на кухню, где за нехваткой времени идеальный порядок навести не удалось, ловко затолкала его в комнату и, усадив в кресло, пристроилась напротив. Покончив со вступительной частью, я поймала себя на том, что чувствую себя довольно глупо. Ситуация сложилась, мягко говоря, неординарная. Резкий переход от телефонного контакта к непосредственному выбил меня из колеи. Как-то странно было осознавать, что мужчина, с которым я сейчас сижу с глазу на глаз, - тот самый, с которым я только что ворковала по телефону.

— А вы точно тот самый? - вырвалось у меня помимо воли.

— Да вроде бы точно, - улыбнулся он. Улыбка у него оказалась на редкость обаятельная. И вообще весь он был вполне симпатичным, хотя совершенно не мой тип. Не говоря уж о росте, которым природа наградила его чересчур щедро, глаза у него были темные, а темные глаза не в моем вкусе. Волосы тоже темные, почти черные, гладко зачесанные назад, очень красивые зубы и что-то с подбородком. Не дефект, ничего особенного, просто какая-то такая форма, которая мне тоже не понравилась. Но если без придилок, то общее впечатление складывалось довольно благоприятное. Наметанным взглядом я успела по достоинству оценить и хороший костюм, и ухоженные руки.

А дальше-то что? Я внимательно и бесстрастно разглядывала его, чувствуя некоторое приятное волнение от неординарности ситуации, а где-то глубоко в душе деликатно давало о себе знать легкое сожаление... Передо мной всплыло другое лицо, с другими, голубыми глазами... Вот бы сейчас напротив меня сидел не этот, а тот!.. Тот, который за целых три дня не нашел минутки мне позвонить. Тот, с которым какая-то дама общалась не слишком интеллигентным тоном...

Нет, к черту! Клин клином!

Я вернулась к действительности, которая, надо отдать должное, на поверку оказалась не так уж плоха, хоть и требовала от меня кое-каких, минимальных впрочем, усилий. Хозяйка дома не может до бесконечности сидеть набрав в рот воды и по-идиотски таращиться на гостя. Я встала с кресла.

— Хотите чаю? С прискорбием должна признаться, что ничего другого

в этом доме не найдется, зато чаю могу предложить в неограниченном количестве.

— Не откажусь, хотя вовсе не обязательно. Я приготовила чай, принесла сигареты и снова плюхнулась в кресло, чувствуя себя уже более-менее хозяйкой положения. Почему-то чай показался мне фактором, стабилизирующим обстановку. Слегка смущала, правда, мысль о щербатом потолке, с которого в любой момент могла посыпаться штукатурка - она взяла себе за правило отваливаться в самые неподходящие моменты и норовила, подлая, угодить гостям прямо в чашку, но я успокоилась на здравом рассуждении, что не штукатурку же, в самом деле, он пришел сюда рассматривать, а меня, и если уж на то пошло, так это я устраиваю ему смотрины, а не наоборот. Любопытно, как он себя поведет и как станет объяснять свой странный визит. Ради чего он его затеял? Потянуло на пикантное приключение? Вообще-то обстоятельства укладываются в тривиальную схему, ситуация типична до банальности, вся загвоздка в том, что я-то особа ни в коем случае не типичная, не вписываюсь ни в какие схемы. И на дух не выношу всяческой тривиальности.

— Может, вы расскажете немного о себе, - сказал мой гость, слегка улыбаясь. Вид у него был такой, словно он ждал с моей стороны некой инициативы.

— По-моему, вы и так чересчур посвящены в мои дела, - запротестовала я. - Пора бы уж и мне кое-что о вас услышать.

— Где же чересчур, ничего не знаю, кроме того, что у вас оригинальный склад ума и вы интересуетесь человеком из номера триста тридцать шестого. И расстраиваетесь из-за него - на мой взгляд, совершенно напрасно.

— Да еще пускаюсь в сумасбродства, довольно рискованные и глупые.

— Что вы называете сумасбродством?

— А как иначе можно назвать нашу встречу? Приглашать незнакомца в такое дикое время! По телефону вы могли быть неотразимы, а на поверку оказаться заурядным бандитом.

— Надеюсь, не оказался?

— Просто повезло, дураков бог бережет. Впрочем, с вами еще надо разобраться. Хорошо бы взять интервью на манер читательской анкеты в "Пшекрое": ваш духовный паспорт. Каков ваш идеал счастья?

— Спокойствие. Спокойствие, спокойствие, и еще раз спокойствие.

— В таком случае вы не туда попали. Спокойствие - это последнее, что вы можете найти в моем обществе. А что вам больше всего не нравится?

— Раки. У меня от одного их вида аллергия. И хамство.

Я задумчиво приглядывалась к нему. Кем этот человек может быть?

— Кто вы, собственно? - не удержалась я от вопроса.

— Закопослушный гражданин ПНР. Кроме того, как я уже говорил, коммерсант, разведен, детей нет. Очень много работаю, имею прекрасную квартиру, словом, живу себе поживаю.

— И где же вы поживаете?

— В центре. Но речь не обо мне, речь о вас. Ведь это вам докучало скверное настроение! Вы вот обмолвились насчет своих сумасбродств, интересно послушать.

О сумасбродствах, которые я за свою жизнь натворила, можно рассказывать бесконечно, тема неисчерпаемая. Но что-то меня удержало от исповеди. Я на ходу придумала пару идиотских историй, которые, учитывая мой прошлый жизненный опыт, не произошли со мной по чистой случайности и потому выглядели столь же не правдоподобно, как и правдивые. Несколько раз во время нашего разговора мой гость отпускал экивоки, давая понять, что не такой уж он сторонник исключительно интеллектуального времяпрепровождения, но я уже крепко стояла на твердой почве. Нет, решительно по телефону он мне нравился больше. Вот только голос, неотразимый его голос ничуть не проигрывал от непосредственного общения.

В полтретьего он согласился, что пора и честь знать. Прощаясь с ним, я спросила:

— А как, собственно, вас зовут? Лично мне представляться нет необходимости, табличку на моих дверях и слепой прочтет. Теперь ваша очередь отрапортоваться.

— Владислав, - сказал он, и почему-то мне показалось, что он соврал.

Закрыв за ним дверь, я попыталась собраться с мыслями. Нет слов, субъект интересный и на уровне. Похоже, его слегка разочаровала стерильная благочинность наших посиделок. Тому факту, что он, строго говоря, не представился, я как-то не придавала значения. Меня больше занимало, настроен ли он продолжать знакомство.

"Если ты признаешь только таких баб, которые готовы на все с первым встречным, - телепатически заявила я ему, - то можешь повеситься". Отправив это послание, я залегла в ванну.

В полчетвертого меня вытащил из купели звонок. Значит, вот оно как! Следующие полчаса мы вели разговор, из которого следовало, что знакомство наше, состоявшееся при столь оригинальных обстоятельствах, стоит тем не менее поддерживать.

Телефон затрезвонил сразу же, как только я вошла в квартиру. На этот раз я не мчалась домой сломя голову, не хватала такси и даже прошвырнулась по магазинам. Недрогнувшей рукой сняла я трубку.

— Иоанна? - раздался до боли знакомый голос.

Ох! После четырех дней ожидания! Случись это вчера, я бы от волнения потеряла дар речи. А сегодня? Неужто все-таки клин?..

— Как дела? - с дружелюбной мягкостью отозвалась я. - Рада слышать твой голос.

— Я звонил тебе уже в понедельник, приехал в Варшаву в субботу вечером. Тебя не было дома. Хотел позвонить на работу, да посеял записную книжку со всеми телефонами. А помню только твой домашний. Извини, что больше не перезванивал. Совсем зашил, не соображаю, на каком я свете.

— Жаль, а я надеялась с тобой повидаться.

— Непременно повидаемся. Договоримся о встрече, как только немного управлюсь с делами. А вообще какие новости?

Всякие, но мне как-то несподручно было ему выкладывать. В понедельник, значит, звонил... Я почувствовала, как благодатный покой нисходит на истерзанное мое сердце. Ну хорошо, подожду, когда у тебя найдется на меня время. Главное, что ты есть на свете, что позвонил, что можно с тобой поговорить и, уже не таясь, звонить.

Через сорок пять минут я положила трубку, ни до чего, правда, не договорившись, зато до краев переполненная надеждами и счастьем. Блаженство мое слегка лишь омрачала мысль, что если кому-то очень чего-то хочется, то всегда найдется возможность на это что-то выкроить время. Но я все равно чувствовала себя счастливой, особенно по сравнению с недавними муками.

Я снова уселась за статью, но и на этот раз мне не суждено было с нею разделиться. От борения с родным языком меня опять отвлек телефон.

— Добрый вечер, - хлынул мне в ухо мягкий, чарующий голос.

— Вечер добрый, - отозвалась я, стараясь извлечь из себя те же чарующие модуляции и посылая своей душе заговорщицкую улыбку.

— Как самочувствие?

— Немного лучше. Хотя до идеала еще далеко. Откуда вы звоните, с работы?

— Нет, как ни странно, из дома. Сегодня управился с делами пораньше, успел даже выбраться в город и купить на тахту покрывало, очень даже приличное.

— Какое? Опишите.

— Мягкое такое, серое, пушистое, как мех. Красивое. Я, видите ли, люблю обставлять свой дом. Вообще я к нему очень привязан.

— А какая у вас квартира?

— Неплохая, грех жаловаться. Две комнаты с кухней и всякими мыслимыми удобствами.

— И какой компанией вы там живете?

— Один.

— Значит, приходится платить за лишний метраж?

— Представьте себе, не плачу ни гроша.

— Как это? Квартира кооперативная?

— Нет, государственная. Да, еще тут со мной обитает собака.

— У вас есть собака? Обожаю собак. А какой породы?

— Ньюфаундленд. Чистопородный, с родословной, особой выводки, один такой на всю Польшу.

Я и в самом деле в собаках души не чаю, долгие годы, можно сказать, воспитывалась вместе с собакой, так что у нас сразу же завязалась оживленная дискуссия насчет всяких собачьих достоинств, недостатков, темперамента и прочего. Договорилась я до того, что, когда улеглась спать, перед моими глазами клубились своры тьявкающих барбосов.

На следующий день он опять позвонил. Я уже начинала свыкаться с его звонками и, когда на третий день ни одного не было, почувствовала себя не в своей тарелке. Снова стало тоскливо и жалко себя, несчастную и заброшенную. Телефонный справочник сам собой раскрылся на букве "Г". Позвонить? А ведь обещал, что даст о себе знать, как только немного освободится... Гостиница "Варшава"...

— Пожалуйста, номер триста тридцать шесть...

При звуке знакомого голоса мое сердце снова зашлось как безумное. Времени на меня не хватает? Черт подери! Если чего и не хватает, так только желания, время - понятие растяжимое. В конце концов, в Варшаву он наезжает недели на две, на три, и что же? Трудно выкроить часок для встречи? Все очень просто: ему на меня наплевать. Ну ничего, переживем, плакать не будем, но как все-таки хочется повидаться...

Уговорились мы на воскресенье, так что в субботу мне было не до звонков, всю субботу я просидела как на иголках, взвинченная до предела. Телефон целый день молчал, ну и пусть себе молчит на здоровье, мне нет дела, у меня завтра свидание...

В воскресенье я сидела в многолюдном ресторане и не спускала глаз с единственного для меня на свете лица. Боже ты мой, до чего же прекрасны на фоне загара эти его голубые глаза!..

Ну много ли мне проку с того, что я, оказывается, тоже прекрасно выгляжу? Что он заметил новую мою прическу? Что он держал меня на улице под руку? Все это абсолютное НЕ ТО, всего лишь милая, задушевная дружба... Конечно же, я не какая-нибудь уродина, со мной приятно показаться на людях, в моем обществе не соскучишься, а дальше-то что? Что дальше?

Но как бы там ни было, вопреки всяческой логике и здравому смыслу, на самом дне глупого моего сердца теплилась робкая надежда. А вдруг?.. Вдруг у него и впрямь туго со временем? Вдруг еще наступит ни с чем не сравнимый момент, когда снова можно будет уткнуться лицом во фланелевую его рубашку с ощущением, что я для него единственная, дороже всех на свете...

Ох, не обманывай себя! Не дожدهшься... Все мы, бабы, дурехи...

Как можно писать серьезную статью, когда тебя бросает то в отчаяние, то в надежду? Какая, к бесу, статья! Когда зазвонил телефон, я снова сидела на диване, терзаясь черными думами, ничего общего не имеющими с эстетикой интерьера в домах культуры. Резкое треньканье сорвало меня с места как труба боевого коня. Ну конечно же, клин клином! Хватит киснуть и убиваться!

— .. Добрый вечер...

— Наконец-то! - сердито проворчала я.

— Что значит "наконец-то"? Разве так приветствуют добрых старых знакомых?

— Только так. Что вы себе позволяете? Стоило вам замолкнуть на пару дней, как постоялец из триста тридцать шестого снова завладел моими мыслями.

— Срочно постараюсь наверстать упущенное. Я отъезжал в командировку, но уже, как изволите слышать, вернулся и сразу решил напомнить о себе.

— И правильно решили. А я туг на досуге все гадала, кем вы можете быть, и остановилась на двух вариантах. В Аллее Летчиков расположены столичный мясокомбинат и тюрьма. Вы либо мясник, либо начальник тюрьмы. Не исключено также, учитывая ваше пристрастие к ночной работе, что вы служите портье в "Патрии", но тогда место не сходится. А может, вы ночной сторож?

— Ни то, ни другое, ни третье. Что же касается ночного сторожа, то это была моя розовая мечта, но она так и не осуществилась.

— Чем вы заняты помимо службы?

— Почти ничем, я ведь, кроме шуток, тружусь не покладая рук.

Иногда хожу в кино, иногда в театр или на концерт, а большей частью домовничаю, почитываю кое-что, а то и просто бью баклуши.

— А ваше любимое увлечение?

— Вы не поверите - вождение автомобиля.

— Почему не поверю, даже одобряю. У вас есть машина?

— Есть.

— Какая? "Варшава", на которой вы приезжали?

— А, нет. Это машина моего сослуживца. У меня другая, она сейчас в ремонте.

— А что с ней? Вы попали в аварию?

— Нет, аварий со мной не бывает, лихачить я не люблю. Что-то там случилось с передней подвеской, поломка мне стоила адских хлопот - машина у меня, видите ли, нестандартная, трудно достать запчасти. А теперь давайте сменим тему, поговорим о другом...

Действительно, дальше была затронута тема абсолютно другая. Проблема гипотетической смены контактов с телефонных на непосредственные не могла иметь ничего общего с передней подвеской, будь это даже подвеска нестандартной машины. Я еще не созрела до такого радикального шага, но, так или иначе, обсуждение вопроса продвигалось на удивление гладко. Через час мой собеседник попросил на некоторое время тайм-аут.

В перерыве я интенсивно мыслила, и плодом моих размышлений стало заявление, которое я сделала при вторичном выходе на связь.

— Знаете что, - кротко заявила я, - педантизмом я не страдаю, натура у меня довольно широкая. Можете себе быть хоть золотарем, хоть членом правительства, хоть черт знает кем, мне все равно. Но человек без имени это уж слишком. Признавайтесь: как вас по правде зовут?

Трубка какое-то время молчала, потом я услышала ответ:

— Простите меня великодушно за эту таинственность. Я понимаю, такая конспирация выглядит по-дурацки, но в данный момент я занимаюсь очень серьезным и ответственным делом и при всем желании не могу раскрыть свое инкогнито. Буду вам очень признателен, если у вас хватит терпения подождать этак с месяц - скажем, пока вы не вернетесь из отпуска и я тоже. И тогда я вам все откровенно объясню. А сейчас, поверьте, не вправе.

— Ну хорошо, - небрежно сказала я, в меру скромных своих сил стараясь скрыть охватившую меня оторопь. - Сохраняйте себе на здоровье свое инкогнито. Но хоть имя-то вы можете назвать!

— Если я скажу, вы меня сразу вычислите.

— Ну не Юзеф же вы Циранкевич.

— Что нет, то нет.

— Тогда чего вы боитесь? Имен в святцах великое множество, каким образом я вас вычислю? А я не могу держать в знакомых человека без имени. Без фамилии, профессии, места работы - еще куда ни шло, но без имени - это уж извините.

— Тогда присвойте мне имя, какое вам нравится. Согласен на любое.

— А если я угадаю, вы признаетесь?

— Признаюсь.

Я с вождением ухватила за святцы как черт за невинную душу и начала с первого января. Мечислав!

— Вы не Мечислав, - решительно сказала я. - На Мечислава вы не похожи. На Макария тоже. Данута и Геновефа отпадают. Тит? Вас случайно не Титом нарекли?

— Нет, не Титом.

— Евгений? Евгений вам бы подошел. Эдвард, пожалуй, тоже. Надеюсь, не Телесфор? Каспер? Бальтазар? Самое тут из всего приемлемое - Каспер. Бальтазар больше подходит коту. Юлиан мне не нравится. Люциан - это, конечно, Кидринский. Кстати, а как уменьшительное? Люцусь? Нет, не годится.

Так я дошла до двадцатого января и вдруг, осененная свыше, спросила:

— Послушайте, а может, я по вашему имени уже прошла?

— Точно, уже промелькнуло.

— Вот незадача. И что же теперь делать?

— Значит, не судьба, ничем не могу помочь. Скажу лишь, что тому, кто читает "Пшекрой", вычислить меня ничего не стоит.

— Вы имеете в виду последний номер? Он у меня есть, я в него еще не заглядывала.

— Нет, предыдущие...

Так я ничего и не узнала. Положив трубку, тотчас же, рискуя переломать себе конечности, полезла на шкаф, где пылились старые журналы. Увы, "Пшекроя" среди них не было, знакомые уже давно подчистили мои залежи. Я слезла со стула и стала размышлять.

В чем тут дело? Кто он, этот странный, хоть и вполне симпатичный субъект с магнетически красивым голосом? Почему окружает себя такой таинственностью? Вряд ли это просто уловка, рассчитанная на меня - не смахиваю же я на идиотку, которую можно столь дешевым манером поймать на крючок. Да я и так не скрываю, что он меня интересуется и что наше знакомство мне отнюдь не в тягость. Пускать пыль в глаза таким

пошлым образом способен разве что безмозглый сопляк, а он, без сомнения, человек основательный. Вот история! Не знаешь, что и подумать.

Назови он без всяких околичностей свое имя, я бы на том и успокоилась, терпеливо дожидаясь, пока он сам не соизволит рассекретиться. Но имя, имя оно гвоздем засело у меня в голове. Я порешила костями лечь, а до истины докопаться.

Начала я с того, что стала штудировать телефонный справочник, выясняя, какие такие учреждения располагаются на Аллее Летчиков. Листала все подряд, и коллеги мои уже запускали в мою сторону озадаченные взгляды. Что это у нее за бзик такой?

— Пани Иоанна, - посочувствовал мне один из сослуживцев, - у меня дома завалялась телефонная книга десятилетней давности. Если вас интересует этот жанр, может, принести?

Кроме столичного мясокомбината и тюрьмы в вышеупомянутом районе обнаружилось множество всяких кооперативов и военный радиотехнический завод. Может, это то самое? Но тогда при чем тут коммерция?

После телефонной книги я проштудировала все номера "Пшекроя" за последние два года - с такой же основательностью и с тем же результатом, то бишь без оного. Наконец бесспорно убедила окружающих, что с головой у меня худо, выписав из святцев все имена с первого по двадцатое января и упросив их приставлять к этим именам фамилии всяких известных личностей. Коллеги по доброте душевной подсказывали кто во что горазд: Эдвард Охаб, Евгений Шир, Мельхиор Ванькович, Феликс Дзержинский, Марцелий Новотко, Генрик Сенкевич - увы, все не то. Ни одного проблеска, сплошные потемки.

Если он рассчитывал отвлечь меня таким образом от номера триста тридцать шестого, то цели своей достиг сполна. Над "Пшекроем" я просидела часа два, над телефонным справочником трудилась все четыре. Раз такое дело, дойду своим умом, не обременяя его больше телефонными расспросами. Хочешь поиграть в секретники, пожалуйста!

А звонил он почти ежедневно. И все бы хорошо, кабы не залежавшийся на сердце камень, от которого я мечтала избавиться любыми средствами, потому что страсть как не люблю быть несчастной.

— ..Будьте любезны, номер триста тридцать шестой.

И наконец ужасная эта минута.

— ..Боюсь, нам с тобой встретиться уже не удастся. Послезавтра утром я уезжаю, а на завтра дел у меня невпоровот...

Я приказала себе не хныкать. Сцепив зубы, ждала привычного звонка. Долго ждать не пришлось.

— Должна признаться, - томным голосом проворковала я в трубку, - мне уже наскучило наметившееся в наших контактах однообразие. С удовольствием повидала бы вас живьем.

— О! Значит, вы созрели?..

— Пожалуй...

Клин клином! Ничего больше не остается. Гори все синим пламенем.

— Вот незадача, у меня как раз сейчас, перед отпуском, масса дел...

— А кто говорил, что если очень хочется, то время всегда найдется?

— Погодите, загляну в свои записи... Завтра в двенадцать я свободен.

— Прекрасная пора. Вы перед тем позвоните?

— Конечно. А.., ты.., затопишь камин?

— Почему бы и нет...

Боже, какой голос! Слушать бы и слушать...

Если начистоту, то поступила я, мягко говоря, легкомысленно. Отнеслась к человеку как к вещи, которой можно манипулировать по своему усмотрению, да еще и усмотрение-то было не слишком благовидным. Но здраво рассуждать я в те минуты не могла. Зациклилась на одном: клин клином...

В своем легкомыслии я зашла еще дальше - позволила себе поваляться после обеда на диване, не устроив перед тем в квартире показуху. И, конечно, уснула. Разбудил меня телефон.

— Ты знаешь, мне удастся приехать пораньше, сразу после одиннадцати. Можно?

— О чем речь, буду рада. Жду. И началось светопреставление. Предстояло переодеться, сделать прическу, убрать любезный моему сердцу кавардак и развешанную на веревках внеплановую постирушку, а телефон, как назло, не умолкал ни на минуту. Звонил весь город, будто сговорились. Незадолго до одиннадцати, все еще в дезабилье, я положила наконец трубку, но не тут-то было, снова звонок:

— Еду!

Я впала в панику.

— Через сколько ты будешь?

— Минут через пятнадцать.

Святые угодники! Четверть часа на все про все!

Когда раздался звонок в дверь, сама я, правда, была в полном порядке с головы до пят, зато половина белья все еще болталась на веревке, а вторая половина оказалась у меня в охапке. Я зашвырнула его куда придется,

бросилась открывать, потом метнулась к ожившему вновь телефону. Отвечала я в трубку невпопад, потому как неусыпно следила за тем, чтобы гость случаем не сунулся в кухню, увешанную проклятым тряпьем. Наконец закруглила разговор, нейтрализовала гостя, засунув его в кресло, убрала непросохшее белье, заварила чай и уже со спокойной душой приступила к культурному времяпрепровождению.

Атмосфера воцарилась дружественная и непринужденная, у меня даже возникло чувство, будто я знаю этого человека с младых ногтей. Я не удержалась и снова затронула вопрос об имени. Ответ был такой же, как и по телефону:

— Зови как хочешь...

Я с новым рвением сунула нос в святцы и вдруг ахнула: между первым и двадцатым января фигурировали среди прочих именины Изводора. Матерь божья! Не Изидором ли его кличут! Вполне понятно, что человек с таким именем не хотел бы его афишировать! Я с недоверием воззрилась на него. Нет, на Изидора он не похож, но чем черт не шутит, внешность бывает обманчива...

— Нет, ничего не могу придумать, - сдалась я и отложила святцы, - как с твоим именем ни мудри, любое мне будет казаться фальшивым. Неужто и вправду тайна сия велика есть?

— Я ведь уже говорил. Поверь, все обстоит намного серьезнее, чем ты думаешь. Клянусь тебе, ни с личными моими делами, ни с семейными или гражданским положением это не связано. Просто моя работа и соответственно образ жизни порой требуют от меня такого камуфляжа, потому-то, скажу тебе откровенно, у меня мало знакомых. Близких знакомых. Есть, конечно, круг людей, в котором я вращаюсь и который меня знает, но вне его я не завожу приятелей. И даже это знакомство с тобой мне не следовало бы поддерживать...

— И что, так всю жизнь? На веки вечные придется ограждать себя тайной?

— Ну, не будем преувеличивать. Поговорим после отпуска. А сейчас расскажи что-нибудь, мне нравятся твои истории.

Мы сидели рядышком, откинувшись на спинку дивана. Светила небольшая настольная лампа, из приемника лилась душещипательная мелодия, и настроение обещало приобрести довольно интимную окраску. Тем более что я была исполнена решимости этот интим всячески поощрять. Клин так клин... Не смущало меня, грешную, что вижу я его второй раз в жизни, что понятия не имею ни кто он таков, ни даже как его зовут. Важен сам человек, а не антураж. Не собираюсь же я выходить за него замуж,

связывать с ним свою жизнь или набиваться в содержанки. Зарекаться, конечно, не стоит, вдруг я им увлекусь, со взаимностью либо без (последнее крайне нежелательно), и наше знакомство будет иметь свое продолжение, но с тем же успехом я могу больше никогда в жизни его не увидеть и не услышать. Я женщина свободная, давно уже совершеннолетняя, имею полное право на безобидные сумасбродства. Конечно, мало ли что он обо мне подумает... А, пускай думает, что хочет. Не нанималась же я сидеть затворницей и всю оставшуюся жизнь сохнуть по триста тридцать шестому номеру! С ним все ясно, можно на нем поставить крест. К счастью, подвернулся под руку достойный внимания объект, вполне на уровне, еще и поинтересней, чем тот.

Никаких историй мне выдавать не хотелось. Лучше не переводить наши посиделки в интеллектуальное русло, а то я еще передумаю. Мое настроение, кажется, не прошло незамеченным. Интим все больше сгущался. Разговор то и дело замирал, и все шло в нужном направлении, как вдруг приемник перестал играть душещипательные мелодии и возмутил атмосферу фатальным диссонансом в виде вечерних новостей. Черт бы побрал вечерние новости... Мысленно послав их куда подальше, я покрутила ручку, выбрала из многообразия акустических эффектов Люксембург и снова откинулась на спинку дивана. Взгляд мой упал на моего визави, и в голову пришла неожиданная мысль.

— Послушай, ты зарываешь в землю талант, данный тебе от бога. С таким замечательным голосом тебе следовало работать диктором на радио. Или ты и вправду диктор?

— Не угадала.

— И никогда не был?

— Может, когда-то и был, но не сейчас.

— Какая жалость...

Такой оборот разговора ему явно не понравился, наверно, потому он меня и поцеловал - по его виду я не сказала бы, что он вдруг потерял от моей близости голову. Я уже опасалась, не кажусь ли ему по телефону более привлекательной, чем в натуре, а как раз сейчас это было бы очень некстати.

Его поцелуй меня ошеломил. Не потому, что я ничего такого не ожидала. Нет, совсем по другой причине, надо сказать, ужасной. Оказалось, он пользуется тем же одеколоном, что и номер триста тридцать шестой...

Это было уж слишком. Дурь мою как рукой сняло, и я вдруг трезво осознала, зачем пригласила сюда полужнакомого человека... Что я вытворяю! Вот так, в одночасье, потерять остатки разума, чувство меры и

порядочности! Угораздило же запутаться! Этот не в моем вкусе, хотя, если говорить объективно, он мне нравится, а тот.., того я пытаюсь ненавидеть. Я закрыла глаза и сразу увидела лицо того... А тут еще чертов одеколон. От его запаха у меня заходится сердце и в памяти оживают счастливейшие в моей жизни минуты. Так кто же сейчас тут со мной? Этот или тот?..

Но ведь на том я поставила крест! Выбросила из головы... Во всяком случае, этот меня интересует не меньше...

Я в отчаянии открыла глаза и окончательно, бесповоротно, сцепив зубы, скрепя сердце, выбрала этого. Плевать на одеколон! Решительным движением я перегнулась через диван и яростно выдернула из розетки шнур настольной лампы...

Нечеловеческое мое боре́ние с собой дало свой результат: маячивший передо мной облик побледнел и растаял. Того больше не было, а этот, рядом со мной, оказался на уровне...

Я видела его лицо в мягком мерцании тихо играющего приемника. Он поднял голову и, опираясь на локоть, в изгибе которого покоилось мое плечо, вгляделся в меня долгим взглядом.

— А знаешь, ты очень красива, - тихо сказал он своим мягким голосом.

Только сейчас заметил? В темноте?

— Ну конечно, зеленый свет меня исключительно красит.

Он улыбнулся, не отрывая от меня взгляда. И вдруг что-то произошло. Лицо его в одну секунду неузнаваемо исказилось. Он дернулся, вытащил у меня из-под головы руку и уселся в напряженной позе, как человек, которому нанесли в темноте неожиданный удар, и теперь он с трудом приходит в себя.

— Езус-Мария, - пробормотал он осевшим голосом, - что я натворил!

О боже, что это с ним? Приступ раскаяния? Осознал вдруг всю безнравственность своего поведения?

— Что случилось? - спросила я и тоже поднялась.

— Проклятие! - простонал он и схватился за голову, невменяемым взглядом уставившись куда-то в подоконник. Я невольно посмотрела туда же, но не увидела ничего ужасающего, да и вообще достойного внимания. В полной растерянности я снова воззрилась на своего гостя, сраженного каким-то неведомым ударом, и страшное подозрение закралось мне в душу. Я молчала, ожидая объяснений.

После долгой паузы, во время которой он, вероятно, собирался с мыслями, мое присутствие и вопросительное выражение лица было наконец замечено. Поднявшись, он встал у другого края дивана.

— Послушай... - Голос у него звучал с необычайной серьезностью. Извини меня, ради бога, но случилась крайне неприятная вещь. Я позабыл об одном деле. Допустил оплошность, которая может иметь фатальные последствия. Произойдет даже не трагедия, а самая настоящая катастрофа. Пострадаю не только я, но и многие другие. Ума не приложу, как я мог так оплошать, да и перед тобой страшно виноват. Прости, если можешь.

Простить я пока не могла, пока я только выжидала, что будет дальше. Объясняясь со мной, он подошел к телефону и взял трубку. Я машинально удалилась в другой конец комнаты, потому как с нежного возраста усвоила, что подслушивать чужие разговоры нехорошо. О чем он говорил, я не расслышала, до слуха донеслось лишь несколько слов, из которых следовало, что он сию же минуту выходит, а на всякий случай сообщает кому-то номер моего телефона. Растерянность моя улетучилась, уступив место злости, и я почувствовала, как душа моя в ярости бьет копытом. Я продолжала хранить молчание, горделивое и холодное.

Он закончил разговор и повернулся ко мне, уже окончательно овладев собой.

— Сейчас я не могу тебе ничего объяснить, - бросил он, лихорадочно одеваясь. - Представляю себе, как я выгляжу в твоих глазах, но поверь: дело гораздо серьезней, чем ты можешь себе вообразить. В свое время я тебе все объясню, если, конечно, ты захочешь выслушать. Надеюсь, еще удастся предотвратить катастрофу.

Вид у него был встревоженный и мрачный, но уже более-менее в пределах нормы. Одевшись, он подошел ко мне. Я стояла молча, курила сигарету и наблюдала за его действиями.

— Иоанна, прости меня... Постарайся простить!

Не отвечая, я проводила его в прихожую. У двери он, помедлив, обернулся.

— Могу я тебе еще когда-нибудь позвонить?

— Разумеется, - с ледяной любезностью процедила я.

Он решительно шагнул к двери и потянул засов. Не тут-то было. Что касается меня, то слишком уж я оказалась шокирована случившимся, чтобы держать в голове фанаберии своего замка, - стояла себе, подпирая стенку и даже не помышляя о том, чтобы ему помочь. Какое-то время он боролся с норовистым засовом, потом, потеряв терпение, повернулся ко мне:

— Как это открывается?!

Нет, такая интонация не могла быть вызвана простым нетерпением. В ней сквозила ярость, надрыв, даже ужас человека, который, боясь потерять рассудок, стремится вырваться из замкнутого пространства. Вопрос

прозвучал резко и грубо, почти как приказ. Как будто он совершенно не владел собой.

— Прошу прощения, - с той же холодной любезностью ответила я. Отстранив его, открыла засов и, выпустив восвояси, замкнула за ним дверь.

На ватных ногах добрела я до комнаты и уселась за стол. Изумление и злость понемногу улетучивались, я собралась с мыслями и наконец осознала всю гротескность ситуации. Господи боже ты мой, что же это такое было? Субъект в неглиже, потерявший от страха голову, утрясает по моему телефону какое-то происшествие государственного масштаба... Чистой воды абсурд! Как в дурном сне! В чем тут дело? Кто он такой, черт меня побери, что за фрукт?!

Я закурила вторую сигарету и постаралась мобилизовать весь свой умственный потенциал. Первым делом пришлось с удивлением констатировать, что оскорбленной я себя не чувствую. Вот те раз! Это почему же? Любая нормальная женщина на моем месте испытала бы смертельную обиду. Или я ненормальная? Нет, со мной все в порядке. Этот человек действительно выглядел потрясенным до глубины души. А если притворялся, то притворялся гениально. Хотя так лицедействовать невозможно. Вся сцена в общем-то могла быть прекрасно сыграна и еще лучше поставлена, кроме одного эпизода. У двери. Этот жест, это движение, когда он обернулся, эта интонация были настоящими, насквозь правдивыми. Если уж он и тут сыграл, тогда лучшего актера я в жизни не видела, тогда благоговейно склоняюсь перед его талантом...

Ну а если правда?.. Святые угодники! Куда я влипла?

Что означают эти умопомрачительные тайны?

Какое-то время я взвешивала еще один вариант - допустим, он неожиданно пришел к выводу, что я мерзкая баба, и его охватило глубочайшее ко мне отвращение. Допустить, конечно, можно, *de gustibus non est disputandum* [О вкусах не спорят (лат.)], но тогда зачем ему понадобилось устраивать такое грандиозное представление? Хватило бы признаться, что я не в его вкусе, и тихо-мирно отбыть восвояси. Я бы, само собой, в восторг не пришла, но и от претензий бы воздержалась, все в руцех божиих, значит, мне воздано по заслугам за глупую мою идею. Да и, в конце концов, никто не обязан считать меня неотразимой.

Но нет, тут совсем другое. От всей сцены веяло всамделишной тревогой, даже паникой, никакой антипатии к себе я не уловила. Может быть, потому и не чувствую себя оскорбленной. Нет, не так. Пока что я не чувствую себя оскорбленной, пока что лишь балансирую на краю смертельной обиды. Выжидаю, чем все обернется. Никто в сей юдоли не

застрахован от самых невероятных историй, чего только не случается, вот и я допускаю, что получу объяснение. А уж объяснение либо оскорбит меня, либо успокоит, впрочем, отсутствие такового тоже возымеет свое действие.

И еще одно: независимо от того, как развернутся события, сведут они нас когда-нибудь или нет, я не я буду, если не разужнаю, кто он таков. Землю стану рыть, а его секрет разгадаю. Я хозяйка собственной судьбы и не потерплю никаких таинственных с собой манипуляций. Никому не позволю вовлекать себя в дурацкие конспиративные игры.

Приняв это железное решение, я встала из-за стола, собираясь залечь на боковую. Но мысли мои неотвязно вертелись вокруг одного и того же, тем более что в душу вдруг закралось, явно намереваясь прочно в ней обосноваться, ужасное подозрение, ничего общего с деяниями государственного масштаба не имеющее...

Через два дня, как обычно поздним вечером, зазвонил телефон.

— Хочу еще раз попросить у тебя прощения, - сказал мягкий, прекрасно мне уже знакомый голос. - Ты очень на меня обиделась?

Вот тут я, кажется, совершила роковую ошибку. Нет чтобы изобразить оскорбленную принцессу и повергнуть его, фигурально конечно, в прах к своим ногам - я просто взяла и выложила все как есть. Сказала откровенно, что я по этому поводу думаю и к чему за минувшие два дня пришла. Напрочь упустила из виду, что не всякому дано по достоинству ценить откровенность и что многие ставят форму выше содержания; кто знает, не с той ли минуты меня подхватило и понесло в эпицентр грандиозной авантюры...

— Вопреки твоим ожиданиям я не чувствую себя оскорбленной, - без обиняков заявила я. - У меня нет причин не верить, что дело тогда и впрямь пахло порохом. Вряд ли ты намеренно хотел меня обидеть. Не знаю, из-за чего разгорелся сыр-бор, но пока я согласна считать, что иначе ты не мог поступить, и согласна ждать объяснений.

Вздых, который я слышала в трубке, вполне сошел бы за вздох облегчения.

— Ты даже не представляешь, как я тебе благодарен за такую постановку вопроса. Я и сейчас не вправе ничего конкретно объяснить, но поверь, ситуация была намного серьезней, чем тебе могло показаться. К счастью, ты способна воспринимать вещи здраво, без истерики.

Без истерики? На какое-то мгновение я перестала слышать его голос. В памяти пронеслись кое-какие события и полосы в моей жизни, которые меня напрочь излечили от истерик и научили безграничной терпимости.

Может, даже чересчур безграничной? Все равно никто не оценил. Может, и на сей раз мне следовало бы не демонстрировать широту души, а закатить жуткий скандал?

И опять он ничего не объяснил и не рассказал. После извинений вернулся к прежнему тону милой дружеской болтовни. Ну уж нет! Больше такой номер не пройдет. Что он себе позволяет? Вклинился в мою жизнь в образе и подобию некой вселенской тайны, а теперь, значит, эту тайну побоку? Еще чего, так мы не договаривались.

Я человек порядочный, коварство не по моей части, люблю играть в открытую. Поэтому, заканчивая разговор, сочла своим долгом честно предупредить:

— Должна признаться, я собираюсь тебя расшифровать. Пойду ради такого дела на все возможное и невозможное. Ты не будешь на меня в претензии?

— Бог в помощь, - сказал он тоном человека, сомневающегося в своих способностях. Недооценил он противника...

В последующие дни на меня, к сожалению, свалилось слишком много работы, чтобы предпринимать что-либо днем. В моем распоряжении оставались только вечера да телефон. Я обзвонила весь город в поисках собаки и машины. Однажды он разговаривал со мной в состоянии крайней усталости и, потеряв бдительность, проговорился насчет марки и типа машины. Таких автомобилей в Варшаве раз-два и обчелся, что уж говорить о тех, которые стоят в ремонте с поломанной передней подвеской? Вот только в котором из автосервисов? Отыскать что-то в таком роде по телефону, да еще поздним вечером, представлялось невозможным. Личный досмотр скорее дал бы результат, но где взять столько времени, чтобы прочесать все столичные мастерские?

Заодно с машиной я разыскивала пса, который был тоже, так сказать, нестандартный. Установив дружеские контакты с кинологическим обществом и с владельцами школ дрессировки, я несла по телефону всякую ересь. Ведомая творческим вдохновением, вознамеривалась именно такого пса то купить, то продать, плакалась невинным людям, что он у меня пропал, приبلудился, сожрал девять яиц из "Деликатесов" и полкило консервированной ветчины, собиралась повязать его с такой же высокородной сукой. В конце концов в голове у меня все смешалось и я уже сама толком не соображала, кого ищу пса или хозяина.

Хозяин между тем регулярно мне названивал, с каждым разом давая новый импульс для поисков. Чарующим мягким голосом повествовал он о всяких действующих мне на нервы вещах. Образно и заманчиво живописал

свои закордонные странствия, свои отпускные планы, тем самым напоминая, что и у меня на носу отпуск, что и мне пора бы похлопотать насчет вояжа за границу и, уж во всяком случае, не тратить драгоценное время на дурацкую игру в детектива. Его разговоры повергали меня в злобное уныние, я прекрасно отдавала себе отчет, что погрязла в своих розысках по уши, уподобившись легавой на охотничьей тропе, и нет таких сил на свете, которые сбили бы меня со следа. Неужто я, воспитанная на детективных книгах, откажусь от такой украшающей жизнь забавы? Как бы не так! Бросить дело на половине, не добившись никакого результата? Исключено. Чем крепче казался орешек, тем больше я входила в раж. Не в моем характере пасовать перед трудностями, к тому же не давала покоя мысль, что он знает о моих потугах и втихомолку потешается, нашел себе за мой счет развлечение. Ну ничего, смеется тот, кто смеется последним!

Я уже почти позабыла, как он выглядит, а иной раз даже сомневалась, существует ли он вообще. Не занимая никакого реального места в моей жизни, он был всего-навсего голосом - глубоким, красивым, обаятельным голосом, который меня завораживал. Порой я осознавала, что тут что-то не так звонить-то он звонит, а вот встречаться почему-то не расположен, и теперь уже не он, а я настаиваю на встрече, - но слишком уж меня занимала другая сторона медали, чтобы заикливаться на этой. Неважно, как я выгляжу в его глазах, как он ко мне относится, я мечтала лишь об одном - застигнуть его наконец врасплох в какой-нибудь машине, ведь у каждой машины в этой стране имеется свой номер, а все номера где-то зарегистрированы...

Бог его знает, что этот человек думал о моих поползновениях. Что бы ни думал, вряд ли о них забывал, поскольку соблюдал всяческую осторожность. Даже звонил ко мне не в тот час, какой я ему предлагала, и должна признать, правильно делал...

В отпуск он отбыл, сумев уберечь в целостности и сохранности свою тайну. Еще немного, и я бы потащилась за ним в те же места, но наши отпуска не совпадали во времени, мой начинался незадолго до его возвращения. Я трезво рассудила, что за три дня не успею ни в чем разобраться, не стоит пороть горячку.

Со всеми своими предотпускными делами я уже покончила. По вечерам телефон молчал, и великая тайна наваливалась на меня всей своей неразгаданностью. Мне она до того досаждала, что я уже побаивалась за сохранность своего рассудка. Так недолго и какую-нибудь манию схлопотать. Кем может быть этот субъект? Член правительства? Фигура государственного масштаба? Работник госбезопасности? А может, враг

народа? Ведь если ни то, ни другое, ни третье, если он просто рядовой труженик, то как, черт побери, истолковать его поведение? Вначале еще понятно, вначале он наводил тень на плетень, Не знал, что я за штучка, и побаивался подвоха - грабежа или чего-нибудь такого, порядочные женщины, как известно, не приглашают к себе незнакомых мужчин на ночь глядя. Но сейчас-то? Он знает мою фамилию и много чего другого. успел меня изучить, в моей жизни нет ничего, что могло бы настораживать. Допустим, посчитал, что я не в его вкусе, но тогда почему до сих пор названивает? Я ведь не вынуждаю. Или все-таки вынуждаю?

Прикинув так и эдак, я пришла к выводу, что, возможно, и вынуждаю. Давлю на него моральной своей зависимостью: ведь если он перестанет звонить, я с ним никак не смогу связаться. Но нет, не верю я в такую уж щепетильность. Напрашивается лишь одно здоровое объяснение, и оно, увы, ужасно...

Нет никакой уверенности, что я имела дело с нормальным мужчиной...

А всякого рода извращенцев я до смерти боюсь...

Из отпуска я вернулась посвежевшей, отдохнувшей и исполненной охотничьего азарта, с готовым планом действий. Систематизировала всю информацию, какую удалось собрать. Расписала по пунктам все, что видела собственными глазами, что слышала от него и что удалось установить методом дедукции. Разумеется, не все сказанное им было правдой, пришлось отделять правдоподобное от сомнительного.

Перво-наперво я собственными глазами видела, что он существует. Очень высокий, симпатичный, неординарный субъект в возрасте между тридцатью пятью и сорока, в весьма приличной одежде заморского происхождения. Интеллигентный, высокообразованный, с чувством юмора. Таковы факты. Я видела также собственными глазами машину, которую он водил, но которая, как он утверждал, ему не принадлежит, однако это мне ничего не дает. Машину можно взять и напрокат.

Не вызывало сомнений, что работает он в необычное время. Отголоски, пробивавшиеся в трубку, свидетельствовали о том, что звонят не из квартиры. Если в квартире гости говорят "до свиданья", то хозяин в это время не висит на телефоне. Иногда он прерывал разговор со мной и к кому-то обращался, отвечая на вопрос или отдавая распоряжение. Иногда к нему обращались непосредственно, а иногда было такое впечатление, что он переговаривался по какому-то аппарату. Аппарат... Этот аппарат гвоздем засел у меня в голове, вызывая смутные ассоциации, но какие?

Он не женат, это точно. Женатый мужчина не болтает с чужой

женщиной в полвторого ночи. Разве что жена глухая, слепая и вообще обитает в другом помещении, но это уже маловероятно. Ясно, разговаривал он тогда из дому совсем в другой манере, чем с работы, и никаких посторонних шумов не прослушивалось.

Наверняка можно поверить и насчет пса. Да, пес существует. Я сама достаточно долго держала собаку, чтобы возыметь на сей счет какие-то сомнения. Так о собаке говорят только тогда, когда она есть...

Все остальное я знала лишь по его рассказам. Хочешь верь, хочешь не верь. Жилая площадь сорок четыре квадратных метра, и он не платит за излишки? В Варшаве-то? Значит, государственный муж. Отпуск проводит за границей. Действительно, некоторые путевые впечатления, которыми он со мной делился, можно почерпнуть только из кладезя собственного опыта. Так и быть, примем заграничные вояжи за факт. Насчет особенного какого-то автомобиля не уверена, может есть, а может нет. Если позволяет себе перед первым числом купить роскошное покрывало, значит, с финансами у него полный ажур. Иногда ездит в командировки, по крайней мере так говорит. Выезжает неожиданно и в срочном порядке. Что еще? Ах да, квартира у него идеально благоустроена...

Мысль о квартире выбила меня из колеи - взгляд мой невольно скользнул на потолок с облупленной, осыпающейся побелкой. Вместо того чтобы вести нить своих дедуктивных рассуждений дальше, я стала думать над тем, какую краску пустить на ванную, и сделать ли в комнате одну стенку потемней, и во сколько ремонт обойдется...

Придя к выводу, что обойдется дорого, я почла за лучшее вернуться к предмету своих рассуждений. Что дальше? Какой вывод следует из наличных сведений, собранных вкуче? А никакой. Ничего мне это не дает и для объяснения драматической сцены, разыгравшейся в стенах собственной квартиры. Какого черта он тогда сообщил кому-то мой телефон?

Основательно взвесив имеющуюся информацию, я пришла к выводу, что путь у меня один. Если я не выйду на след через его квартиру, то не выйду на след никогда. Это единственная зацепка, причем из той сферы, в которой я чувствую себя как рыба в воде. Надо вывести все, что можно, и прозондировать, где и когда были сданы в эксплуатацию дома с таким типом квартир и так благоустроенные. Не помешает также условно принять на веру все, о чем он мне рассказывал, - даже если напропалую врал, какое-то зерно правды в эти плевелы попало, будем надеяться, мне удастся его отсеять.

Остановившись на таком решении, я с нетерпением стала ждать звонка. Позвонит или нет?

Уж если не позвонит, тогда, конечно, придется поставить на расследовании крест...

Позвонил. Как обычно, поздним вечером, и, как обычно, вытащил меня из ванны. Я так заспешила, что даже не вытиралась - накинула халат и поскорей забралась на диван под одеяло. И сразу же, после неизбежной приветственной увертюры, приступила к реализации своего плана.

— Ужасно завидую твоей квартире, - лицемерно вздохнула я. Благоустроена, говоришь, по первому классу? Небось и стенные шкафы есть?

— Да, в прихожей.

— Счастливчик, а у меня нет. Какие? Двухсекционные?

— Один двухсекционный, другой одинарный, если я правильно их называю. Ага, значит, тип Б-1 и Б-2.

— А больше нигде нет? Только в прихожей? А то я знаю такой дом, в котором сплошь одни шкафы, так хозяева ломают голову, что бы туда запихнуть.

— Ну, у меня такой проблемы нет. Тем более что шкафов всего два, в прихожей.

— А полы какие? Из чего?

— Как из чего? Из паркета.

— В кухне тоже паркет?

— Нет, в кухне что-то другое...

— А что? Плитки ПВХ?

— В плитках я не разбираюсь, но явно не плитки - покрытие сплошное, из чего-то искусственного.

Ясно, из искусственного. А из чего он хотел? Из мрамора? Только что это может быть? Метражированный полихлорвинил?

— А в ванной у тебя наверняка глазурь?

— Что ты имеешь в виду? Кафель на стенах?

— Ага.

Как можно не знать, что такое глазурь?

— Нет, не глазурь. Ванная окрашена, но очень красиво.

— В жизни не видела красиво окрашенной ванной. А потолки высокие?

— Высокие. Метра четыре.

— Четыре?! Исключено. До войны - да, были такие потолки. Сейчас таких домов не строят.

— Ну, чуть пониже. Но не меньше трех с половиной. Умоляю тебя, только не заставляй меня измерять.

Будь моя воля, я бы заставила, очень уж этот факт меня заинтриговал. Три с половиной метра? Нестандартная высота, странный дом, откуда он взялся? Пристройка к старому зданию?

— А что у тебя за окном? Как насчет пейзажа?

— Трудно назвать это пейзажем. С одной стороны кусочек чего-то вроде сквера, а с другой - стоит здание. Очень удобно стоит, сразу после полудня затеняет солнцем. Меня это устраивает, не люблю, когда жарко.

Итак, расположение известно. Теперь уточним местонахождение.

— А на каком этаже?

— На третьем.

— Дурацкий этаж. Не знаешь, то ли пешком подниматься, то ли лифтом. Когда карабкаешься вверх, кажется высоко, а когда донимает шум - чересчур низко.

— У меня нет шума. Идеальная тишина. Никакого движения, никакой толчеи. Потому-то я сюда и переехал, прежняя квартира тоже была недурна, мне она нравилась, но там в пять утра будили автобусы. А после развода, когда я остался один, она для меня оказалась слишком просторной. Как-то неприлично одному занимать хоромы из трех комнат, да еще с кухней.

— Прежняя у тебя тоже была в центре?

— Ну да. На углу Мокотовской и Котиковой. Как раз по Мокотовской и ездят автобусы.

— А ты случайно не собираешься заняться ремонтом? Меня эта проблема ужасно угнетает, давно пора сделать ремонт.

— У меня такой проблемы нет. Я здесь живу.., погоди, сколько я здесь живу? Два года. Да, скоро уже два года. Квартира еще как новенькая.

— А ты ее получил или обменялся?

— Получил, абсолютно новую. Еще и поджидала меня несколько месяцев, остальные жильцы давно заселились, а мне все не хотелось расставаться с прежней.

— Ох, как я тебе завидую, - подзуживала я. - Чего доброго, скажешь, что у тебя и лестничная клетка какая-то особенная...

— Да, лестничная клетка неплохая.

— ..я тогда точно заболею от зависти. По поручням можно съезжать?

— Не понял?

— Можно, спрашиваю, съезжать по поручням? Я это очень люблю, сколько лет каждый день каталась.

— Знаешь.., не пробовал. По-моему, нельзя, чересчур крутая.

— В каком смысле крутая? В два пролета?

— Нет. Идет как-то так: сначала три ступеньки, потом четыре, потом еще по несколько ступенек, потом одна...

Я аж онемела. Что он такое говорит? Одна ступенька? Ничего такого в современном домостроении нет, разве что... Черт подери!

В голове у меня мелькнул зыбкий просвет. Опять что-то припомнилось, вроде бы знакомое. Но мне ведь казалось, что он должен жить на Лятавце, с чего мне втемяшился этот Лятавец? Где-то тут концы с концами не сходятся, ладно, потом разберусь.

— Ты прав, - неуверенно сказала я. - По таким перилам не наездишься. А балкон у тебя есть?

— Балконов в этом доме вообще не имеется, единственный его недостаток. Что поделаешь, нет в мире совершенства. Ты извини, придется с тобой попрощаться, опять отбываю в командировку. Кажется, подошла машина.

— И надолго? Когда мне ждать звонка?

— Точно не знаю, но к среде вернусь наверняка.

— Среда невезучий день, ну да ладно. Счастливо тебе.

— Спокойной ночи.

Неплохой улов! Я буду не я, если и теперь ничего не добьюсь. Здание нестандартное, это ясно. Сверхнормативная жилая площадь, сверхнормативная высота потолков, дом развернут на юг - север, глядит на север с двусторонне застроенной улицы. С тыльной стороны кустарниковая зелень, улица закрыта для транспорта, либо движение там ограничено. И эта странная лестница с одной ступенькой! Не может быть, приврал или напутал, лестница не укладывается ни в какие строительные нормативы. А до того жил на углу Кошиковой и Мокотовской... Выехал два года назад, квартира была за ним забронирована... Не забыть бы - дом сдан в эксплуатацию в четвертом квартале шестидесятого года!

А раньше жил... Стоп, привратник! Этот народ о жильцах знает все! Немедленно к привратнику!

Дай бог здоровья всем авторам детективных книг, как здравствующим, так и покойным, всем вкупе! С сердцем, исполненным признательности к вышеупомянутой братии, я отправилась на покорение тайны.

К цели можно было проторить два пути: через нынешнее его местожительство, ибо целыми пачками дома в эксплуатацию не сдаются, да еще такие нестандартные, и через прежнюю квартиру, ибо из нового дома люди, опять же пачками, не переселяются.

У меня оставалось еще два отпускных дня, и я решила посвятить их столь оригинальному времяпрепровождению. Первый раз в жизни выпала

мне такая увлекательная забава, и я, чего скрывать, чувствовала чуть ли не благодарность к этому человеку за то, что он привнес неожиданную остроту в мое пресное, вялотекущее существование. Наверняка он даже не догадывается, какое удовольствие мне доставляет.

Начала я с районного отдела архитектуры при нарсовате и через проектировщиков - как-никак собраты по профессии - вышла на инвесторов жилых зданий. Проектировщики клялись и божились, что ни одному из них в голову не пришел бы такой несуразный проект лестничного пролета, посему пришлось оставить их в покое и взяться за Горстройуправление. Сия институция инвестирует все жилищное строительство, за исключением немногих ведомственных зданий, проходящих по особой статье, - в моем случае это наверняка то самое исключение, но надо удостовериться точно. В первый день я не успела, рабочее время уже закончилось, так что пришлось переключиться на привратников. Дотошный народ, к ним лучше подкатить с каким-нибудь сочиненным про запас объяснением. Проявив недюжинный литературный талант, я придумала душещипательную историю о том, как три года назад у меня пропал "Неистовый Роланд" Ариос-то, большой раритет, издан в XVIII веке, - один мой приятель оставил его по ошибке у своих знакомых. Приятеля мне требовалось как-то вывести из игры, чтоб не советовали с него и спрашивать, поэтому я отослала его в Ирак, где очень кстати - то бишь некстати случилась революция, помешавшая мне с ним связаться. А сама я этих его знакомых не знаю, как зовут - тоже, знаю только, где они жили три года назад. Слышала о них краем уха всякие светские пересуды, а воспитанные люди судачат, не упоминая фамилий. Дело известное, *potius sunt odiosa* [Имена нежелательны (лат.)]. Ариосто же нужен мне позарез, он ведь не мой, вдобавок владелец на днях возвращается из-за границы. Пропажу надо во что бы то ни стало вернуть, иначе как я буду выглядеть в его глазах - посеять такую ценную вещь!

Бог знает, существует ли где-нибудь в Польше хоть один экземпляр "Неистового Роланда" издания XVIII века, но вряд ли я напорюсь на библиофила, а простые смертные в таких тонкостях ничего не смыслят. Я выкладывала сочиненную историю незнамо сколько раз, направо и налево, расцвечивая все новыми подробностями, так что в конце концов сама поверила и уже вполне чистосердечно изображала вселенскую скорбь. Даже слезы на глаза навертывались. Выкладывала заодно и сплетни, дескать, жили они в трехкомнатной квартире, потом развелись, выезжали поочередно, сначала она, потом он, сообщала примерное время, когда это произошло. Моя озабоченность выглядела вполне натуральной, хотя

правдивым во всем рассказе было лишь то, что я не знала фамилии интересующей меня четы.

Привратники верили и горячо сочувствовали, да толку-то - столь же горячо они меня убеждали, что в их доме трехкомнатные квартиры не водятся. Инстинкт подсказывал мне не доверять привратникам на слово, и я положила наведаться еще и в паспортный стол. Кровь из носу, а доберусь до правды.

На следующий день я первым делом направила свои стопы в Горстройуправление. Здесь трогательный рассказ о "Неистовом Роланде" был не к месту, пришлось сочинить другой. Я его приготовила заранее, а по дороге лишь конкретизировала социально-жилищные проблемы, которыми якобы интересуется некое исключительно почтенное ведомство. Будто один из сотрудников заинтересованного ведомства однажды имел в поезде разговор с попутчиком и этот попутчик упомянул о доме, которым жильцы не нахвалятся. Ведомство поручило мне собрать информацию об отрадном курьеze, ибо налицо уникальный случай в истории современного градостроительства - не бывало еще, чтобы новоселы не кляли почем зря строителей. Сотрудник ведомства оказался изрядным олухом - не узнал у своего информатора никаких координат, и теперь мне приходится отдуваться. Я снова пустила в ход добытые сведения, особо напирая на срок сдачи дома в эксплуатацию. К счастью, мое удостоверение сослужило мне службу - как-никак прошу помощи у коллег. Легкое недоумение вызвал, правда, способ сбора информации - очень уж дилетантский для такого солидного ведомства.

Моя заикленность на положительных отзывах жильцов встречена была с некоторой долей удивления и скепсиса, а уж на рассказ о лестничном пролете с одной ступенькой каждый считал своим долгом постучать пальцем по лбу. И все же я получила то, что хотела: адреса домов, сданных в эксплуатацию в интересующий меня период, причем не кооперативных, а государственных, поскольку я твердо придерживалась принятого решения - условно считать за правду все, что мне понарассказал мой телефонный друг.

Из Горстройуправления я понеслась в паспортный стол, на ходу стараясь снова перестроиться на потерянного Ариосто. Всю дорогу бормотала "Неистовый Роланд", "Неистовый Роланд", потому как чувствовала себя слегка одуревшей и боялась запутаться в литературных вариантах.

В паспортном столе сидело несколько служащих. Заламывая руки и причитая, я с хватающими за душу отступлениями живописала перед ними

свое несчастье. Для пущей убедительности дополнила рассказ координатами владельца книги, поместив его в Швейцарию, и датой приезда. Якобы возвращается послезавтра. Бог знает, почему именно послезавтра, что же касается Швейцарии, то я как раз получила оттуда письмо от коллеги - он, правда, в ближайшие годы из этой благословенной страны возвращаться не собирался и "Неистового Роланда" в жизни в руках не держал. Иначе дал бы почитать и мне.

Служители паспортного стола слушали меня раскрыв рты, исполненные трепетного сочувствия и страстного желания помочь. Дамы, увы, честно признались, что ничем помочь не могут. зато единственный среди них мужчина задумчиво наморщил чело.

— Говорите, три года назад? А перед тем развелись? Кажется, я знаю, о ком речь...

Я сначала оцепенела, а потом набросилась на него как шакал:

— Благодетель вы мой, говорите же скорей! Выручайте!

Служитель воззрился на меня с удвоенным интересом и усмехнулся улыбкой Моны Лизы:

— Высокий такой, симпатичный брюнет, да? Точно, она съехала первой, а он еще оставался. У них было две дочери.

Какие еще дочери? Он же бездетный. Может, соврал, хотя зачем?

— О дочках ничего не слышала, - осторожно сказала я. - А остальное все сходится.

— Кажется, дочки были ее, от первого брака. Одна совсем взрослая. Ну да, я знаю, кто это.

К черту дочек, пусть их будет хоть целый выводок! Фамилию! Если он мне сейчас не назовет фамилию, придушу.

Видимо, служитель догадался о моем намерении или я слишком уж кровожадно на него вызверилась - торопливо отвернувшись, он призвал в свидетели одну из дам:

— Не помнишь? Они жили на третьем этаже. Актриса с мужем, как бишь их звали? Ну?

Когда прозвучала фамилия, я оцепенела во второй раз. Ушам своим не поверила. Невероятно!

— Но... - захлебнулась я, - не может быть...

— Больше никто в то время не выезжал... Служители разглядывали меня со все большим интересом. Пришлось елико возможно взять себя в руки, чтобы не заподозрили чего неладного.

— ..Если вы не ошиблись домом, то это только они.

Я постаралась изобразить на лице подходящую гамму чувств.

Пришлось для этого вернуться мыслями к Ариосто - как же, теперь я пропажу как пить дать разыщу.

— Мой приятель был знаком с мужем, жену он почти не знал, - сказала я, умерив свое потрясение до приличествующей обстоятельствам радости. - Где они теперь обитают?

— Она живет в центре, а он - не знаю. Вот те раз! Какое мне дело, где живет она...

— Не беда, попробую как-нибудь разыскать. А кем он работает, этот человек?

— Был диктором на радио, а сейчас не знаю. Голос! Силы небесные, вот откуда голос! Какая же я тупица!

— А имени его вы не помните?

— Понятия не имею.

— Ну ничего, главное - фамилия. Очень вам признательна, вы мне спасли жизнь и честь.

Я вышла на улицу, не чуя себя от потрясения. Невероятно! Неужели я его в конце концов расконспирировала? Диктор на радио! На Польском Радио нет ничего тайного, что не стало бы для меня явным, осведомителями меня там бог не обидел.

Вечером, вернувшись домой, я повисла на телефоне. Молниеносно добралась до знакомой мне дамы, работающей на радио в нужном отделе. Не трата времени на объяснения, я сразу же приступила к делу.

— Вы случайно не слышали о человеке с такой-то фамилией? Несколько лет назад он работал диктором, - спросила я, стараясь придать голосу умеренное любопытство.

— Он и сейчас диктор, - с готовностью сообщила знакомая дама.

— Что вы говорите? Вы его знаете? Разговаривали с ним когда-нибудь?

— Сотни раз. Очень приятный человек.

— Верю. А как его зовут?

— Януш. С чего это он вас заинтересовал? Януш! Разрази меня гром! А я уже готова была окрестить его Изидором.

— Да понимаете, я тут столкнулась с одним субъектом, который выдает себя за него. Во всяком случае, у меня такое впечатление. Вот решила проверить, тот или не тот, врет или так оно и есть.

— Внешность у него, надо сказать, очень своеобразная. Другого такого трудно найти.

— А как он выглядит?

— Ростом под два метра, брюнет, очень симпатичный, с красивыми

зубами. Лет сорока или чуть помоложе.

Сходится! Все сходится!

— Какая стрижка, короткая, нормальная?

— Короткая? Нет, скорее нормальная. Гладко зачесан.

Я молчала, ошеломленная услышанным. Невероятно, но я его нашла.

А вдруг все-таки не он?

— А какие глаза, темные?

— Не уверена, не присматривалась. Кажется, темно-серые.

Нет уж, только не серые. У него карие. Он или не он?

— Кто его знает, - с сомнением протянула я. - Может, он, а может, нет.

Вот если бы услышать его по телефону или увидеть, тогда все стало бы ясно.

— Чего уж проще, позвоните ему. Могу дать студийный телефон.

— А домашний? Домашнего у вас нет?

— К сожалению, нет.

— Ладно, сойдет и служебный.

Я записала несколько номеров, до боли мне знакомых по летам молодости. Где то время, когда все они были у меня под рукой, в записной книжке...

— А если хотите его увидеть, - предложила знакомая дама, - завтра я скажу вам, где он послезавтра дежурит, там и посмотрите на него.

— Прекрасно, я вам позвоню. А вы случайно не в курсе, где он обитает?

— Где-то на Старувке, точно не знаю.

Рассыпаясь в благодарностях, я простилась с ней и под горячую руку позвонила по одному из полученных номеров. В ответ слышала, что он уже ушел и будет завтра в десять. Я положила трубку и стала наводить порядок в мыслях. Значит, на Старувке...

Винтовая лестница, нестандартные потолки... Какой же надо быть безмозглой тупицей, чтоб не догадаться. И этот аппарат, таинственный аппарат, по которому он переговаривался, он мне знаком не меньше, чем телефоны... Не иначе у меня уже размягчение мозгов.

Я открыла телефонный справочник. Ну конечно, такой фамилии здесь нет. Справочная служба!

— ..Простите, номер не для оглашения, сообщить не могу.

Черт подери! Бывшая жена! Я же знаю человека, который с нею знаком! Попрошу ее телефон!

Бог знает зачем мне понадобился ее телефон. Скорее всего, я действовала уже в силу инерции и натворила бы глупостей, если бы не моя

верная, бессменная подруга Янка, которой я позвонила уже за полночь, чтобы посоветоваться. Подруга сказала:

— Чует моя душа, что ты дошла до точки, с которой все, что ни предпримешь, вылезет тебе боком. Иди-ка лучше спать, утро вечера мудренее.

Я приняла на веру, что чутье у ее души безошибочное, и подчинилась.

На следующий день, поскольку отпуск у меня закончился, пришлось идти на работу. Оказалось даже кстати, не долго думая я взяла в оборот одного сослуживца, из тех, кто притерпелся к моим странностям, и морально подготовила его к тому, что скоро ему предстоит не совсем обычный телефонный разговор. Изнывая от нетерпения, я дождалась десяти часов. Сослуживец тоже томился, обеспокоенный моим предупреждением.

— Весе, - предупредила я, - тебе надо будет позвонить одному типу и что-нибудь у него спросить. Что на язык подвернется, то и спросишь, лишь бы ответил.

— Скажем, как ему нравится варшавская весна?

— Нет, не пойдет, он ответит, что никак, и бросит трубку. Придумай такое, чтобы ему пришлось отвечать подольше.

Ровно в десять я вручила сослуживцу телефонную трубку и набрала номер. Весе, заикаясь от неловкости, попросил к телефону такого-то и сказал:

— Прошу прощения, мне посоветовал к вам обратиться пан.., пан Петр Кемпинский. Хотелось бы узнать, когда состоится передача о живописи импрессионистов.

Я вырвала у Весе трубку и стала слушать:

— Понятия не имею и не понимаю, с какой стати вам посоветовали обратиться именно ко мне.

Я заехала Весе трубкой в ухо и прошипела:

— Он ничего не знает!.. Весе сказал:

— Я слышал, что намечен цикл передач на эту тему, и меня интересует, когда состоится первая...

Я снова вырвала трубку и услышала ответ:

— ..ничем не могу помочь, по-моему, тут какое-то недоразумение...

Я быстро сунула Весе трубку и прошептала ответ:

— Говорит, ошибка...

Весе это знал и без моей подсказки, но твердо гнул свое:

— Мы с паном Кемпинским встретились на днях в кафе, разговорились, вот он и сказал, что вы принимаете в передаче участие, и

посоветовал обратиться к вам...

Я перехватила трубку. В ответе звучало уже неприкрытое раздражение:
— Но почему ко мне? Спросите в отделе планирования программ.

На этот раз мы с Весе затеяли бестолковую возню с трубкой, вырывая ее друг у друга, - Весе старался поднести ее к уху, я же норовила заехать ему трубкой в глаз, нервно бормоча:

— ..в отделе планирования...

Весе никак не мог понять, что эти мудреные слова означают, а кроме того, от моих колотушек по черепу успел основательно отупеть, поэтому игнорировал мою подсказку и заталдычил по новой:

— Раз вы принимаете в передаче участие, то должны знать...

Наш собеседник потерял всяческое терпение и ответил Весе, то бишь мне, не скрывая недовольства:

— Простите, но я ровным счетом ничего не знаю, запишите номер отдела программ и обратитесь туда.

И он продиктовал номер, который лежал перед нами на столе. Я передала трубку Весе, тот снова стал долдонить свое как заведенный, хотя что ему оставалось, ведь он не слышал ни одного ответа, а от моих подсказок толку было мало. Я не удержалась и прыснула. Весе посмотрел на меня и тоже хрюкнул, потом заржал во всю глотку, но в трубке, к счастью, уже слышались гудки.

Отсмеявшись, Весе с любопытством уставился на меня.

— Ну и что? Каков результат?

Результат был однозначный. С первых же слов я узнала этот голос мягкий, глубокий, гипнотизирующий меня вот уже много недель. Ах ты, курицын сын...

Вот, значит, какая у тебя государственная служба, да еще, туды-растуды, засекреченная! И что же такого, черт бы тебя побрал, могло случиться в коридорах Польского Радио в тот памятный вечер, ознаменованный Вселенским Переполохом? У кого из нас, хотела бы я знать, течет крыша, у меня или у него? Нет, надо мне увидеть его собственными глазами, до тех пор не поверю...

— Кто такой этот Петр Кемпинский? - поинтересовалась я у Весе, приведя свои растрепанные чувства в относительный порядок и наметив план действий на следующий день.

— Так, один тип, и вправду там работает, кажется, голубой, но это неважно, он меня вообще не знает.

— Зато если он твоего Кемпинского знает, головомойку ему задаст по первое число, и то сказать - насылает всяких дураков. Откровенно говоря,

особым умом ты в разговоре не блеснул...

— Да и он особой благовоспитанностью не блещет, - парировал Весе после некоторого раздумья. - Бросил, видите ли, трубку.

— На его месте любой бы бросил. Он и так долго продержался.

На следующий день я слиняла утром с работы и заняла наблюдательный пост. Ждала в такси. Варшавские таксисты - народ ко всему привычный, ничем их не удивишь. Ждать пришлось недолго, объект наблюдения был человеком пунктуальным и ответственным. Я всматривалась в него из своего укрытия. Это он, никаких сомнений! Особо вглядываться не пришлось, другой такой фигуры во всей Варшаве днем с огнем не сыскать!

После многотрудных размышлений я пришла к неутешительному выводу, что объяснить столь усиленную конспирацию можно только одним. Разыгрывая из себя таинственную личность, этот тип устроил себе за мой счет первоклассную потеху. Если ему так хочется, на здоровье, меня не убудет. Но уж и я в долгу не останусь, немного и ему поиграю на нервах, мне, может, тоже хочется потешиться в свое удовольствие.

Если бы речь шла об обыкновенном знакомстве, я бы поставила точку, удовлетворившись добытой информацией. Но на сей раз я положила себе раскопать все до конца. Номер машины, номер телефона, адрес, словом, всю подноготную! Ах, он засекречен? Тем лучше. Крепкие орешки как раз по моим зубам.

Итак, мне известно, когда у него ночное дежурство и где. Вообще во всем, что касалось его работы, я так же хорошо ориентировалась, как и в своей собственной. Прежде я вращалась в этих кругах, да и сейчас могла без труда узнать любую интересующую меня подробность.

Я заказала себе на вечер такси, предусмотрительно облюбовав водителя, не чурающегося пассажиров со странностями, и села ждать. Включила приемник и слушала, как знакомый завораживающий голос читает либретто "Кармен". Давно я уже краем уха нет-нет да и улавливала до боли знакомые интонации, но он тогда так решительно отмел мое предположение насчет диктора... Впрочем, голос в эфире воспринимался совсем по-другому. Гораздо приятней он казался по телефону, когда я слышала собственные его слова, собственную интонацию. В трубке голос звучал мягче, теплее, чуть ниже тембром и, уж во всяком случае, намного обаятельней...

На этом месте телефонный звонок прервал мои размышления. Все правильно, "Кармен" - то идет полным ходом... Ехидно усмехаясь, я подняла трубку.

— Добрый вечер.

— Как дела? - сказала я и включилась в игру. - Знаешь, я тут снова гадала насчет твоего имени и окончательно пришла к выводу, что стоит тебя как-то окрестить.

— Я разве против! Есть варианты?

— Сначала вернулась было к Изидору. И подходит, и святцам соответствует...

— Изидор так Изидор, хотя тогда уж лучше Пикадор.

— Не переживай, я и сама передумала. С уменьшительным не ладится. Изидусь? Изидорчик? Не звучит. Всесторонне проанализировав проблему, я сочла, что кроме Изидора тебе еще подошел бы Ян. Но Ян мне не нравится, в молодые лета знавала я одного Яна-алкоголика. Зато Яна можно переделать в Януша, Януш меня устраивает, устроил бы и Збышек, и Марек, но ни Збышек, ни Марек тебе не подходят. Пожалуй, успокоюсь на Януше. Что ты на это скажешь?

Януш на какое-то время лишил его дара речи. Я прямо слышала, как он в душе чертыхнулся. Потом наконец подал голос:

— Как ты сказала? Не Ян, а Януш? Ладно, пускай будет Януш. Все-таки лучше, чем Изидор.

Через полчаса "Кармен" подобралась к антракту, и нам пришлось разговор прервать. Я терпеливо пережидала антракт, потом последние новости, а потом и "Желаю дорогим радиослушателям доброй ночи". Никогда еще я не слушала последние новости со столь животрепещущим интересом. Сразу же после государственного гимна раздался звонок.

— У меня опять свободная минутка. - Мог бы не говорить, и без него знала. - Заварил себе отличного чая и устроил передышку.

— "Юнан"? - невольно полюбопытствовала я.

— Нет, из пакетиков. Привез из-за границы. Поскольку тайны его оказались почти разгаданы и моего внимания особо не поглощали, на смену стала всплывать из подсознания одна довольно неприятная мысль. Что-то в наших контактах проскальзывало такое, что мне активно не нравилось. Со дня нашего знакомства инициатива пребывала исключительно в его руках, я же, с головой уйдя в розыскные проблемы, почти не задумывалась над общей линией его поведения. А поведение это, если подумать, должно бы меня насторожить, особенно в последнее время. Зачем он дурит мне голову какими-то командировками? Это же чистой воды вранье. Если у него по несколько дней не бывает желания мне звонить, кто его заставляет? Скажи потом, что был занят, и все дела.

Не хочет встречаться со мной? Так пусть не встречается, на здоровье,

но элементарная порядочность требует поддерживать отношения на какой-то стабильной основе. Особенно после той сцены, которая, учитывая последние мои открытия, понемногу предстает передо мной в оскорбительном свете... Нет, пора перехватить инициативу. Придется, правда, сознаться, что я все знаю, а не хотелось бы, пока что меня ситуация тоже забавляет, жаль так сразу прерывать игру. А может, у него на уме еще и другие резоны? Боюсь, они-то уж точно в восторг меня не приведут...

Я рассеянно слушала, что он говорит, и отвечала невпопад, проявляя крайнюю невоспитанность. До такой степени меня все эти сомнения поглотили, что сам по себе вырвался вопрос:

— А почему ты, собственно говоря, мне названиваешь?

— Если тебе неприятно, могу не звонить. В душе у меня вспыхнул красный сигнал. Внимание, тревога!

— Вот ответ, который меня не устраивает, - осторожно заметила я. - Не нравится мне ужасно...

— Видишь ли, я предпочитаю не навязываться. Если ты задаешь подобный вопрос, значит, тебе мои звонки в тягость. Вывод напрашивается именно такой. Во мне сразу же просыпается подозрение, что я докучлив, а мне бы этого очень не хотелось. Понятен мотив моего ответа?

— Позволь тогда и мне растолковать мотив моего вопроса, - я резко переменила тон. - Впервые ты позвонил мне после того телефонного злоключения. Потом у нас состоялось randevu, довольно экстравагантное, но все-таки. И с тех пор ты мне регулярно названиваешь. Я, естественно, вправе предположить, что заинтересовала тебя. А то и, чем черт не шутит, понравилась. Так или иначе, инициатива постоянно исходит от тебя... Я же со своей стороны не скрываю, что мне твои звонки только в радость...

— Вот ты сама и расставила все по местам. Мне добавить нечего.

— Ты так считаешь? Придется добавить мне: странная у тебя какая-то склонность ограничивать наше знакомство телефоном...

— Я же говорил, у меня масса работы, на увеселения не хватает времени. А если уж быть точным, так и вовсе нет.

Боже, каким голосом он это изрек! Мягким, задушевым, убедительным не знай я в точности, как взаправду обстоят дела, чего доброго поверила бы. Даже жаль было, что поверить никак нельзя.

— Серьезно? - простодушно удивилась я. - Насколько мне известно, нет на этой грешной земле такой работы, которая не позволяла бы выкроить толику времени себе в удовольствие.

— Не знаешь ты моей работы! С такими, как у меня, обязанностями не до удовольствий. Порой некогда дух перевести.

— А я-то, грешная, считала, что имею некоторое представление и о работе, и об обязанностях...

— Но не о моих. И слава богу, терпеть не могу всезнаек. О моей службе ты судить не можешь.

По иронии судьбы как раз о его службе я очень даже могла судить. Еще немного, и заявила бы напрямик, противно, когда тебе пудрят мозги без надобности. Сама я предпочитаю в отношениях с людьми ясность и жду от них того же. Но красный сигнал внутри все еще горел, поэтому я промолчала и позволила ему сменить тему.

— Никогда не угадаешь, чем я сейчас занимаюсь, - сказал он.

"Перечитываешь либретто к "Кармен"", - мрачно подумала я и сказала:

— Знаю, пьешь чай. Сам проговорился.

— Шутишь! Это не в счет, это в мои служебные обязанности не входит.

— Что, чаепитие?

— Чай для передышки. А по работе я сейчас занимаюсь одной исторической личностью.

У меня чуть было не сорвалось, что Бизе трудно назвать исторической личностью, но я вовремя прикусила язык. Лучше ему подыграю.

— Какой именно?

— Князем Юзефом Понятовским [Юзеф Понятовский (1763 - 1813) - польский вельможа, участник восстания Костюшко, маршал наполеоновской армии]. Я не могла скрыть своего удивления:

— А что общего у князя Понятовского с коммерцией?

— С коммерцией? При чем тут коммерция?

— Ну как же, сам говорил, что занимаешься коммерцией. К службе сей судьбой и миром призван... Продаешь его памятники? В Варшаве чего только не пытались продать - мост Понятовского, колонну Зигмунта, трамвайные коммуникации, почему бы не пустить в оборот и памятники. Только я тебя в такой роли не представляю.

— И правильно делаешь, памятниками я не торгую, я изучаю его жизненный путь.

— Пишешь биографию?

— Не столько пишу, сколько читаю.

— Увлекательное занятие. Для коммерсанта в самый раз.

— Прости, пора закругляться. Дела не ждут. Свяжись с тобой еще раз, попрощаться, - если выкрою время.

И снова мигнул красный сигнал. Что он хочет этим сказать?

— Что значит "попрощаться"? Навеки?

— Надеюсь, нет. Хотя, возможно, и надолго. Уезжаю завтра и вряд ли успею тебе позвонить.

— И далеко?

— Да не близко. В теплые края.

— Завидую. А когда вернешься?

— Сам не знаю. Может, через пару дней, может, задержусь на несколько недель, а то и месяцев. Скорей всего, через неделю-другую наведуся на денек в Варшаву и снова укачу.

Я молчала - уж очень такой оборот мне не понравился. Как его понимать? Хочет порвать со мной? Не решается сказать напрямик?

— А как вернешься, что тогда?.. - осторожно закинула я удочку.

— А как вернусь, немедленно позвоню, и уж тогда-то, смею надеяться, мы встретимся. Откровенно говоря, иной раз чувствуешь себя как выжатый лимон, тоскуешь по нормальной жизни обыкновенного человека. Когда же, думаешь, можно будет зажить нормально, как все люди. Работать от и до, вовремя возвращаться домой, иметь досуг на всякие житейские удовольствия и личную жизнь. Словом, принадлежать себе.

— Я думала, ты на прощание скажешь что-нибудь обнадеживающее.

— Разве я не сказал?

— Не вижу в твоих планах места лично для себя.

— А мне всегда казалось, что женщины отличаются сообразительностью. По-моему, чего уж яснее: мечтаю располагать наконец временем на житейские удовольствия и личную жизнь...

— Стало быть, я отношусь к удовольствиям?

— Разумеется. Не к обязанностям же.

— И на том спасибо. Жаль только, что все отодвигается в прекрасную даль.

— Ничего не поделать. Работа такая, что собой не располагаешь, принадлежишь, так сказать, отечеству. Но я не жалею, мне моя служба по душе.

Нет, на окончательный разрыв не похоже. Голос такой проникновенный, убедительный... Словно от чистого сердца говорит. А ведь врет, доподлинно знаю, что врет. Никуда он не выезжает, ни в какую командировку. У меня прямо язык зачесался выложить ему все начистоту.

— Извини, мне действительно пора. Если успею, позвоню.

Бросив трубку, я выскочила из дому. "Кармен" скоро закончится, еще только последние новости - и отбой! Такси у подъезда, рога трубят, вперед!

На всякий случай я принарядилась в старье, изменившее мою фигуру до неузнаваемости. Кто знает, что может меня ожидать, учитывая тот факт,

что я никогда, сколько помнится, не владела событиями, которые сама же и выпускала из бутылки. Итак, я выскочила из дому и взяла след.

Здание радиопрограмм имеет, к счастью, только один выход, но, к несчастью, припарковаться там негде. Мне нужно было найти место незаметное, укромное. С таксистом у меня установилось полное взаимопонимание, он не только подчинялся моим требованиям, но и сам проявлял инициативу. Какое-то время мы раскатывали с ним взад-вперед по улице в диапазоне нескольких десятков метров, выбирая себе уголок по вкусу. Наконец устроились в отличном укрытии, зато далеко от выхода. Меня это немного тревожило, в темноте ничего не стоило его и проморгать. Кроме нас, на стоянке не было ни одной машины.

Ждали мы целую вечность. Косматая колючая шапка доставляла мне страдания пуще тернового венца. Я курила сигарету за сигаретой и тарасилась в темноту, пока перед глазами не поплыли круги.

— Так недолго и косоглазой стать, - буркнула я водителю, сопереживающему мне уже всей душой. Он обернулся ко мне.

— Знаете, у меня тоже в глазах рябит. Далековато стоим. Но ближе нельзя, обнаружим себя.

Он снова устался в темноту и вдруг глухо вскрикнул:

— Атас! Кто-то вышел!

— Где?

— Вон там! Смотрите, ноги! Вон у того сугроба маячат!

И правда, на фоне снежного заноса темнела мужская фигура, вышагивавшая туда и обратно.

— Что это он делает? - удивился водитель. - Решил в такую пору размяться?

— Ждет машину, наверное, она опаздывает. Знать бы, тот ли это тип, который мне нужен.

— Теперь-то уж не разглядите, темень вон какая.

— Ну ладно, подождем и мы.

Спустя несколько минут из-за угла вынырнула "Варшава" и подрулила к подъезду. Темная фигура вскользнула в нее, и машина покатила прочь. Мы двинули следом, как только она скрылась за углом.

Опустевший в такую пору город - не самое идеальное место для слежки. Но я и так знала, куда они едут. Приблизились мы к ним лишь на Замковой площади. Вырулили на Свентоянскую и обнаружили, что они сворачивают в Запечек.

— Вот черт, - забеспокоился таксист, - вкруговую, что ли, собираются ехать?

— Держитесь прямо и тормозните на Рынке! Выскочила я почти на ходу. Осторожно выглянула в Запечек и с облегчением перевела дух. Вон они! Стоят. Вот будет потеха, если из машины выйдет совсем не тот. Но потехи не было. Из машины показалась знакомая фигура. Я смело двинулась за ним, благо на ногах были сапоги на микропорке, запомнила дверь, которую он открыл собственным ключом, подождала, пока на третьем этаже не загорелся свет. Надо отдать ему должное, немало в его словах было и правды...

Вот теперь можно и домой ехать. Усевшись в такси, я открыла сумку, чтобы вытащить сигарету, и вдруг сердце у меня екнуло. Проклятие, нет кошелька! Я тут же вспомнила, что оставила его вместе со всей наличностью у себя на работе, на столе. А на счетчике у таксиста - девяносто восемь злотых. Господи, спаси и помилуй!

Я оцепенела с сигаретой в руке и полным сумбуром в голове. Так, с кошельком у меня полный порядок, у нас на работе ценные вещи не пропадают, но что мне делать с такси? Не могу я сыграть злую шутку с водителем, когда он обслуживал меня с такой самоотверженностью. Хоть из-под земли, а деньги раздобыть надо...

Увы, единственный человек, которого я могла потревожить по этому вопросу без ущерба для себя, - это номер триста тридцать шестой... Я знаю, он в Варшаве, недавно снова объявился...

— Поехали на площадь Варецкого, - твердо скомандовала я. - К гостинице "Варшава".

В старом полупальто, со сбившейся прической, с косматой шапкой под мышкой я, наверно, выглядела в интерьере отеля довольно нетривиально. В регистратуре меня встретили с большим подозрением.

— В час ночи вы хотите человека разбудить? - вспыхнула администраторша праведным негодованием.

— Ничего страшного, этот человек ко всему привычный, - любезно парировала я и набрала номер.

— Это ты? Говорит Иоанна. Слушай, я здесь внизу, в регистратуре, умоляю тебя, спустись ко мне и захвати с собой пятьсот злотых.

— Дорогая моя, что случилось, горит, что ли? А завтра нельзя?

— Нельзя. Я понимаю, ты уже лег спать, но у меня нет другого выхода. Не одевайся, передо мной ты можешь показаться хоть в пижаме, хоть в кальсонах. Только вьмеси мне поскорей полтыщи!

— Хорошо, сейчас спущусь.

Я знала, что могу на него рассчитывать! Перед его появлением я попыталась причесаться, но краше от этого не стала. Вдобавок ко всему

вспомнила, что надо что-то сунуть швейцару, который не спускал с меня глаз.

Ждала я совсем недолго. Жилец номера триста тридцать шестого сошел вниз в рубашке, брюках и ботинках. Я уставилась на него во все глаза, что не помешало мне спросить:

— А ты не подкинешь мне на чай еще пять золотых?

— Что-о? - изумился он, и внезапно мы с ним разразились дружным хохотом. Он уселся рядышком со мной и сказал:

— Вот тебе пятьсот золотых, только признайся честно, что ты еще учудила?

Все мои детективные мытарства мигом выветрились у меня из головы. Такси тикало себе счетчиком на площади Варецкого, а я все смотрела на мое горе горькое, сидящее рядом в белой рубашке, и чувствовала, что больше ничего на свете мне не нужно, пропади все пропадом. И я, безмозглая дура, хотела найти на него клин? Бесполезно, От этих голубых глаз нет никакого спасу...

— Пожалуйста, выдай утром швейцару пять золотых за то, что я пользовалась его дверью, - попросила я на прощание.

— Хорошо, не беспокойся. Успеха тебе. На следующий день я возобновила свои розыскные труды. Узнать номер машины оказалось плевым делом. Хуже обстояло с номером телефона.

Я решила снова подключить Весе.

— Весе, - сказала я, - он трубку бросил или как? Неужто ты это дело так и оставишь?

— И не подумаю, - с лету подхватил Весе. - Честь повелевает мне сражаться до победного конца.

Позвонили мы около полудня. Женщина, взявшая трубку, попросила подождать и вернула его уже из раздевалки.

— Простите, - сказал Весе с глубоким сожалением в голосе, - вы мне тогда так и не ответили, когда будет передача об импрессионизме. А для меня это очень важно. Может быть, все-таки сообщите...

— Послезавтра в семнадцать двадцать три, - последовал как из пушки ответ.

— В семнадцать двадцать три... - в восторге повторил Весе. - Премного вам благодарен.

— Пожалуйста, не стоит благодарностей.

— Крепкий мужик, - одобчительно сказал Весе, кладя трубку. - С хорошей реакцией.

— Это точно. Послезавтра - значит в воскресенье. В понедельник

позвонишь и спросишь, почему передача не состоялась. Интересно, что ответит.

Игра, похоже, складывается по высшему разряду. В его чувстве юмора, сдается мне, я не обманулась. Теперь бы только заполучить этот проклятый домашний телефон.

Я снова стала думать, а надо сказать, такой род деятельности, как умственный, в сочетании с моей особой приносит не самые лучшие плоды. Я, конечно, придумала способ, как узнать телефон, но мало того, что не слишком надежный, - еще и адски трудоемкий. Ни одна живая душа не могла бы до такого додуматься.

Все незасекреченные номера имеются в телефонном справочнике, а он, к счастью, издан совсем недавно. Раз какого-то номера в нем нет, значит, он засекречен. Если учитывать только номера Старого Мiesta, можно методом исключения добиться потрясающих результатов.

И я стала добиваться. Провела за этим захватывающим занятием два дня и две ночи. Как раз во время моих священнодействий навестила меня подруга, окинула взглядом все, что покоилось на диване, и потрясение спросила:

— Чем это ты занимаешься? Дополняешь телефонный справочник? Сбрендила?

Выслушав мои объяснения, она только молча покрутила пальцем у виска, и в реакции ее, откровенно говоря, был большой смысл. Ее жест мне и самой показался довольно резонным. Мрачно и с неодолимым отвращением взирая я на плоды своих рук, а вернее, уст. Осталось еще четыреста номеров. Господи милосердный, неужели мне предстоит претерпеть еще четыреста идиотских телефонных разговоров?

Ничего не поделаешь, взялась за гуж... С чего начать? Ага, вот: на этой улице у телефонных номеров вырисовываются две следующие одинаковые цифры. Не исключено, что у пропущенных совсем другие, но есть вероятность, что те же самые. Начнем с них. Я набрала очередной номер. Отозвался мужчина.

— Простите, это квартира Крупчатков? - любезно задала я первый подвернувшийся на язык вопрос, - главное, услышать голос.

— Нет, вы ошиблись, - тоже любезно ответил мужчина.

Совсем другой голос. Этот номер вычеркнем. По следующему тоже отозвался мужчина, и я для разнообразия спросила:

— Нельзя ли позвать Кристину?

— Пожалуйста, - ответили мне. Я чертыхнулась, надо же было так угадать! Нет чтобы спросить Пелагею, что мне теперь делать с этой

Кристиной?

— Слушаю, - сказала какая-то Кристина.

— Кристина, понимаешь, какое дело, завтра я к тебе прийти не смогу, давай договоримся на другое время!

В трубку растерянно помолчали.

— Не понимаю... Кто говорит?

— Иоанна.

— Не знаю такой. Вы, наверное, ошиблись.

— Как так? Разве это не номер... - и я назвала первый попавшийся, лишь бы не свой собственный.

— Нет, вы попали не туда.

— Ох, простите, пожалуйста...

Уф, с Кристиной покончено. Что за дурацкий метод, к черту любезности, на женщинах нужно сразу же давать отбой, а вот с мужчинами говорить подольше, не дай бог не распознаю и упущу.

Я накрутила следующий номер.

— Прошу прощения, - завела я волынку, не позволяющую собеседнику слишком быстро от меня отделаться, - это не ваш сын подрался сегодня утром с моим сыном на Вислостраде? Мальчик дал мне этот номер телефона, и я хотела извиниться...

— Нет, какой еще сын, у меня две дочери, - послышался удивленный ответ.

— А, прошу прощения, он, наверное, ошибся.

Следующий номер не отвечал. Дальше ответила женщина.

— Пана Януша, пожалуйста, - нахально сказала я.

— Вы ошиблись...

Набираем дальше.

— Простите, это не вашего сына вчера укусила моя собака?

— Минутку... Зося! Петруся вчера случайно собака не покусала?.. Нет, извините, мы ни о чем таком не знаем...

— Прошу прощения, значит, ошиблась... Отпадает. Идем дальше.

— Простите, это ваша собака вчера укусила моего сына?

— Что? У меня нет собаки...

Когда я на очередном звонке поинтересовалась, "не мой ли сын вчера укусил вашу собаку", стало ясно, что для сохранения здоровья мне надо незамедлительно закругляться и идти спать. Итого проверено одиннадцать телефонов. Ничего не стоит подсчитать, что для проверки всех четырехсот понадобится сорок дней. Ровно столько же, сколько на вселенский потоп.

Вечером следующего дня я снова уселась за телефон. По приемнику

вещал знакомый голос, значит, дома его нет. Прекрасно, все номера, какие откликаются, сразу вычеркиваем.

К сожалению, день был субботний. Не откликалось множество телефонов, полгорода сметелилось из своих квартир кто куда, и процесс вычеркивания продвигался через пень-колоду. На всякий случай я еще раз позвонила в телефонное справочное бюро и в бюро ремонта, почти не надеясь, что мне дадут ответ. Так и есть, не только не дали, но и прониклись подозрением. Обреченно вздохнув, я вернулась к потогонной своей системе.

Около половины одиннадцатого я вдруг вспомнила, что в понедельник утром мне надо сдать проект фасада дома. С трудом оторвавшись от дивана, я поплелась к столу. Посмотрела на бумажные завалы, рассеянно взяла в руки один эскиз, другой... Разгребла бумаги и с кислой миной уставилась на приколотый в самом низу чертеж. Не нравилось мне то, что я на нем изобразила, прежний был несравнимо лучше. Размышляя на эту тему, я машинально копалась в куче набросков, вытащила еще один рисунок. Да, здесь чуть получше. Но почему?

Я бессмысленно переводила глаза с одного наброска на другой, потом скользнула взглядом по всем остальным, и вдруг меня осенило: вот она, загвоздка! Слишком мало стеной плоскости над верхним окном, слишком этот карниз нависает. Если бы его как-то поднять... В крайнем случае можно вдвинуть водосток в стену...

В приливе вдохновения я смела со стола свалку, отколола эскиз от чертежной доски и вытащила чистую кальку. Еще минута, и для меня уже ничего на свете, кроме фасада, не существовало. Никаких законспирированных субъектов, никаких телефонных номеров и прочих глупостей. Фасад получался очень даже неплохо, если поднять водосток. Надо проверить на сечениях. Сечения дома у Януша, он их должен сдать тоже в понедельник, сейчас у него наверняка уже готовы все уровни. Минутку, деталь водостока... Нет, слава богу, водосток еще не проработан, успею внести изменения. Сейчас мне нужны только все "рыбы", и через каких-нибудь несколько часов фасад вчерне будет готов. А завтра сделаю тушью!

Время пролетело незаметно. Подходя к телефону, я посмотрела на часы и с удивлением обнаружила, что стрелки приближаются уже к половине первого. Вот откуда усталость, ничего странного, после двух-то бессонных ночей! Для дружеских бесед время, может, и позднее, но для людей, засидевшихся за праведным трудом и уточняющих друг у друга рабочие детали, - в самый раз. У моего коллеги Януша работы сейчас еще

больше, чем у меня, наверняка просидит до самого утра. Иначе к понедельнику не справится, это уж как пить дать.

Я подняла трубку и набрала номер.

— Слушаю, - почти сразу же отозвался мужской голос.

— Януш? - спросила я и, не дожидаясь ответа, застрочила:

— Слушай, дай мне сейчас всю "рыбу" с сечения А, дом 5. Она у тебя готова?

— Алло, - отозвался мужской голос, - простите, не понимаю?

— Чего ты не понимаешь? Мне нужна, говорю, "рыба" с сечений.

— Не морочьте мне голову, - последовал ответ, и трубку бросили.

Я была поражена. Он что, свихнулся? От изумления меня прямо парализовало, я сидела и таращилась на зажатую в руке трубку, не зная, что и подумать. Может, этот бесстыдник спал без задних ног вместо того, чтобы в поте лица трудиться? Меня охватила ярость. Я тут надрываюсь, а он дрыхнет себе? Кому нужно сдать работу в срок, мне или ему? В праведном негодовании я опять накрутила тот же номер.

— Слушаю...

— Ты чего, курицын сын, дурака валяешь? - напустилась я на него, - У тебя должна быть готова уже вся "рыба". Попробуй только скажи, что проспал, я тебе в понедельник голову откручу. Гони мне сию минуту всю "рыбу" в сечении!

— Алло, что это значит? Вы о чем?

— Ты чего, нализался? Кончай выкомариваться. У меня работа стоит, без уровней я дальше не продвинусь ни на шаг. Не собираюсь из-за каких-то придурков сидеть до утра.

— Мадам, я не понимаю, о чем вы говорите. Прошу вас больше мне не звонить, оставьте меня в покое, не то придется сообщить в милицию.

Я онемела. Только тут до меня дошло, что никакой это не Януш. Силы небесные! И это еще не все - я ведь знаю этот голос... О боже!

— Простите, - прохрипела я, - это номер 21-83-48?

— Нет, и прекратите мне звонить, предупреждаю вас, я напущу на вас милицию. В собственном доме покоя нет! - И трубку швырнули.

На этот раз я долго приходила в себя. Что я такое набрала? Это же он, чтоб мне провалиться! Номер.., тот самый проклятуший номер, который я безуспешно разыскивала. К черту Януша с его сечениями, надо немедленно набрать то же самое. Стоп, это же другой телефонный узел, я что, ошиблась первой цифрой?

Не помня себя, лихорадочно накрутила я тот же номер, заменив лишь первую цифру на тройку, - во всяком случае, так мне показалось. Снова

отозвался мужской голос.

— Слушаю.

— Прошу меня извинить, - заикаясь, сказала я. - Это вам был сейчас странный звонок, насчет "рыбы"? Я, кажется, ошиблась номером...

— Насчет рыбы? Нет, мне вообще никто не звонил.

— Не может быть. Вы уверены?

— А то как же. Последние пару часов не было ни одного звонка...

Я была совершенно сбита с толку. Будь я проклята, снова промашка! В час ночи подняла с постели невинного человека! Но надо все-таки проверить...

— Ваш номер 31-83-48?

— Нет, 63-48.

— О, простите, пожалуйста! Извините, что разбудила. Доброй ночи.

— И вам того же. Ничего страшного. Собрав последние крохи решимости, да и внимания тоже, я снова взялась за трубку.

— Слушаю...

Да, тот самый голос.

— Простите меня ради бога, - крайне любезно, почти заискивающе пролепетала я, - по-моему, я только что звонила вам по ошибке...

— Что же это такое, черт подери, дадут мне наконец поспать?! Прекратите названивать по ночам! Я вам ясно сказал - не цепляйтесь к моему телефону.

— Прошу прощения, но с чего вы так раскричались? Я хочу извиниться за ошибку, а вы устраиваете скандал...

— Я вам еще не такой скандал устрою. Прекратите меня преследовать, если не хотите иметь дело с милицией.

И бросил трубку. Что это с ним? Чего он все страшит милицией? Перепутал меня с какой-то авантюристкой? Или просто со сна?

А, в конце концов, наплевать, главное - теперь я знаю его телефон, ха-ха, все его тайны у меня теперь как на ладони!

Интересно, узнал он меня? Нет, не похоже, зачем бы тогда нес такую околесицу? Ну ладно, пусть отсыпается, завтра проверю. Мне еще надо разобраться с фасадом...

Вечером следующего дня я позвонила ему - и детское, можно сказать, время. Представляться пока не собиралась. До сих пор мне все это казалось оригинальной игрой и хотелось посмотреть, чем все обернется.

— Простите, - сказала я, когда он отозвался. - Вчера я попыталась объяснить вам одно пустяковое недоразумение, но вы на меня так напустились... Могу я...

Дальше мне не удалось произнести ни слова. Ответ, который я услышала, был столь неожиданный, что у меня надолго отнялся язык. Любезным, бархатным, спокойным голосом, блестяще поставленным, он закатил мне нотацию, суть которой сводилась к тому, что мне категорически возбраняется преследовать его как на работе, так и дома. Заодно была поставлена под сомнение умственная моя полноценность, моральное мое поведение и, в частности, способ добывания средств к существованию. В заключение мне, как злостному правонарушителю, посулили самые ужасные кары. Я слушала его в каком-то оцепенении, что не мешало мне испытывать жгучее любопытство. Под конец он сказал:

— Еще один такой звонок, и я обращаюсь в милицию.

Раз так, пожалуйста, будет тебе еще один звонок - что касается милиции, ничего не имею против, всегда испытывала к ней самые теплые чувства.

— Вы хоть догадываетесь, с кем говорите? - заикнулась было я.

— Меня это не интересует. Все, звоню в милицию.

Полное отсутствие логики. А в меня уже прочно вселился бес противоречия. Я отпустила ему какое-то время на обещанный звонок в милицию и снова набрала номер.

— Зачем вы устраиваете такой тарарам, не лучше ли объясниться с человеком нормально? - поинтересовалась я у него.

— Нет, это уже переходит всякие границы. С вами нельзя говорить нормально, потому что вы ненормальная, предупреждаю вас...

— А мне, хоть убейте, кажется, что наоборот...

— ..предупреждаю, вас ждут большие неприятности, сами нарываетесь...

— А все-таки ужасно любопытно, за кого вы меня принимаете?

— Не стройте из себя дурочку. Раздобыла мой телефон, а теперь прикрывается, видите ли, какой-то ошибкой, чтобы приставать. Все, разговор окончен, теперь с вами будет говорить милиция.

Что он заиклился на этой милиции? Прямо какая-то мания. Я уже стала сомневаться, он ли это. С моим телефонным счастьем всякое может случиться, вдруг я все время названиваю незнакомому человеку, который вправе решить, что его преследует какая-то чокнутая. Но нет, голос точно его. Тогда в чем же дело? Крыша у него, что ли, поехала?

С одной стороны, я была не на шутку озадачена, а с другой - меня это стало не на шутку забавлять. Сама мысль о том, что меня можно запугать милицией, казалась уморительной, не говоря уж о дикой напраслине. Бес противоречия уже прочно во мне обосновался и не позволял вот так взять и

на середине бросить игру.

Я поехала в его отделение милиции. Разыскала участкового и поставила в известность, что если к нему поступит сигнал о хулиганском преследовании по телефону, то этим хулиганом буду я. И еще, сказала я, хотелось бы знать, квалифицируются ли как преступление звонки к человеку, которого я приняла за знакомого и с которым теперь пытаюсь объясниться по поводу возникшего недоразумения.

Служитель правопорядка выслушал меня с недрогнувшим лицом и сказал:

— Попрошу документы.

Я дала ему свой паспорт и служебное удостоверение. Попыталась всучить и проездной билет, и водительские права, но он их отверг. Записал меня в какую-то бумагу, объяснил, что никаких сигналов еще не поступало, что звонки к знакомым вообще-то преступлением не считаются, наконец позволил себе слегка улыбнуться и сказал:

— Чтоб вы знали, для хулиганского преследования по телефону надо досаждать человеку как минимум две недели подряд, желательно и по ночам, устраивая всякие злонамеренные пакости. Вы же, как я понимаю, звонили всего несколько раз, да еще и не вы его, а он вас оскорблял.

Мы с ним мило попрощались, я вернулась домой, а на следующий день вечером не удержалась. Набрала номер.

— Слушаю.

— Хочу поставить вас в известность, - прощепетала я сладким голосом, что вы можете себя не утруждать. Я уже и сама сообщила в милицию. Спокойной ночи.

Через два дня до меня дошли слухи, что в стане противника воцарилось серьезное замешательство. Нормальные люди, у которых к этому человеку имелись нормальные дела, не могут до него дозвониться. По месту службы отвечают, что, дескать, ошиблись номером, и грубо бросают трубку. Сама-то я после всех недоразумений сторонила телефона как черт лаdana, и такая паника показалась мне несоразмерной с масштабами нашего инцидента. Или тут кроется что-то поважнее, чем я предполагаю? А вдруг я в самом деле сыграла с этим человеком злую шутку? У меня-то ничего плохого и в мыслях не было, зла я на него не держу, напротив, даже благодарна за то, что не дает мне скучать. А всяческая напраслина, которую он на меня ни с того ни с сего возвел, настолько дурацкая, что ничего, кроме смеха, вызвать не может. Ну хорошо, а если для меня это смех, а для него - горькие слезы?

Думала я, гадала и решила, что не мешало бы все эти страсти-

мордасти довести до какого-то логического завершения. Спрошу его в лоб, он это или не он, тем более что до конца так и не уверена, представлюсь без обиняков, объясню дурацкое недоразумение, извинюсь за свою неумышленную бестактность, и полюбовно, без всяких претензий расстанемся. Номер его телефона и все другие подробности я вычеркну из памяти раз и навсегда.

Руководствуясь вышеупомянутыми благими намерениями, я позвонила ему ближе к вечеру, по служебному телефону, собираясь узнать, когда у него дежурство, - мне показалось, что в рабочей обстановке он будет восприимчивей к моим объяснениям. Кто знает, может, у него какой-то пунктик насчет домашнего телефона.

Культурно и спокойно я задала интересующий меня вопрос подошедшей к телефону женщине. Каково же было мое удивление, когда в ответ она мне отрезала:

— Повторяю, никакой информации мы не даем. Вы ведь сегодня уже звонили?

Чтоб мне провалиться, последние три дня я на пушечный выстрел к телефону не подходила. Вот еще новости, в чем тут дело?

— Нет, не звонила, - ответила я, не скрывая своего удивления. - Мне надо знать, когда он будет на дежурстве, но спрашиваю я впервые.

— Позвоните, пожалуйста, в секретариат. Что за чертовщина! Ему названивает какая-то гражданка, а он принимает ее за меня? Или меня за нее? Что, в конце концов, происходит? Ничего не понимаю.

Я махнула рукой на секретариат и позвонила прямо домой. На всякий случай уточнила, он ли это, назвав полным именем и фамилией. Представиться уже не успела.

— Да уймись же вы наконец! Неужели так приятно нарываться на грубости? Вас ничего не может оскорбить?

Ну, это уже начало действовать мне на нервы. Что он себе воображает? Что я могу маразматическую его истерику воспринимать всерьез?

— Смею вас заверить, все ваши оскорбления мне как слону дробина, невозмутимо сообщила я. - Меня не может оскорбить то, что не имеет ко мне никакого отношения. Сдается мне, тут просто досадное недоразумение, и по сему поводу я хотела бы с вами объясниться.

— Объясняйтесь с кем-нибудь другим, мне с вами не о чем говорить. Надеюсь, до вас наконец дошло?

— Не надейтесь, - холодно успокоила я его, - не дошло.

— В таком случае, с головой у вас точно не в порядке. Вы сумасшедшая, вас надо изолировать, вы представляете опасность для

общества.

Возможно, какая-то доля правды в его словах и была.

— Вам хоть понятно, о чем я пытаюсь с вами поговорить?

— Ничего не хочу ни понимать, ни слышать, отстаньте от меня наконец!

И все, бросил трубку. Тут уж мне и впрямь шлея попала под хвост, я закусила удила, короче, снова набрала номер.

— Официально заявляю вам, - железным тоном отчеканила я, - что приставать я буду до тех пор, пока вы не соизволите обменяться со мной хоть парой нормальных слов.

— Не дождетесь. С анонимами не разговариваю.

— Тогда дайте мне возможность представиться. У меня нет никаких причин скрывать свою фамилию.

— Меня ваша фамилия не интересует... Отбой. Звоню снова.

— Слушаю...

— Обещаю вам покой до конца ваших бранных дней, - ласково сказала я, только ответьте на один вопрос.

— Не дождетесь. Бесстыжая вы женщина. Впрочем, чему тут удивляться, выучку-то прошла на панели у "Полонии"...

— Что?!

— Вы правильно расслышали, у "Полонии"... Это меня уж совсем заинтриговало. Весьма оригинально. И откуда только он все это берет?

— Вы меня озадачили, - живо подхватила я. - Что-то не припомню такого места работы в своей трудовой биографии...

— У меня на ваш счет полная информация. И место работы, и профессия вполне вам соответствуют.

Я хотела было сказать, что он отстал от жизни, что в моде теперь панель у другой гостиницы, но не могла припомнить, у какой именно. А пока вспоминала, он уже дал отбой. Немного подумав, я позвонила в четвертый раз.

— Слушаю.

Зачем он только снимает трубку? Ведь знает, кто звонит.

— Может быть, вы боитесь, что я потребую с вас гонорар?

Ответ был пространный и столь же изощренный, сколь и пакостный. В конце его снова заиклило на милиции. Пришлось дать ему передышку, а тем временем позвонить сразу в два милицейских пункта. Коротко изложив суть проблемы, я поинтересовалась, с какого по счету звонка я вступаю в конфликт с уголовным законодательством. Удостоверившись, что кое-какой резерв еще есть, я снова набрала его номер, - Чего вам еще?

— Хотела спросить, в которое из отделений милиции вы собираетесь звонил". А то я уже переговорила с вашим районным отделением, с моим и с Центральным управлением.

Минута молчания, тяжелый вздох и наконец ответ:

— Ну, тогда уж только Творки остались. И снова отбой. Я от души за него порадовалась: наконец-то к человеку вернулось чувство юмора, а то нехорошо получается: я всласть развлекаюсь, а он как на похоронах. Сейчас самое главное - не разочаровать его, поддержать тонус - он, конечно, настроился на очередной звонок, уже небось и звукозапись подключает. Дав ему несколько минут форы, я взялась за трубку.

— А чего вы, собственно, боитесь? - с любопытством спросила я. Почему...

— У вас в голове не все дома, - прервал он меня, не слушая. - Милиция вам уже звонила, или одного раза мало?

У этого человека удивительный дар поражать своими ответами. Никакая милиция мне не звонила, это я звонила в милицию. Совсем у него в голове все перемешалось. Фу-ты пропасть... а вдруг он по ошибке напустил милицию на какое-нибудь невинное существо?

— Постойте! - взвизгнула я. - Ради бога, на кого это вы напустили свою милицию? Ко мне никто не звонил!

— Как бы вам не пожалеть о своем бесчинстве. Учтите, это уже пятый звонок.

— Нет, простите, шестой, - уточнила я для порядка.

— Даже шестой. Вы лишаете меня покоя в моем же собственном доме, самым бессовестным образом. Это преступление...

— Да что вас заело на этом преступлении...

— ..отравляете жизнь...

— Дадите вы мне хоть слово сказать? Я вам ясно говорю...

— ..ответите перед законом...

Мы уже голосили хором, поскольку он даже не слушал моих ответов. Смысла в такой беседе было мало. Я перезвонила в седьмой раз.

— У меня эти наши словопрения уже из ушей лезут, - раздраженно сказала я. - Ничего не пойму, все время такое ощущение, что разговариваю не с вами, а с кем-то совсем другим. Ответьте мне на один вопрос, а потом можете хоть застрелиться.

— Я, по-моему, ясно сказал - ничего отвечать не буду. С такими особами, как вы, знакомств не завожу и заводить не собираюсь. Наглая шантажистка...

— Повторяетесь...

— Шантажируете меня своими звонками, грозитесь телефон оборвать, если я с вами не поговорю...

— Плевать мне на разговор, ответьте только на один вопрос...

— ..а это и есть шантаж, и вы понесете за него заслуженное наказание. Поплатитесь и лично, и по месту службы...

— У меня по месту службы столько забот, что одной меньше, одной больше...

— ..последствия для вас будут самыми неприятными...

Мы снова голосили дуэтом, так что я сочла за лучшее умолкнуть. Невольно вслушавшись, я вдруг поняла, что весь этот маразм довольно своеобразен. Он повторял один и тот же монолог как заезженная пластинка, лишь изредка привнося ту или иную творческую деталь. Так я узнала, что милиция уже взяла мой след. Завершил он свою инвективу самым неожиданным образом, деловито заявив:

— Ну вот, кассета кончилась, отключаюсь. Благодарю вас.

Этой магнитофонной записью он несказанно меня потешил. Оставалось и мне закруглить нашу беседу на такой же умиротворяющей ноте, да и не грех бы попроситься. Позвонив в восьмой раз, я томно, с чувством прощбетала:

— Мне ничего от вас не надо, лишь бы напоследок, еще хоть раз в жизни, услышать ваш голос...

— И это все?

— Да... - умильно выдохнула я в трубку и, бросив ее на рычаг, дала волю разбиравшему меня смеху, после чего со спокойной душой пошла спать.

На следующий день, ближе к вечеру, раздался звонок.

— Слушаю вас, - отозвалась я.

— Довожу до вашего сведения, что теперь вы можете названивать мне хоть до самого Судного дня. У меня отныне другой номер. А вашей самодеятельностью уже занялась милиция.

Только я хотела сказать, что сейчас умру от страха, как он отключился. На всякий случай я разузнала, как обстоят дела со сменой телефонных номеров, выяснила, что скорей всего он не соврал, и на том успокоилась. Поздно вечером он снова позвонил. Видать, этот человек жить без меня не может...

— Напоминаю вам, что номер свой я поменял и теперь застрахован от ваших посягательств.

Я устроилась поудобней у телефона, закурила сигарету и сказала:

— Очень мило с вашей стороны, что вы решили рассекретиться,

наконец-то я слышу нормальную человеческую речь.

— Да, теперь можно себе позволить. Мы с вами сейчас в равном положении, я защищен от вашей беспардонности.

— Что вы называете равным положением? То, что вы знаете обо мне все, а я о вас ничего? Вы серьезно?

— Отныне я для вас недосягаем. Так знайте же, сейчас я дома, наслаждаюсь покоем и вы меня своими звонками не достанете...

Я чуть было не ляпнула, что в таком случае мне ничего не остается, как приехать к нему, но вовремя прикусила язык.

— Раз уж вы в благодушном настроении и даже снизошли до беседы, скажите тогда на милость, что все это значит? Вы меня с кем-то перепутали?

— Ни с кем я вас не перепутал, хватит прикидываться невинной овечкой. Просто знать вас не желаю, и не надеюсь на свою настырность. Ничего вам от меня не светит. К счастью, я вовремя понял, что вы за штучка, и успел дать задний ход. Я уже не раз напарывался на дамочек такого пошиба, потому-то и закрыл свой номер телефона... И на вас, поверьте, найду управу.

Я слушала его исповедь в полной растерянности. Что же это такое делается? Что у него за дурь в голове? Мания преследования? В чем он меня подозревал?

— Может быть, вы опасались, - со всей деликатностью спросила я, потому как психов нервировать нежелательно, - что я буду у вас что-то вымогать?

— Учтите, это ваши слова. Я ничего такого не утверждал.

— Я вас выручила, не стоит благодарностей.

— Считаю своим долгом предупредить, что о вашем поведении, включая и сегодняшний день, уведомлена милиция, вам это так с рук не сойдет. Все ваши звонки записаны на пленку. А сейчас отключаюсь, наконец-то отдохну. Что-нибудь почитаю в тишине, без ваших звонков. Доброй ночи.

Итак, невинная моя забава обернулась нешуточной драмой. Сомневаться не приходится, всю эту катавасию он, как ни странно, воспринимает серьезнейшим образом. И глубоко вериг всему, что говорит. Я в его глазах женщина легкого поведения, и по профессии, и по своей сути, вдобавок шантажистка да и вообще подлая бестия. А к тому же, судя по его обращению со мной, не в меру придурковата. Чертовщина какая-то, дорого бы я отдала, чтобы узнать, каким образом эта галиматья засорила

ему мозги. Сколько я ни старалась, никакого вразумительного объяснения не нашла и переключилась на другие детали этого дела. Ну хорошо, пусть я распоследняя шельма, каких еще свет не видывал, допустим, так оно и есть, почему же он меня раньше не раскусил? Любой нормальный человек с шантажисткой даже в разговор вступать не будет. И потом, как можно ни с того ни с сего, с места в карьер учинять такой безобразный скандал? Или он в самом деле уверен, что я в конфликте с законом и при одном слове "милиция" готова околеть со страху? И почему он напрочь позабыл про такой легкий и простой способ развязки, как обыкновенный человеческий разговор? Не сваляй он дурака со своей конспирацией еще при первом моем звонке, мы бы откровенно объяснились, и неужели я бы не отпустила его с миром? Стоило только сказать: "Дорогая пани, так, мол, и так, прошу меня простить, но продолжение нашего знакомства представляется мне нежелательным. Все было очень мило, спасибо, будьте здоровы". Возможно, я бы и задала ему под занавес кое-какие вопросы, но на ответах бы не настаивала. В конце концов, любое дело можно уладить интеллигентно, а он ведь производил впечатление человека интеллигентного. Неужели я так феноменально ошиблась?

Мне было и досадно, и грустно. Мне всегда бывает грустно, когда оказывается, что я в ком-то ошиблась. Ну и, конечно, не очень-то приятно, что такая забавная поначалу история обернулась историей склочной.

На его угрозы касательно моей репутации я обратила ноль внимания, пусть себе трезвонит во все колокола, такая напраслина ко мне не пристанет. Мои знакомые в ответ только животы надорвут со смеху либо просто постучат пальцем по лбу.

Сколько я ни ломала голову над загадочным этим делом, меня не покидало ощущение, что я скольжу по поверхности, а суть остается скрытой во мраке неизвестности. Когда я позвонила подруге, которую держала в курсе, и поделилась с нею последними новостями, ее взяла оторопь не меньше моего. Собравшись с мыслями, подруга сказала:

— Дорогая моя, я вижу лишь одно объяснение: у этого типа не все дома, налицо ярко выраженная мания преследования.

— Мне такой вариант тоже приходил в голову, ну а вдруг тут совсем другое? Не будем упрощать. На манию всегда успеется списать, придумай что-нибудь поинтересней.

— Ну что тут можно придумать? Хотя погоди...

— Ну?

— Погоди, не мешай... Он стал скандалить сразу же, как ты позвонила? А что, если он был тогда не один?

- Полагаешь, коротал время с подружкой?
- Не знаю... Но вполне вероятно.
- Ни о каких подружках я не слышала. Он меня уверял, что никого у него нет, а раз так, с чего вдруг такая паника?
- Дурочка. Мог ведь мужик соврать?
- Соврать? А зачем?
- Мало ли зачем. Но если это так, то ничего удивительного...
- Слушай, я еще раз тебя прошу, не записывай его в идиоты. Я ведь ему польским языком сказала, что попала к нему по ошибке. Любому мало-мальски нормальному человеку этого вполне достаточно.
- Пожалуй. А если он тебя узнал и решил, что ты его расшифровала?
- Вот-вот. Представь себе такую ситуацию. Сидишь ты себе с мужчиной, наслаждаешься своим счастьем, и вдруг тебе звонит третий лишний, которого тебе вовсе даже незачем афишировать. Как бы ты себя повела?
- Ошиблись, мол, номером. Нету тут таких, и точка. Упиралась бы хоть до утра.
- А потом?
- Созвонилась бы с ним сразу же, при первой возможности. На рассвете, в пять, четыре утра, когда угодно. Так, мол, и так, будь умницей, не разбивай моего счастья. И только потом, окажись он упрямой скотиной, попыталась бы защищаться как-нибудь иначе.
- Ну вот видишь. А он, значит, заранее решил, что я упрямая скотина. Чему тут удивляться, если у меня, как выяснилось, полный джентльменский набор всех мыслимых пороков.
- Небось и на руку нечиста?
- Не знаю, не успела уточнить. Хотя нет, до полного набора надо бы еще подвизаться в сводничестве, шпионаже, наркомании..., контрабанде. Нет, окончательно меня еще не охаяли. Серьезное упущение.
- Постой, мне кое-что пришло на ум. Что он такое говорил..., ну, насчет того, что умеет ограждать себя от особ такого пошиба?
- Да уже, мол, имел дело с подобными...
- А если он и правда всю свою жизнь вращался в таком кругу? И никогда не сталкивался с обыкновенными людьми? Ох, дорогая моя, я начинаю глубоко ему сочувствовать!..
- Поди теперь разберись. Может, надо было выразить ему искреннее соболезнование, а не разыгрывать глупые шутки? Может, это просто несчастный человек, которому катастрофически не везет с женщинами?
- Как бы там ни было, но тут он крупно обознался. А вообще, раз он

вот так, не проверив, дал волю гнусным подозрениям, значит, дрянный мужик. И где его чувство юмора?

— Чувство юмора - оно избирательно. У каждого из нас найдется такой пункт, где чувство юмора напрочь отказывает. Вспомни, одно время и у меня был такой. Может, у него этот пункт - собственная его персона?

— Тогда я ему не завидую...

После почти часового обсуждения мы не пришли ни к какому выводу. Перебрали множество гипотез, да что толку, когда неизвестно, какая из них соответствует действительности. Наконец мне это гадание на кофейной гуще осточертело. Я попрощалась, приняла ванну и, выключив свет, забралась под одеяло. Приемник еще работал, освещая комнату слабыми бликами. Точно так же, как в тот вечер...

И внезапно в голове у меня прояснилось. Я смотрела на светящийся ящик и чувствовала, как по спине у меня забегали мурашки. Видела я не приемник, а себя - его глазами.

Ну да, иного и быть не могло. Что еще он мог про меня подумать, если вела я себя совершенно не так, как пристало любой нормальной женщине? Если вместо того, чтобы смертельно оскорбиться на отсутствие каких-либо объяснений, я добивалась с ним встреч! И как это я сразу не сообразила!

Немудрено, что моральные мои качества показались ему ниже всякой критики. Что ж, его право, бог с ним. Какие у меня могут быть претензии? Зато теперь хоть в чем-то разобралась. Остальное так навек и пребудет от меня за семью печатями.

На следующий день я занялась ремонтом квартиры. Начала со штукатурки, и недавние бурные события стали тускнеть в клубах пыли. Три мужика немилосердно долбили стены, а я тем временем предавалась молитвам, испрашивая у святых угодников хоть немного терпения для соседей. Лицезреть мужика, в башмаках восседавшего в моей ванне на горах штукатурки, было выше моих сил, я ретировалась в комнату и только поэтому расслышала звонок. Я прикрыла дверь и взяла трубку.

— Могу я поговорить с пани Иоанной Хмелевской? - спросил мужской голос.

— Я у телефона.

— Я звоню вам по поручению моего друга, вашего знакомого.

У меня не возникло никаких сомнений, о ком идет речь, но я вежливо осведомилась:

— Будьте добры, уточните, какого знакомого вы имеете в виду, а то у меня их много.

— Того, с кем вы поддерживали знакомство по телефону. Как я понимаю, далее телефонных контактов дело не зашло.

— А не назвать ли вам попросту фамилию этого человека?

— Пока не хотелось бы. Меня уполномочили кое-что вам сообщить, но не по телефону, а лично. Не могли бы мы условиться о месте и времени встречи?

— Я так понимаю, вы знаете, кому звоните. Не мешало бы и вам представиться.

— С огромным удовольствием, но.., при встрече.

— Что ж, вольному воля. Я уже привыкаю к той таинственности, которая меня окружает благодаря вашему другу.

— Сдается мне, таинственность напускаете вы сами...

— Чего?! - (Господи, еще один белены объелся!) - Позвольте с вами не согласиться...

— Простите, но я в курсе всей этой истории и знаю, что сумятицу учинили вы. Впрочем, лучше объясниться с глазу на глаз. Где и когда? Сегодня, пожалуй, уже поздно?

Я невольно взглянула на часы. Было полдесятого.

— Надеюсь, четверть первого ночи вас не устроит? - съехидничала я.

— В четверть первого? Почему именно четверть первого? - Его голос выражал явное удивление и даже недовольство.

Ага, значит, не совсем уж он и в курсе...

— Это я так... Решила было, что ваш друг заразил вас своими привычками. Может быть, завтра.., погодите...

Есть такое место, где я по необходимости бываю каждый день в одно и то же время. Просто прохожу мимо, когда возвращаюсь с работы. Не мотаться же по городу ради удобства этих психов.

— Можно завтра в семнадцать, в кафе на углу Маршалковской и Крулевской. Возле художественного салона.

— Договорились. Завтра в семнадцать.

— Минутку! А как я вас узнаю?

— Это я вас узнаю. Но если угодно.., высокий брюнет в сером костюме...

Сердце у меня дрогнуло. Сколько же их таких расплодилось, черт побери? Высоких брюнетов в серых костюмах?..

— ..и в очках.

— Ах, вы носите очки?

— Вообще-то нет, но на этот раз...

— В мою честь?

— Скорее как опознавательный знак.
— Очень мило с вашей стороны. До завтра. Жду с упованием.
— Да, чуть не забыл. Вам привет от... - голос в трубке исполнился медоточивого ехидства и оттого приобрел исключительную сочность, - от пани... - и он назвал фамилию.

Час от часу не легче. Нет, скучать мне не дадут! Фамилия довольно известная, но при чем тут я?

— А кто она такая, эта дама? - спросила я с удивлением, которого не имела никакого резона скрывать. - Честное благородное, я ее не знаю.

— Извините, мне пора. Еще раз простите за беспокойство, до встречи.

— До свидания, - машинально ответила я, размышляя над новым зигзагом событий. Нет, они определенно доведут меня до ручки. Когда наконец закончится эта дикая галиматья? Мозги мои уже изнемогли.

Хоть я и подозревала, что, скорей всего, со мной пытаются сыграть дурацкую шутку, но на всякий случай решила заглянуть в кафе. Никакого высокого брюнета я там, конечно, не обнаружила. Так и есть - шутка. Хорошо хоть время не потеряла.

Со штукатуркой уже было покончено, так что звонок я расслышала сразу. Войдя во вкус, я настроилась услышать что-нибудь в том же роде. И не обманулась в своих ожиданиях.

— Надеюсь, вы меня простите, - сказал вчерашний голос. - Так получилось, что я не смог прийти. Поверьте, мне очень неловко.

— Бог простит, не переживайте, - успокоила я его. - Подождите секунду, возьму сигарету... - Я закурила и снова вернулась к телефону. - Но раз уж вы не пришли, тогда по крайней мере растолкуйте, что это за дама с приветом? Я такой не знаю, впервые о ней слышу.

— К сожалению, я не уполномочен отвечать вам на этот вопрос.

— А приветы передавать уполномочены? Объясните на милость, что означает весь этот абсурд?

— Я не уполномочен давать вам объяснения.

— Тогда скажите хотя бы, почему этот ваш странный друг уполномочил звонить вас, а не позвонит сам?

— Видите ли, я в некотором смысле состою при нем подчиненным и это поручение входит, так сказать, в круг моих обязанностей.

Ишь ты, курицын сын! Министр сыскался...

— Еще раз простите. Мне следовало передать вам одно сообщение, но это уже неактуально. Вы получите его официальным путем.

— Тогда скажите по крайней мере, когда ждать, а то так недолго и помереть от неизвестности, - язвительно сказала я.

— Я не уполномочен давать объяснения. "Пластинку у него заело", подумала я со злостью.

— А сейчас позвольте попроситься. Прошу меня извинить...

Суший Версаль, жаль только, что в доме умалишенных.

Я снова с головой ушла в ремонт и в течение нескольких дней света белого не видела. Не хотелось, чтобы в момент ареста меня застали в доме посреди жуткого бедлама. К счастью, ремонт был закончен, а я все еще наслаждалась свободой.

Вот тогда-то меня и настиг удар. Позвонил мне один мой знакомый, с которым я после отпуска ни разу еще не виделась.

— Что ты натворила! - заявил он безо всяких предисловий. - Совсем ума лишилась? Всего можно от тебя ожидать, но такого!..

Йеху! Боевой конь подо мной встрепенулся, заслышав желанный зов трубы.

— Золотой мой, драгоценный! - возопила я. - Выкладывай скорее все, что знаешь!

— Много чего знаю, есть у меня кой-какие полезные знакомства. Ну зачем ты учинила эту адскую заварушку!

— Сокровище мое, вовсе не я. Настолько не я, что даже не понимаю, что происходит. Может, хоть ты мне растолкуешь?

— Предпочитаю послушать тебя. Как насчет встретиться? Сможешь прийти завтра к часу в "Бристоль"?

Да хоть на край света, пусть мне только там объяснят, где собака зарыта. Еще не было часу, а я уже изнывала от нетерпения на первом этаже "Бристоля". Но вот появился мой добрый знакомый, смерил меня жалостливым взглядом и покачал головой.

— У тебя случайно нет горячки? - с участием спросил он. Галлюцинациями не страдаешь? Как насчет других тревожных симптомов? Откровенно говоря, состояние твоего рассудка серьезно меня беспокоит.

— Перестань паясничать. Садись и выкладывай.

— Что именно?

— Все, что знаешь. Может, ты случайно знаешь и некую даму, от которой мне ехиднейшим тоном передали привет. - И я назвала фамилию.

Мой добрый знакомый бросил на меня уклончивый взгляд.

— Случайно знаю, - с расстановкой сказал он и помолчал.

Я ждала, сгорая от любопытства. Он потянулся за сигаретой, не спеша закурил и наконец изволил подать голос.

— Надеюсь, ты хоть в курсе, кем был отец той дамы?

— Ах, она, значит, его дочка? Я так и думала, но это мне ничего не

объясняет. Что у нас может быть общего?

Приятель снова смерил меня странным взглядом.

— Я тебе расскажу то, что мне известно, а уж остальное сама додумывай. Я знал эту особу еще в девическую ее пору. Очень даже хорошо знал.

Он снова умолк и отсутствующим взором засмотрелся куда-то вдаль. Не глядя на меня, наконец приступил к своему рассказу. Излагал мне биографию этой дамы, а я безмолвно внимала ему, и мрак неизвестности, клубившийся вокруг злосчастного недоразумения, начинал понемногу рассеиваться. Да, у гениальной моей подруги оказался дар ясновидения: все-таки женщина там сидела... Две разбитых семьи, причем разбитых с громким скандалом... Многолетняя связь..., известный сердцеед, профессионал высокого полета..., ну и даме тоже палец в рот не клади...

— Какого шута ты встряла в их роман? - закончил он с укоризной. - На кой тебе нужно было? Эта связь медленно, но верно продвигается к законному венцу, а ты влезла в самую серединку.

— Дорогой мой, я ведь ни сном ни духом, - уныло сказала я. - Вот послушай, как все выглядело с противной стороны, то бишь с моей. Вообще-то он сам виноват, нечего было так по-идиотски врать, но, откровенно говоря, я бы охотно извинилась за свои шутки. Слушай же...

Чем дальше я продвигалась в своем повествовании, тем больше мой приятель спадал с лица. Иногда с уст его срывался стон отчаяния.

— А знаешь, ты в самом деле опасна для окружения, - сказал он наконец. - Не дай бог нарваться на приступ твоего чувства юмора. Глубоко сочувствую этому несчастному человеку. Но лучше уж не извиняйся перед ним, а то ведь еще больше бед натворишь.

— Извинюсь, не извинюсь - это дела не меняет, все равно он вел себя по-идиотски, - упорствовала я.

— Уверяю тебя, на его месте я повел бы себя точно так же. Пойми, он же не знал, какой ты у нас уникам.

Да, это правда. Наверное, ко мне надо привыкнуть, на людей малознакомых я произвожу чересчур сильное впечатление. Кому придет в голову, что на тайну я могу клюнуть скорее и охотней, чем на мужчину?

Какое-то время мы сидели молча. Я курила сигарету и рассеянно провожала взглядом входящих и выходящих. Вдруг мелькнула высокая темноволосая фигура в сером костюме. Не успела я ахнуть, как увидела лицо. К счастью, совсем незнакомое. Я обернулась к своему приятелю, собираясь что-то ему сказать, и встретила с его изумленным взглядом.

— Нервы у тебя железные, - почему-то хмыкнул он с одобрением.

— О чем ты?

— Ну как же! Увидела вдруг этого типа - и глазом не моргнула.

— Какого типа? Того, что вошел? Я его не знаю, зачем мне моргать?

Мой приятель пристально и даже с какой-то тревогой уставился на меня.

— Все шутишь? О ком мы сейчас говорили, как не о нем? А еще утверждаешь, что виделась с ним.

— С кем? С этим? Но это же не он!

— Как не он? Тот самый, пан... - и он назвал имя и фамилию. - Да я с ним лично знаком.

Какое-то мгновение мне казалось, что сейчас меня хватит удар. Сомнений нет, кто-то тут сошел с ума, не исключено, что именно я. Оглянувшись на подсевшего за соседний столик типа, я снова беспомощно вылупилась на приятеля. Видать, в глазах у меня застыла такая невыразимая оторопь, адекватная, надо сказать, состоянию моей души, что лицо у него стало приобретать за компанию родственное выражение.

— Женщина, опомнись! - наконец воззвал он в гневе. - О ком ты мне сейчас все уши прожужжала?

— Погоди, погоди, - слабым голосом пробормотала я. - Ты уверен, что это тот самый? С такой фамилией? Диктор Польского Радио? Ты уверен?

— Как и в том, что я не чайник. Неоднократно видел его живьем.

— Царица небесная, смилуйся!

Я сидела в полном трансе, а мой приятель наблюдал за мной со все большей тревогой. В голове у меня царили содом и гоморра. Нет, такого быть не может, не верю!

Ничего не соображая, не заботясь о приличиях, я сорвалась с места, бросилась к сидевшему по соседству высокому симпатичному брюнету и застыла над ним как статуя, безмолвно пожирая глазами. На мне, надо сказать, был лучший мой костюм, прическа и грим вполне ему соответствовали, словом, все было при мне, разве что на лице не хватало выражения умственной полноценности. Тем не менее брюнет, увидев меня, невольно привстал.

— Извините меня ради бога, - надрывно простонала я, - но скажите мне, это вы - пан... - и я назвала фамилию.

— Да, к вашим услугам, - ответил он с легким удивлением, но вполне любезно.

— Вы уверены?

— Не понял? Простите, кому же, как не мне, знать, я это или не я.

— Вы правы, - сдалась я, покоряясь судьбе. - Но..., докажите все-таки!

Ну что вам стоит!

Видно, выражение дегенеративности не затмило общего благоприятного впечатления от моей наружности, поскольку мужчина улыбнулся и полез в карман.

— Вот мой паспорт.

Я ухватила за его паспорт как дьявол за невинную душу. Разрази меня гром, та же фамилия, черным по белому! Имя, адрес, фотография - все сходится. И этого человека, совсем постороннего, я столь упорно третировала! Совсем незнакомого!

— Извините меня! - простонала я в отчаянии. - Честное слово, вы мне вовсе не нужны. Сможете вы меня хоть когда-нибудь в жизни простить?

Теперь уж и на него нашла оторопь. Вытащив из моих рук паспорт, он изумленно воззрился на меня.

— Что прикажете вам прощать?

— Все. Телефонные звонки и всякие прочие идиотизмы. Это я вас преследовала, но клянусь богом, по ошибке, принимая за другого. Вас я вижу впервые в жизни...

— Взаимно. Но о чем вы говорите? Было дело, досаждали мне дурацкие звонки, но не ваши...

— Как не мои? Мои!!!

В этот момент вмешался мой приятель, неусыпно наблюдавший за развитием событий.

— Извините, - спокойно обратился он к моей жертве, - позвольте, я вам все объясню, а то ваша собеседница слишком взволнована. Присядем?

Мы уселись за столик в атмосфере полного взаимонепонимания, и мой приятель стал вкратце выкладывать суть проблемы - так, как она выглядела с моей стороны. Противная сторона, вместо того чтобы успокоиться, проявляла все большее возбуждение. Наконец наш собеседник заговорил приятным мягким баритоном:

— Господа, по-моему, недоразумение случилось обоюдное, У меня неплохая зрительная память, и я уверен, сударыня, что это не вы, а другая женщина подседа ко мне тогда в машину. Я как раз ехал в первом часу ночи с работы, шел дождь, и пришлось подвезти ее к центру. Она разузнала, кто я такой, и стала названивать мне на работу, а потом и домой...

— Нет, - покаянно уточнила я, - домой - это уж мой грех.

— Но я-то думал на нее, и меня такой интерес к моей скромной персоне решительно не устраивал, мне вовсе не улыбалось поддерживать с нею знакомство. Имени ее я не знал, да и знать не хотел. И лишь гораздо позднее, под занавес, возникло ощущение, что тут какая-то неувязка. Когда

она в последний раз позвонила мне на работу, я недвусмысленно ее отшил. Несколько дней все было тихо, а потом начались звонки домой...

— Потому-то вы сразу так взорвались?

— Ну да. У вас с нею очень похожи голоса. Если это действительно звонили вы.

— Я, я! Могу процитировать ваши ответы.

— Лучше не стоит. Мне очень...

— Минуточку, - прервала я, отчаянно пытаюсь призвать свои мысли к порядку. - Минуточку. А тот ваш друг? Который мне звонил?..

— Какой друг? Это я вам звонил, в полной уверенности, что звоню той даме...

— А прежде вы никогда ей не звонили? И не знали ее номера?

— Нет, связь была исключительно односторонней. И только когда она стала доставать меня дома, то есть когда вы стали меня доставать, я разозлился и вычислил ваш телефон. Значит, это вы записаны у меня на магнитофоне?

— Получается, что я...

— Вот так штука, - растерялся он. - Прошу меня простить.

— Нет, это вы меня простите.

— Я полагаю, взаимных извинений было достаточно, - решительно вмешался мой приятель. - Вы наверняка кого-то ждете, - обратился он к моей жертве, а нам уже пора. Ты ведь говорила, что у тебя в полтретьего конференция? Позволь тебе напомнить, что уже двадцать минут третьего.

Я сидела совершенно убитая. Чего он морочит мне голову какой-то конференцией, пропади она пропадом, эта конференция. Зачем я так выкладывалась? Но какое невероятное сходство голосов, какое не правдоподобное стечение обстоятельств... Просто стечение? Может, его направляла чья-то рука? "Предупреждаю, я тебя расшифрую..." - "Пожалуйста, на здоровье..." Эта уверенность в себе, этот снисходительный тон... А как все идеально сходилось...

Я душераздирающе вздохнула и вернулась к удручающей действительности. Жертва моя как раз говорила:

— ..но надеюсь, вы позволите пригласить вас на кофе? Такое оригинальное знакомство...

— Исключено, - всполошился мой подлый приятель. - Меня вы можете приглашать, но ее - упаси боже. Эта женщина способна довести до дурдома всю Варшаву, да что там, вы ведь уже имели удовольствие испытать ее темперамент на собственной шкуре. Да я не то что знакомить - присутствовать при знакомстве не решусь, зачем мне такая

ответственность! Казнись потом всю жизнь, зачем не предупредил несчастья.

— Я все-таки надеюсь, что мы еще встретимся.

Мы вышли из "Бристоля" в молчании. Приятель перевел меня на другую сторону улицы и развернул в сторону моей конторы.

— Топай, - сказал он. - У тебя конференция. И Христом-богом прошу, остепенись ты наконец.

И я потопала, а что мне оставалось? Даже и опоздала-то ненадолго, но по сей день не могу припомнить, о чем там шла речь. И что самое странное, когда возвращалась домой, не попала под машину, не перепутала адрес и даже не очень-то пугала своим видом прохожих...** Ну и что теперь? Что мне делать? Неужто я так и осталась при пустых хлопотах?

Похоже на то.

Никогда в жизни мне не узнать, что это был за человек, который как-то случайно подключился к моему телефону и исцелил мое разбитое сердце, а ведь он, провалиться мне на этом месте, не плод моего воображения...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Человек, сидевший напротив за столом, присматривался ко мне - на губах улыбка, но в глазах ни тени Веселья. В ответ я тоже пригляделась к нему, взвесила ситуацию и решила выкладывать все как на духу.

— Хорошо, - сказала я, - опишу вам эту чертовщину всю как есть. Но предупреждаю, депо долгое.

— Ничего, времени у нас достаточно. Вот сигареты, а сейчас принесут кофе. Я рад, что вы наконец решились... Слушаю вас...

Я глубоко вздохнула и начала...

Спустя какой-нибудь час в кабинете плавали клубы дыма, стол был уставлен чашками из-под кофе, а мужчина по другую сторону стола слушал и слушал с неослабевающим интересом. У меня уже пересохло в горле, и я решила взять тайм-аут.

— Больше ни слова не скажу, пока не получу содовой, - заявила я.

— Сию минуту, будет вам целый сифон. Продолжайте, по-моему, чем дальше, тем интересней.

После целой череды выпавших на мою долю потрясений я впала в беспросветную депрессию. Не так уж часто меня разбирают апатия и уныние, но на сей раз я дошла до ручки, весь свет был не мил. Жизнь казалась безнадежно мерзкой штукой, оставалось лишь удивляться, зачем только мама меня на свет родила.

Я сидела в своем бюро вместе с Янушем и Весе, все трое трудились не покладая рук. Весе пытался над макетом холмистой площадки, на которой должен был гордо вознестись жилой комплекс. Януш корпел над сечениями, а я прорабатывала в деталях стальные ворота для ограды.

Перевернув чертеж на другую сторону, я обвела рассеянным взглядом своих коллег, и внезапно мне представилось, как смехотворно выглядим мы со стороны. Сидят в комнате три взрослых индивидуума с высшим образованием. Один самозабвенно лепит из пластилина параллелепипеды кубатурой в пол кубического сантиметра. Другой сосредоточенно клюет пером в кальку, густо засиженную пунктирами, а третий, то бишь я, старательно замарывает карандашным штрихом бесформенные геометрические контуры. Стоило ли кончать институт, столько лет грызть гранит наук, чтобы сейчас заниматься такой ерундой?

— Янушек, как ты думаешь, - поинтересовалась я, - если бы ты учился

на год меньше, небось слабо было бы с этим справиться?

Януш поднял на меня потусторонний взгляд.

— С чем - с этим?

— Ну, с пунктирами.

— С какими пунктирами?

— Да ты хоть осознаешь, чем ты сейчас занимаешься? Загляни в свой лист.

Януш тупо уставился на меня, потом на стол, потом снова на меня удивленно и обеспокоенно.

— О чем речь? Я что-то не так сделал? Я со вздохом покачала головой.

— Люди добрые, поглядите на него. Он уже от трудов своих праведных так деградировал, что и не замечает, над чем горбатится. Прикиньте, друзья мои, стоило ли забивать себе голову институтскими науками, чтобы в результате долбить пером кальку или мять кубики из пластилина? Может, хватило бы и школьной скамьи?

И тот и другой напряженно таращились на меня, пытаясь понять сложный ход моих мыслей. Потом уставились друг на друга, и наконец до них дошло.

— И правда, сегодня у нас работа из ряда вон дурацкая, - сказал Весе и почему-то весьма от констатации этого факта развеселился.

— - Нету Витольда, - раздумчиво отозвался Януш, прицениваясь к результатам своего творчества. - Он спасает нашу честь и достоинство В самом деле, четвертый, ныне отсутствующий наш коллега выполнял работу, требующую нешуточных умственных усилий, - ему было доверено чертить циркулем на плане благоустройства зеленые насаждения. И то сказать, круг это вам не пунктир...

Мы вернулись к нашим замысловатым трудам. Только я вознамерилась снова погрузиться в мрачные думы о тщете высшего образования, как зазвонил телефон.

— Тебя, - сказал Януш. Я взяла трубку.

— Здравствуй, подруга, - послышался голос моей доброй знакомой из редакции. - Ты что себе думаешь?

Я удивилась.

— Думаю? То есть? Я вообще ничего не думаю...

— Вот-вот, именно так я и предполагала. Откровенно говоря, очень меня твоё легкомыслие огорчает. Когда ты перестанешь делать из меня идиотку? Где твоя несчастная статья о домах культуры?

Не сиди я в этот момент на столе, ноги бы у меня подломились.

— Сколько еще прикажешь краснеть за тебя перед шефом?! Уже

второй номер я заштопываю дыру черт-те чем, до последней минуты оставляю место для твоего проклятого материала...

Морально я была готова к тому, что какая-нибудь очередная пакость непременно свалится на мою голову и сегодня.

— Сжался! - простонала я. - Сжался, не добивай меня! Дам я тебе эту чертову статью, на неделе принесу в зубах!

— Такими обещаниями ты меня кормишь второй месяц подряд...

— На сей раз в лепешку расшибусь, только не терзай меня. Статья почти написана, осталось всего ничего, заключительная концепция. Вот те крест, завтра же поднапрягусь и выдам тебе к субботе.

— Поверю в последний раз. Если в понедельник утром материала не будет у меня на столе...

— Будет, будет, клянусь!..

Пунктиры, штрихи, пластилин и смысл высшего образования мигом отступили перед лицом суровых требований жизни. Звонок из редакции напомнил мне не только об окаянной статье, которая, частично написанная, в вихре налетевших событий напрочь выветрилась из головы, - вспомнились и сами события...

Прежде чем впасть в беспросветную депрессию, я успела совершить очередную глупость. Будучи в помрачении ума, еще раз позвонила своей жертве. В глубине души я надеялась развеять при его содействии хоть часть снедавших меня сомнений. Казалось, этот человек должен проявить хоть мало-мальский интерес к существованию в Варшаве своего двойника, а может, даже знает его или, на худой конец, случайно видел. Кроме того, хотелось прояснить историю с "другом" - помнится, он сулил мне в туманной форме некие катаклизмы.

Принимая в расчет любезность, на которую хватило этого субъекта в самые двусмысленные моменты нашего объяснения, я понадеялась, что по телефону он проявит такую же корректность. А между тем напоролась на нечто совершенно неожиданное. Субъект держался, правда, в рамках приличия, но окатил меня обескураживающим холодом. Тон разговора напрочь отбил у меня желание прибегать к его помощи. Показалось даже, будто я подозреваюсь в крупномасштабной мистификации, рассчитанной на то, чтобы его умыкнуть, окрутить, соблазнить и бог весть еще как захомутать. Мой дух противоречия сразу стал в позу, воспротивился дальнейшим переговорам, я мигом сникла и дала отбой.

В довершение всех бед жилец из триста тридцать шестого номера вскоре уехал не попрощавшись, и осталась я при двойном пиковом интересе несчастная, оскорбленная в лучших чувствах и обязанная ему

полтыщей золотых.

А теперь вот и редакция напомнила о застарелом должке!

Фрагментарно увековеченный плод моего творчества куда-то запропастился. Я перевернула вверх дном всю квартиру и в конце концов удостоверилась, что статья как в воду канула. Писала я ее кусками на чем попало и везде, где только ни настигала меня творческая мысль. Начиная я, правда, дома, в тонкой желтой тетради, потом писала в блокноте, заседаю на исключительно нудном техническом совете, а остальное накропала на большом листе в клетку, который затем вложила в желтую тетрадь. Возможно, тетрадь была не желтой, а зеленой, факт тот, что черти ее взяли и из всего опуса оставили мне только кусок в блокноте.

Кусок в блокноте оказался очень даже пристойным, но меня это повергло в еще большее уныние, ибо нет труда неблагодарней, чем по второму разу создавать творение, которое изначально получилось вполне приличным, да еще когда не можешь восстановить его по памяти. Но иного выхода не было. Вооружившись блокнотом, бумагой и сигаретами, я налила себе чаю и расположилась на диване, исполненная тоски и ненависти к себе, к родной своей редакции и ко всему свету.

Не иначе какое-то проклятие висит над моими домами культуры, подумалось мне. Не хватает только телефонного звонка.

И тут же телефон зазвонил...

Невинное треньканье прозвучало как глас судьбы. Обстановка вокруг меня была такой, какой ей и следовало быть: сверху струился мягкий свет лампы, рядом кипы шпаргалок, в душе - злость и уныние, а над всем этим незримо витали зловещие громады домов культуры. Прежде чем взять трубку, я мгновение боролась с собой, пытаюсь призвать к порядку разыгравшую во мне бессмысленную, идиотскую надежду.

— Алло, - отозвалась я после третьего сигнала.

— Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Да, слушаю...

— Шеф на месте?

— Что?

— Шеф, говорю, на месте? Скорей! От неожиданности вопроса я растерялась и в первую секунду не нашлась что ответить, да и номер был назван правильно. Голос в трубке звучал резко, нахраписто, даже сердито и очень мне не понравился. Может, поэтому я окончательно озверела и вместо нормального ответа - дескать, ошиблись - с ехидной любезностью парировала:

— Сожалею, но шеф в отлучке. Прихватило, понимаете ли, после

кислого молока живот.

— Что такое? Громче!

— Вышел! - гаркнула я, лишь бы отвязался, уж очень меня разозлил командирский тон.

— Доложить немедленно, как вернется: операция "Скорбут" началась. К-2 в районе сто четыре, ежедневно в ноль двадцать. Установить сигнал. Запомните?

— А как же, - огрызнулась я. - Запомним. По гроб жизни.

— Синхронизация обязательна, - пояснил мне на прощание неприятный голос. - Даю отбой, конец сообщения.

— Покорнейше благодарю, - расшаркалась я и швырнула трубку. Черт знает что такое. С минуту поразмыслив, я пришла к выводу, что это либо ошибка, либо дурацкая шутка, на том и выбросила звонок из головы, зато моя злость и уныние достигли своего апогея. Чего тут финтить - взявшись по второму разу за статью о домах культуры, я в глубине души надеялась, что меня оторвет от нее совсем другой звонок и совсем не по ошибке...

Я сидела с занесенной над листом ручкой и время от времени нацарапывала бессмысленные фразы. Всеми своими фибрами я ощущала себя несчастной, а чувство манкируемого долга бесповоротно меня добивало. Наконец я дошла до кульминационной точки своей деградации, слабеющей рукой накарывая: "Домам культуры предписаны по штату привидения". Написала и долго вчитывалась, а вчитавшись, настолько поразилась, что даже головой посвежела. Какой абсурд! Почему непременно предписаны? Что в них хорошего, в этих привидениях? Нет, пора взяться за ум!

Легко сказать - как будто до моего ума рукой подать. В действительности нас разделял не один световой парсек, оставалось уповать лишь на чувство долга, благо оно у меня в крови. Прodelав над собой титаническое усилие, я худо-бедно сосредоточилась на взыскующих моего внимания объектах культуры. В результате во вступительную часть сочинения была впрыснута капля здравого смысла, а сама я поехала утром на работу, ни капли не выпавшись.

Элементарные профессиональные обязанности казались мне в тот день неподъемно сложными. Я с трудом разделалась с воротами и взялась за доработку проекта, которым когда-то занимался Януш и в котором теперь должны были найти свое отражение свежеиспеченные фанаберии инвестора. Я прилагала массу усилий, чтобы возможно меньше переделывать и возможно больше оставить как есть, поскольку единственное, на что меня еще хватало, так это на бездумное копирование

оригинала.

Вскоре после двенадцати я застряла на непосильной для меня проблеме. На продольном сечении обнаружились какие-то странные размеры - ни к одному узлу не подходят. Я долго ломала голову, соображая, что именно Януш имел в виду. Мои умственные потуги успехом не увенчались, и я наконец решила спросить у самого автора. Могла бы поинтересоваться и раньше, но такие простые решения при нынешнем моем состоянии духа почему-то меня не осеняли.

Только я собралась призвать Януша на помощь, как слуха моего коснулись звуки из ожившего динамика. Дневной выпуск новостей. Некоторое время я слушала, предаваясь тоске и унынию, потом сказала:

— Ребята, обратите внимание, моя жертва вещает!

Весе и Януш подняли головы и с любопытством прислушались - мои контакты с диктором не являлись для них тайной. Красивый, благозвучный голос поставил нас в известность, что "...в Польшу отгружено сто восемьдесят тонн болгарских помидоров...".

— Интересно. - задумчиво протянул Весе. Я наконец опомнилась и со вздохом вернулась к прозе жизни.

— Януш, поди-ка сюда. Что ты тут замерял? Воздух?

— Какой еще воздух? - неуверенно спросил Януш, поднимаясь из-за стола. - Чего ты несешь?

Я продемонстрировала ему загадочное место.

— И правда. погоди, что я тут мог начертить?

Он склонился над столом, навалившись локтями и подперев ладонями подбородок, и мы с ним ошоловело уставились в таинственные размеры.

— Пристаешь со всякими глупостями, - недовольно буркнул Януш. - Откуда мне знать, что я здесь замерял три месяца назад.

— Но ты же что-то имел в виду?

— Ну имел, только что?

— Может, забыл дорисовать?

— Постой-ка... Сейчас соображу, достань поперечник...

Поглощенные реконструкцией авторской задумки и творческого ее воплощения, мы не обращали внимания на Весе, который тем временем встал из-за стола, подошел к телефону, набрал номер и попросил дать ему какой-то внутренний. Я расстелила поперечник.

— Есть! - обрадовался Януш. - Канализационный водосборник!

— Точно, в поперечном он внесен, а в продольном нет. Забыл. Обычно бывает наоборот, чертеж сделан, а размеры не проставлены.

— Такой уж я оригинал. Вот ты и доделай.

Весе между тем вышел на связь и попросил кого-то к телефону. С недосыпу реакция у меня оказалась замедленной, и потому фамилию, которую он назвал, я пропустила в первую минуту мимо ушей. А когда, позабыв про водосборник, взвилась со стула, было уже поздно.

— Весе, побойся бога! Что ты задумал?

— Хочу спросить, почему будут эти болгарские помидоры, - вежливо разъяснил мне Весе, прикрывая трубку, и сразу же ладонь убрал. Видимо, на другом конце провода уже отозвались. Я жутко растерялась и не могла сообразить, как спасти положение. Вот беда, взбрело же ему в голову приставать к невинному человеку!..

— Весе, это не тот! - наконец взмолилась я. - Оставь его в покое! Он на меня снова взъесться!

— Прошу меня извинить, - сказал Весе в трубку, озадаченно на меня косясь. - Вы не скажете, почему будут эти болгарские помидоры?

Я рвала на себе волосы и проделывала перед ним разные другие пантомимические движения, имеющие целью показать, сколь трагическую он совершает ошибку. Подать голос я боялась - меня могли услышать. Телефон у нас работал на редкость исправно. Весе отвел трубку от уха, и мы оба услышали ответ:

— По два злотых двадцать грошей...

— За кило?

— Нет, за дюжину.

— О, так дешево!

— Могло быть и дешевле, верно?

— А когда поступят?

— Недели через две-три.

— А то я, понимаете ли, переживаю, как бы не сгнили...

— Не переживайте. Они в холодильниках. Бог весть какими еще глупостями они бы обменялись, если бы Весе не смутила моя реакция, - сбитый с толку, он сократил свой допрос до минимума.

— Премного вам обязан, - вежливо и с большим чувством сказал он.

— Всегда к вашим услугам.

Весе положил трубку, благодаря чему я наконец смогла принять нормальную стойку и слегка остыть.

— Поразительно, - недоумевала я. - Он должен был закатить скандал.

— С какой стати? Он ведь меня с тобой не связывает. А вообще как тебя понимать? Что значит "не тот"?

— Я тебе разве не говорила? Мы с ним столкнулись случайно в "Бристол". Оказалось, не тот. Я преследовала невинного агнца.

— Но ведь это он оскорблял тебя по телефону?

— Да, но меня интересует совсем другой... Я объяснила Весе в деталях прискорбное недоразумение. Он слушал и неодобрительно качал головой.

— Я уже во всяких твоих субчиках запутался. Лично мне не нравится скандалист. А которого из них зовут Януш?

— Подозреваю, что обоих. Этого точно, а того наверное. Вообще Янушей развелось как собак нерезаных.

— Вот именно, - с горечью подхватил Януш. - Я, пожалуй, сменю себе имя. Тот твой, из Лодзи, тоже Януш?

— Ага. Преследует меня это имя, хоть плачь.

— Я бы с удовольствием с ним повидался, - сказал Весе раздумчиво.

— С которым?

— Со скандалистом. Позвонить, что ли, и предложить встретиться?

— Бить будешь? Когда хватился! Все уже быльем поросло. И вообще я не хочу с ним связываться. Его личность меня не вдохновляет.

Уверенности в том, что Весе образумился, у меня не было, как бы теперь еще и он не натворил глупостей, расхлебывать-то придется мне! Вот уж не было печали, и так на меня все шишки валятся, белый свет не мил, даже собственная персона ничего, кроме раздражения, не вызывает...

Видно, не судил мне бог дописать треклятую статью в тиши и спокойствии. Сразу же по возвращении домой я создала себе рабочую обстановку, вознамерившись целиком отдаться творчеству. Окно стояло распахнутым по причине внезапного и бурного наступления весны. И вот в это самое окно врывался странный, раздражающий своей монотонностью звук. Что-то где-то пыхтело: "пффф.., пффф..." - переходя в сочный рык, разносящийся далеко окрест. Сил моих больше не было, я встала и подошла к окну. Напротив на балконе какая-то баба набирала в рот воды и могучим фонтаном прыскала на свой цветник.

Казалось бы, балкон являет собой физический объект, ограниченный в пространстве. Как бы не так - балкон этой поливальщицы, засаженный цветочками, судя по продолжительности действия, тянулся в бесконечность. Все-таки запрет на владение огнестрельным оружием имеет свой глубокий смысл...

Я попыталась воздействовать на свою мучительницу устрашающим взглядом, но меня оторвал от гипнотического сеанса звонок. Подходя к телефону, я была уже на точке кипения. Кто бы ни звонил, чума на его голову! Значит, судьба к нему неблагосклонна, а я лишь слепое ее орудие.

— Слушаю, - процедила я.

— Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Да!

— Операция "Скорбут"...

Несмотря на дикое раздражение, я сразу усекла, что голос на этот раз совсем другой. При мысли о том, что полстолицы решило изводить меня припурочными розыгрышами, я окончательно вскипела и оттого стала олицетворением любезности.

— Что означают эти шутки? - спросила я строгим, но исключительно вежливым тоном.

— Какие шутки, это не их вина! - обеспокоенно вскричал голос. Подвела синхронизация, почему никто не принимал сигналов?

Честно говоря, озадачил он меня до крайности. Нерастраченная злость делала мои реакции не совсем нормальными, и вместо того чтобы объяснить ошибку, я снова ввязалась в диалог.

— Ясно почему! Значит, не правильно подобраны позиции, - сварливо сказала я. Слово "сигналы" ассоциировалось у меня с пусканием зайчиков, и в моем воображении возник некто с зеркальцем в руках - он пускает зайчиков на местности, заслоненной холмом, оттого их и не видно.

— Может, и так, - с сомнением протянул голос. - Следующим будет район сто два, К-2 и К-4. Завтра, в двадцать три ноль-ноль. Конец связи.

Ошеломленная не меньше, чем в прошлый раз, я хотела было спросить, как это можно пускать зайчиков в двадцать три ноль-ноль, но он уже отключился. Оставалось только тупо таращиться на безмолвствующую в руке трубку. О чем он, говорил? К-2 и К-4 - это дома из железобетона; воруют стройматериалы, что ли?

Станный разговор немного меня развлек, баба на балконе перестала наконец плевать, и я снова уселась за статью. Дошла до половины, когда телефон опять затренькал. Я подняла трубку не без азарта, у меня уже сложилось суеверное представление, что усиленные мои размышления о домах культуры притягивают ко мне некие сверхъестественные силы, как громоотвод притягивает молнии.

— Это ты? - спросила моя верная, незаменимая приятельница Янка и сразу же таинственно доложила:

— Видела твоего друга.

— Какого друга?

— Или врага, - уступчиво поправилась Янка. - Смертельного твоего врага.

— Какого еще врага?!

— Врага с собакой!

— Мать честная!

Вздумалось же сегодня всем как по заказу морочить мне голову этим человеком. Сначала Весе, теперь Янка... Чтоб им пусто было! Однако не худо бы узнать подробности.

— Ты хотела сказать - мою жертву? - с нажимом уточнила я.

— Жертву так жертву, хотя я что-то не слышала, чтобы жертвы так обращались со своими палачами. По мне, так он суший враг!

— Пусть будет враг. Где ты его видела?

— На лестнице.

— А нельзя ли поточней? На какой лестнице? Пожарной?

— Нет, на его лестнице. Он ведь живет на Старом Мясте? Верно? Бьюсь об заклад, это он!

— Во-первых, с чего ты взяла? А во-вторых, как тебя занесло на его лестницу?

— Я была у Маньки, ну знаешь ее, моя товарка, забежала к ней в рабочее время. Она там живет, на Старувке. Стою, понимаешь, под дверью, звоню-звоню. Мертвая тишина, звони хоть до конца света. Слышу - чьи-то шаги на лестнице, вот было бы здорово, думаю, если б это оказался он. Оборачиваюсь, смотрю - точно он!

— Почему ты так решила?

— Узнала по твоим описаниям. Брюнет, ростом два метра, волосы зализанные. Ведь зализанные?

— Да, назад, без пробора.

— Вот-вот! Возраст тот же, а главное - собака! Большая черная зверюга! Господи, какая она громадная!

— Еще подрастет. Порода такая, я же тебе говорила. И что дальше?

— А ничего, он спускался себе по лестнице со своей псиной. Мне что - я повернулась и уставилась во все глаза.

— А он тебя заметил?

— Не слепой же. Конечно, заметил, даже внизу оглянулся, а я все таращилась. Могу сразу сказать, он мне не понравился!

— Ну и зря! - разозлилась я - враг или не враг, но если у меня с ним что-то было, значит, он того стоит. - Почему не понравился?

— Потому что вид у него был как раз тот самый, - со значением произнесла Янка.

Я поняла ее с полуслова. Годы дружбы бесследно не проходят. Пришлось попридержать свое возмущение.

— Ты так считаешь?

— Типичное, понимаешь, выражение лица... И пес мне не понравился. Под стать хозяину. Такой же вальяжный, надутый, словом, важная шишка.

И тоже без чувства юмора, уверяю тебя: у них у обоих с юмором плоховато.

— Не может быть. Он неоднократно его проявлял.

— Проявлял или имел?

— Ну ладно, что дальше?

— Я перестала звонить - потом оказалось, Маньки дома не было - и сошла за ним вниз. Не сразу - сразу не решилась. Видела их уже издали, оба шли такие представительные... Вообще по виду он типичный хладнокровный педант.

— Вполне возможно. Скандалил довольно хладнокровно... Что еще?

— Ничего. Мало тебе?

— Как?! И ты его просто так отпустила? Надо было подойти и попросить пять злотых. С Коперником. Лишний раз подкрепила бы его мнение о слабом поле.

— Не пришло, понимаешь, в голову, от неожиданности реакция подвела. А вообще я рада, что поглядела на него. Ага, наконец сообразила, что мне в нем не понравилось больше всего. Это его отношение к женщинам у него на лице прямо-таки написано.

— Да пусть хоть каленым железом выжжено. Слышать о нем не могу! Вот уж попала впросак, такого со мной еще не бывало!

— Хотела бы я знать, почему он потом снова...

— В отличие от тебя я ничего о нем знать не хочу. Думаю, мы с ним в этом смысле квиты. Два сапога пара, оба дурака сваяли...

— Тут я спорить не буду...

Закончив наш разговор, я предприняла слабую попытку разделаться со статьей. Дома культуры внушали мне все большее отвращение..

Телефон зазвонил, когда я подбиралась к концу.

— Слушаю, - буркнула я недовольно.

— Алло, на связи Скорбут. Операция сегодня, в двадцать три тридцать...

Черт подери, опять сбили с толку. Ну чего этим людям неймется, и вообще, сколько их? Снова другой голос, такое ощущение, что полгорода дурью мается.

— Ведь назначили на завтра, на двадцать три ноль-ноль, - с досадой сказала я.

— Срок ускорен, завтра будет поздно. В остальном без изменений.

— Где это видано, переносить в последнюю минуту! - возмутилась я. Хотела еще добавить, что такие игры не по мне, да вовремя вспомнила, что я тут сбоку припека, пусть себе меняют сроки, пусть хоть застрелятся со своей галиматьей.

— Так надо. Лучше действовать внезапно, - нетерпеливо объяснил мой собеседник и отключился.

Я не стала отвлекаться на загадку телефонных звонков, а сразу же вернулась к статье, чтоб не утратить нить рассуждений. В час ночи поставила последнюю точку и тотчас улеглась спать.

Телефон вырвал меня из объятий Морфея в полтретьего. Я сонно потянулась к трубке.

— Слушаю...

— Скорбут, Скорбут..

Голос был очень нервный. Ну нет, хорошего понемногу. Я очень люблю шутки, но не в такое же время, чувство юмора посреди ночи мне отказывает.

— Ничего не выйдет, - отрезала я, имея в виду, что не намерена играть в их игры, да еще по ночам, и собралась швырнуть трубку на рычаг, но поскольку со сна движения у меня были замедленными, то успела услышать ответ, от которого оторопела:

— Есть! Немедленно спускаемся! - с готовностью и явным облечением объявил нервный голос и отключился раньше меня.

Только сейчас я в полной мере осознала необычность этих звонков. В растерянности положила трубку и откинулась на подушку, окончательно проснувшись. Смотрела в темноту широко раскрытыми глазами и чувствовала, как сердце начинает колотиться в сладкой тревоге.

Тут-то у меня впервые возникло подозрение, что это не просто ошибка. Просто ошибиться можно раз, ну два, здесь же звонят регулярно, еще и называя номер, который числится и числился моим с незапамятных времен. Глупая шутка? Исключено. Сколько же это людей должно в ней участвовать, да и кого потянет на розыгрыш в три часа ночи? А голоса, интонации?.. Профессиональных актеров, что ли, они там набрали? И кто набрал? Нет, на злостные шутки явно не похоже.

И вдруг я чуть не ахнула - со всей ясностью дошло наконец, что дело нечисто. Спускаются... Немедленно спускаются... О ужас, целая шайка, что ли? А этот Скорбут... Стоп, это же опознавательный пароль банды, планирующей какой-то налет! Они общаются по телефону с помощью шифра!

Ну ладно, банда бандой, но при чем тут я, какого беса я сюда встряла? Чего они ко мне лезут? Никогда в жизни у меня не было никаких точек соприкосновения с преступным миром, да и мои знакомые не имеют чести вращаться в таких кругах. С какой стати они почтили меня своим вниманием? Спускаются... Откуда, черт подери, они спускаются? С

лестницы? Судя по нервному голосу того бандита, у них там что-то не заладилось, случился какой-то прокол...

Ну нет, все это чересчур заманчиво, чтобы оказаться всамделишным. Сколько себя помню, я всегда мечтала влипнуть в какую-нибудь необыкновенную, авантюрную историю, но чтобы так уж повезло?! Ишь чего захотела - чуда, да еще в собственных четырех стенах! Тут тебе не костел в Новолипках!

Томясь надеждой и сомнениями, я стала лихорадочно прикидывать, как им попал в руки мой телефон и почему они отличили именно меня. Чем я лучше других?

Слабый проблеск мелькнул в голове и тут же угас. Неуловимая, смутная мысль о чем-то чрезвычайно важном, что я непременно должна знать и что могло их вывести на мой телефон. Там-то и зарыта собака, вот только где там? Где?!

Пытаясь поймать ускользающую ниточку, я отвлеклась от самой банды и загадочной ее деятельности, впрочем, мысли мои все равно расплывались, и я снова уснула, ничего интересного не придумав. Вернулась я к своим размышлениям лишь наутро, уже по дороге на работу. Утро вечера, как известно, мудренее. С глубоким прискорбием я вынуждена была признать, что увлекательная бандитская афера - не что иное, как плод моих пустых мечтаний, а телефонные звонки - месть моей жертвы за перенесенные преследования и заодно за болгарские помидоры. Скорей всего, это он натравил на меня всех своих коллег, благо уж им-то сноровки в голосовых модуляциях не занимать.

Статья была, слава богу, готова, оставалось только подобрать иллюстративный материал. День стоял солнечный, Весенний, и я выбралась в родимую свою редакцию кружным путем. Впрочем, если по-честному, когда бы меня в ту сторону судьба ни заносила, ноги сами вели к гостинице "Варшава". Без всякой надежды, без повода, вели - и все тут.

По дороге я размышляла о таинственных звонках. Странные позывные "Скорбут, Скорбут" не давали мне покоя. Я перебирала в голове самые разные догадки и так увлеклась, что лишь в последний момент заметила идущего мне навстречу долговязого субъекта. Узнала я его мигом, хотя видела лишь однажды, тогда в "Бристоле", и, если бы не шедшая рядом с ним женщина, непременно бы поздоровалась.

Заметив их слишком поздно, я не успела рассмотреть спутницу. А жаль, имею законное право знать, как выглядит дамочка, чьей соперницей мне довелось прослыть. Проморгав такую возможность, я вздохнула и

вернулась к своим захватывающим думам о Скорбуге.

Фотографии в редакции удалось подобрать очень быстро, и уже через полчаса я переступила порог своего бюро. Весе, Януш и Витольд, дремотно безмолвствуя, корпели кто над чем - сонное царство, да и только. Я уселась за стол и без всякого энтузиазма взялась за проект. Весе зевнул во всю глотку и отрешенно уставился на радиотранслятор.

— Что-то скучно сегодня... - протянул он. - Может, позвонить скандалисту?

— Не утруждай себя, - холодно разъяснила я. - Его там нет, только что повстречался мне на улице.

— Но я слышал его пару минут назад, - запротестовал Весе.

— Значит, в записи, чудес не бывает, люди не раздваиваются.

Сказала - и встрепелась. Стоп, когда его Янка видела на лестнице? Вчера? А когда Весе пытал его насчет болгарских помидоров?

— Весе, - заерзала я, - когда ты ему звонил? Вчера ведь?

Весе вскинул на меня мутный взор.

— Вчера, как сейчас помню. Перед тем как закончил макет, а потом расколол под ним стекло. А что?

— Ничего, - озадаченно пробормотала я и стала усиленно соображать. Вчера Весе с ним беседовал, и вчера же Янка видела его в натуре. Беседовал где-то в четверть первого. А когда Янка на него глазела?

Я рванулась к телефону.

— Во сколько ты его видела на лестнице? - спросила я безо всяких вступлений, потому что на ее сообразительность могла полагаться как на свою собственную. - Это ведь было вчера?

— А в чем дело? - поинтересовалась Янка.

— Еще не знаю. Ну? Когда это было?

— Сейчас, погоди, дай бог памяти... Вчера-то уж точно, а во сколько?.. Вышла я с работы в десять, потом заглянула в Дом культуры, потом не помню, но оттуда вернулась в час. Значит, в полпервого или чуть раньше.

Несмотря на сонную одурь, голова у меня сработала молниеносно. Я надолго умолкла, чем наконец Янку успокоила.

— Алло, что стряслось? Ты там умерла? Не молчи, не заставляй меня нервничать!

— Погоди, - отозвалась я, - дай возьму сигарету. Запасись терпением, сейчас будем сопоставлять словесные портреты. Прими к сведению, что в полпервого Весе мило беседовал с ним по телефону.

— Из дому?

— Нет, с работы. Отсюда - Как "отсюда"? Ах, Весе! Я спрашиваю про

того типа.

— Из студии.

— Как это?

— А так. Весе звонил ему на студию.

— И он гам был?!

— В том-то и дело. Я сама, собственными ушами слышала. Что-что, а этот голос я узнаю среди тыщи.

— Не понимаю. Ты собственными ушами слышала, а я собственными глазами его видела, только на другом конце города. Успел доехать?

— Исключено. От Мокотова на Старое Место за пять минут, а потом еще подняться на третий этаж и выйти с собакой, чтобы столкнуться с тобой на лестнице?..

— Тогда, значит, раздвоился?

— Вот я и думаю, кого ты могла видеть... Теперь Янка надолго умолкла.

— Не молчи, черт тебя дери, гони подробности, как он выглядел?

В течение нескольких минут мы занимались подробнейшей идентификацией. Да толку-то, о стопроцентной гарантии и речи не было.

— Нет ли у него чего-нибудь неповторимого? Особых примет?

— Есть, - мрачно сказала я. - Серый пиджак с кожаным воротничком. Неповторимый, один такой на всю Варшаву! И два метра росту.

— Застрелись ты с этими метрами. О боже, знать бы, как дело обернется, уж как-нибудь раздела б его до пиджака. И плевать на репутацию нашего пола!

— А потом бы оказалось, что обесчестила невинного человека. Нет, я уже однажды села в лужу, больше в такие игры не играю. Пускай себе разгуливает по своим ступенькам сверху вниз и снизу вверх хоть до Судного дня. Я умываю руки!

— Не выводи меня из себя. У тебя что, упадок духа?

— Хуже. Жизнь уже из-за этой истории не мила. Прогрессирующая депрессия. Да и в конце концов, есть дела поинтересней.

— Какие, Скорбут?

— Он самый. С ним уж точно с тоски не помрешь. Одна надежда на него, может, вылечит от хандры.

Несмотря на такое категорическое заявление, толика любопытства у меня к пресловутому субъекту сохранилась. Кто бы мог подумать, что в Варшаве столько одинаковых долговязых и чернявых мужчин, да еще и с черными собаками! Что за урожай на черных псин! Но не ворошить же мне погребенную тайну заново, когда я столько трудов приложила, чтобы

навсегда вычеркнуть ее из памяти, разувериться в существовании этого человека, списать его в область преданий и легенд...

Статья о домах культуры нуждалась еще в перепечатке. Проклятый долг тянулся за мной как гиря на ноге, и не предвиделось иного способа избавиться от проклятия, как только дописать свой опус и немедленно сбыть с рук. Телефон зазвонил, когда я добралась до четвертой страницы.

— Слушаю...

— Алло, Скорбут! Скорбут!

Ну Скорбут, чего же еще? Я бы скорей удивилась, если бы меня оставили в покое. В преддверии финала литературной моей голгофы самочувствие у меня значительно улучшилось, а вместе с тем заметно прибавилось и ясности ума. Что бы там за этим Скорбутом ни стояло, а из рук я его не выпущу, пока не разберусь, что к чему. Не мешало бы перехватить инициативу.

— По какому номеру звоните? - сурово спросила я.

— Четыре сорок девять восемьдесят один.

— Слушаю вас.

— Район сто два сгорел. К-2 выпал из игры.

— А К-4? - спросила я во внезапном озарении.

— В порядке, действует. А-Х и В-2 - в районе сто один. Приступаем в час ноль-ноль. Какие будут указания?

— Никаких, - честно призналась я, потому как их у меня действительно не было. Хотела, правда, предложить, чтобы в тот сгоревший район вызвали пожарную команду, но не успела. Мой конфиденнт отключился.

В полном недоумении я снова уселась за стол и закурила. Не будь я обременена неизбывным долгом, не раздумывая встряла бы в загадочную аферу. Вообще-то писать статьи мне нравится, но на сей раз милое сердцу занятие превратилось в адскую муку. Надо срочно закругляться, я уже не то что действовать - думать не в состоянии. Не статья, а наваждение, заполняет вокруг меня все жизненное пространство, дышать свободно не дает, парализовала всю мою волю. Без нее я бы уже составила план действий, а потом, засучив рукава.., гм, наломала бы дров - для чего-нибудь толкового у меня слишком мало информации. Но до действий, слава богу, пока еще не дошло; пока еще я, отстучав на машинке очередную фразу, надолго погружалась в очередные догадки, что губительно сказывалось как на фразах, так и на догадках.

Смысла во всей этой фантаσμαгории ни на грош. Банда преступников

обрывает мне провода, навязывает сведения о какой-то дурацкой операции и требует указаний. Не иначе я удостоилась большой чести - заделалась у них атаманшей. Операция, конечно, нелегальная, никакое легальное учреждение не будет действовать столь глупо.

"...художественные коллективы занимаются преступной деятельностью". Тут я опомнилась, забила иксами "преступной" и стала печатать дальше, одновременно пытаясь мыслить логически. Что он имел в виду, сказав "спускаемся"? Откуда можно спуститься, учитывая, что дело происходит в Варшаве? С корабля? Отпадает, еще не сезон, горных вершин в Варшаве не имеется. Лестниц, конечно, навалом, могли спускаться, например, с какого-нибудь чердака, где они укрывались. "...раздвижные стенки расширяют возможности синхронизации помещений..."

Какая, к лешему, "синхронизация", тут должно стоять "использование". Или я отказываюсь от одного из двух занятий, или у меня сейчас ум за разум зайдет. Подумав, я отказалась от перепечатки. Дело такое, что не терпит отлагательств. Хватит с меня одной неразгаданной загадки, другой я не переживу. Да и чем черт не шутит, а вдруг повезет - раскрою преступление века и благодарная отчизна будет воздавать мне почести до гробовой доски?

Первым делом я взялась за то, за что полагается в таких случаях браться. Составила реестр имеющихся в моем распоряжении сведений. Запечатленные черным по белому, они приобрели неслыханно дурацкий вид, полный абсурд, ничего больше. Единственное, что удалось из записи извлечь, так это некие разрозненные домыслы.

Помнится, я пустила в ход слово "позиции", а мой собеседник воспринял его как должное. Напрашивается вывод, что спускались они не просто с лестницы, а с какой-то позиции. Позиции расположены в районе. Что такое район? В общем это некое место, а в частности оно может быть и участком улицы, и городским кварталом, и лесом, полем, лугом в любой точке страны. Воздушный бассейн я в расчет не брала, тогда бы они, как в планеризме, упоминали и о погоде.

Банда, похоже, немалочисленная - во-первых, голоса все время разные, а во-вторых, говорят о себе во множественном числе. Есть у них какой-то шеф. Шеф...

Тут меня что-то насторожило, но что... Я думала-думала, но ничего не надумала и оставила шефа в покое.

Избыток всякой аббревиатуры, на которую они не скупятся, может означать что угодно, начиная от строительных материалов и кончая кличками агентов империализма. Откровенно говоря, я предпочла бы

скорее агентов, чем ворованные кирпичи. Надо будет составить список всех подходящих слов на К, на А и на В и поломать над ним голову...

Единственная точная информация - это время. Я знаю, когда это происходит, но не знаю, что именно и где. У меня даже мелькнула мысль, не обзвонить ли все милицейские участки в Польше - на предмет каких-нибудь совпадающих во времени инцидентов. Но я от нее отказалась. Незачем пороть горячку, настанет черед и милиции, не соваться же к ней с пустыми руками.

Ну и самое главное: какого черта они называют именно мне?!

Чутье подсказывало, что я должна это знать, тут надо только вспомнить, тут ключ ко всей загадке. Шевели мозгами, сонная тетеря. Сделав последнее над собой усилие - увы, бесплодное, - я решила дать своей натруженной голове передышку. Буду держать руку на пульсе событий, копить, елико возможно, информацию, но сначала надо наконец завязать с этими садистскими домами культуры...

Садисты, однако, не собирались выпускать мою грешную душу на свободу и всеми потусторонними силами продлевали свою власть. Той ночью я, конечно, статью допечатать не успела, от непосильных умствований меня сморил сон, и вечером следующего дня пришлось снова сесть за машинку. Как и следовало ожидать, затретькал телефон.

— Это ты? - возбужденно заорала мне в ухо лучшая подруга. - Слушай, я такое видела! Обалдеешь!

Меня ее звонок разозлил - я ждала Скорбута и держала на этот случай свой интеллект в боевой готовности. А кроме того, обалдеть я уж никак не могла, поскольку пребывала в этом состоянии перманентно.

— Твои видения начинают мне действовать на нервы, - раздраженно заявила я. - Что там еще?

— Я его видела, в двойном экземпляре! Кого она видела, я поняла сразу, вот только с чего у нее стало двоиться в глазах, где и по какому поводу она так нализалась?

— На именинах была? - осторожно поинтересовалась я.

— На чьих?

— Какая разница. После именин много чего начинает двоиться. Бывает, в целые стада размножается. В стаде он не гулял?

— Идиотка! При чем тут стадо? Я не про быка, а про того типа. Представляешь, видела их двоих, сплошь одинаковых, - середь бела дня, на Замковой площади.

— Ты уверена, что у тебя в глазах не двоилось?

— Кончай валять дурочку, слушай дальше, я и сама уже озадачена не

на шутку. Поднялась я, значит, по лестнице, вышла на площадь, народу там почти не было, и они мне сразу бросились в глаза. Одинакового роста, обознаться ничего не стоит!

Со скрипом, преодолевая сопротивление, внедрялась неожиданная сенсация в мое сознание. Главное - не терять голову, а еще лучше - сохранить ее трезвой.

— И что же они делали? - спросила я по возможности без экзальтации, с умеренным любопытством.

— Расходились.

— То есть?

— Ну, шли так, как будто только что простились и расстаются, расходятся в разные стороны. Один совсем ушел, а другой остался.

— Как остался, где остался? Уселся на площади, решил покормить голубей?

— Нет, пошел к цветочному киоску покупать цветы. Я, конечно, следом, пристроилась рядышком, сделала вид, что тоже интересуюсь цветами, а сама, натурально, глаз с него не спускаю. Еще немного, и на всю жизнь косой бы осталась!

— Он тебя заметил?

— Еще как! Ни капельки не поверил в мой интерес к цветам, зыркал на меня с большим подозрением. И знаешь, на этот раз почти мне понравился...

— С чего бы это?

— Сама не знаю. Совсем другое выражение лица... Улыбка такая, будто бы в душе забавляется. Явное, понимаешь, чувство юмора!

Чур меня! Как я ни гнала от себя настырное видение, перед глазами всплыла знакомая улыбка - чуть ироничная, но такая милая и обаятельная! Улыбка человека, который на самом деле не существует... Я с трудом стряхнула с себя наваждение.

— Может, он разговаривал с тем своим мифическим другом? - предположила я. - С тем, который звонил мне от его имени?

— Тоже двухметровым?!

— Ну и что, нельзя заводить себе двухметровых друзей?

— Заводить, но не подбирать же по росту! Это он, чтоб я сдохла! Твой таинственный незнакомец!

— А дальше? - спросила я, сдавая позиции. - Что дальше? Ведь не торчит же он до сих пор у киоска!

— Сел в машину и укатил.

— В какую машину?

— Не знаю.

— Как, ты не разглядела даже марку? Ослепла или сомлела?

— А что, тут и сомлеть недолго, могла себе позволить. Большая машина. Серая.

— И на четырех колесах. Большая редкость. Одна на всю Варшаву. Какого черта ты мне не позвонила?

— Не успела! А ты как себе представляешь, подхожу я к нему и заявляю: "Не торопитесь, погодите, сейчас я позвоню своей подруге"?

— Надо было за ним ехать!

— На чем?

— На такси!

— Не смей меня! Какое еще такси на Старом Мясте, в полдень?

— Короче, шанс для опознания объекта мы проворонили! В следующий раз, как наткнешься, сразу звони мне и бегом за ним, только помечай дорогу. Чем придется: клочками бумаги, печеньем...

— Придумала! Бумажек везде навалом, а печенье сожрут голуби.

— Тогда пивными банками, пробками...

— Ума палата...

Я положила трубку, слегка встревоженная. Неужели тайна, на которой я поставила крест, снова всплыла на свет божий, снова дает о себе знать? Кто он, этот человек, на которого Янка то и дело натывается? Надо все-таки разобраться, а то не видать мне покоя. Только как? Занять дежурство на Замковой площади и отстоять там пару недель Симеоном Столпником? Симеону Столпнику пришлось, кажется, отстоять дольше.. Почему он вечно попадает на глаза Янке, а мне так ни разу? А еще говорят, мир тесен!

Я снова уселась за машинку. Сидела кик на иголках. Ждала весточки от Скорбуга. И тот не подвел, позвонил, когда я добралась до последней страницы. Я молча выслушала загадочную скороговорку:

— К-4 в порядке, не обнаружен. В районе сто один два фальсификата. Пароль "кукурукуку".

Отбой.

"К-укурукуку"! Вот именно, лучше не скажешь. Не иначе они там все сбрендили. На какой-то момент я даже усомнилась в существовании банды, очень уж смахивало на групповой побег психов из дурдома. Что они такое затевают? К-4 может быть бандитом, скрывающимся от правосудия, ну а два фальсификата? Подставляют вместо людей манекены? Или это фальшивомонетчики? Но на кой черт фальшивомонетчикам пароль "кукурукуку"?!

Вместо того чтобы пойти спать, я занялась следствием. Битый час угробила на составление словарика, и чем дальше, тем больше он меня смущал. Я записывала все, что приходило в голову, на А, на В и на К, в результате составила впечатляющий винегрет из всякой всячины. Каракульча, колбаса, контрабанда, комитет безопасности, авизовка, антенна, агрономия, бриллианты, бетон, банк, биология - и прочая и прочая. Список получился впечатляющий и занятный. Каким образом предметом преступления может стать, например, агрономия или кино, которое тоже оказалось в реестре, я и сама не представляла. Напрягая все свои извилины, всматривалась в оригинальный список до полного умопомрачения. Инстинкт мне подсказывал, что не такое уж это пустопорожнее занятие. Что-то в этом есть, знать бы только, что именно.

Наконец я улеглась спать, с содроганием думая о том, что в любой момент меня могут разбудить. Как бы не брякнуть со сна какую-нибудь глупость, чего доброго догадаются, что я не из их компании...

Тем не менее заснула я как убитая, и телефон, наверное, надрывался долго. Сняв трубку, ч услышала знакомые позывные, и сон как рукой сняло. Кто-то говорил очень усталым голосом и против обыкновения не очень официально - видимо, из-за усталости.

— Сколько можно ждать! - В интонации прорывалось скорее даже не раздражение, а покорность судьбе. - Шеф на месте?

— Нету, - с чистой совестью оповестила я. Могла бы в случае чего и на Библии подтвердить, что никакого шефа у себя на ночь не приютила.

— Жаль. Срочно передайте, что все идет сикось-накось. А-Х почему-то не действовал. В-1 тоже не ахти как, кое-что вообще не удалось.

— Что именно? - осторожно заикнулась я и наострила уши.

— Сейчас скажу, у меня тут записано... "Взбрыкчать, вьюркий..., чихняя..., клюмбок, вейник, бухастый..." Кажется, все.

Я прямо обомлела. Весь мой интеллектуальный багаж перевернулся во мне вверх тормашками. На какое-то время язык перестал мне подчиняться, наконец удалось более-менее спокойно произнести:

— Понятно. Что дальше?

— Завтра все по плану. Ждем очередных указаний Спокойной ночи.

— До свидания, - пробормотала я, до глубины души пораженная тем, что со мной наконец поговорили по-человечески, нормальным тоном... Эврика! В сплошных потемках внезапно вспыхнул даже не огонек, а мощный луч прожектора! Я ведь знаю, знаю, что означают идиотские эти слова!!!

Еще немного, и я сорвалась бы с постели и пустилась в пляс. Какая

удача, мне приоткрылся наконец краешек тайны! Несколько совершенно бессмысленных слов позволили заглянуть в самую сердцевину преступления. Я почувствовала себя такой счастливой, что срочно понадобилось дать выход своим чувствам, иначе я не то что не усну, а и, не дай бог, лопну от счастья. Схватив трубку, я набрала номер своей подруги.

— Алло, - раздался после мучительно долгих звонков заспанный голос.

— Взбрыкчать! - триумфально выкрикнула я. - Чихняя, клюмбок!

— Езус-Мария, тебе плохо?!

— Мне хорошо, тут такой звонок был! Вей-ник!

— Вот беда! - ахнула насмерть перепуганная Янка. - Рехнулась! Что ты лепечешь?

— Сообщаю тебе суть загадки! Теперь я знаю, где собака зарыта!

— Сумасшедшая! Переходи на человеческий язык, или я вызываю "скорую"!

— Ну так слушай...

И я пересказала ей недавний разговор.

— Но я все равно ничего не понимаю. Если не ты, тогда он ненормальный. Объясни толком.

— Таких слов в польском языке вообще нет...

— Ну уж это-то понятно...

— Погоди, не перебивай...

Выкладывая свои соображения, я заодно приводила в порядок мыста, на радостях учинившие в моей голове сущую вакханалию. С давних пор мне было известно, что существует способ проверки микрофонов, передатчиков и прочих причиндалов радиосвязи с помощью списков, состоящих из набора таких вот бессмысленных слов Мои познания в этом предмете были весьма поверхностными, потому как всякие разговоры о слабых токах, сетях и тому подобном, которые в свое время вокруг меня велись, я в одно ухо впускала, а в другое выпускала, и тем не менее наслушалась я достаточно, чтобы сейчас наконец меня осенило.

— Я так понимаю, - захлебывалась я от возбуждения, - что речь идет о каком-то жульничестве с радиоаппаратурой или вроде того. Скажем, тут шпионская афера с радиосвязью или грандиозная контрабанда новой аппаратуры - да мало ли что. Попробую вытянуть из них дополнительные сведения, распутать этот "клюмбок". Слушай, я в восторге!

— А я так скорей во сне, - индифферентно зевнула Янка. - В такую пору меня на восторги не тянет. Может, обсудим завтра?

— Завтра, к твоему сведению, уже наступило.

— Тогда попозже. Умоляю тебя, ложись спать. Могу поклясться, днем ты поумнееешь. Честное слово!

— Ладно, под твою ответственность. Прежде чем уснуть, я еще раз с триумфом проглядела свой список идиотизмов. Так и есть, не столь уж он глупый, тут немало слов, касающихся радиосвязи. Завтра надо еще пораскинуть умом.

С этого дня хандру мою как рукой сняло. Сыграло свою роль и счастливое стечение обстоятельств: во-первых, я разделалась с осточертевшей статьей, а во-вторых, поняла суть преступления. Ко мне вернулись наконец бодрость духа и радость жизни. Но больше всего взбодрил меня тот факт, что я, рядовая, законопослушная гражданка ПНР, сподобилась встрять в таинственные махинации радиофицированной банды. Почему именно я? Понятно еще, если бы сюда наложилась смена телефонных номеров, но ничего такого не имело места. Тогда в чем дело? С чего бы такая честь?

Я развернула методичную деятельность. Перво-наперво удалось поймать по телефону двух старых приятелей, работавших на Польском Радио в нужном мне отделе, и мои худосочные познания обрели плоть и кровь. К несчастью, они никак не проясняли информацию, которую любезно подбрасывали мне бандиты, их речи по-прежнему оставались для меня китайской грамотой. Что-то тут не вытанцовывалось.

Кому, спрашивается, понадобилось окружать такой тайной проверку радиоаппаратуры, да еще докладывать на тарабарщине лицам со стороны, названивая днем и ночью? И почему это называется операцией? Первым делом напрашивалась мысль о шпионской агентуре, действующей в коротковолновых диапазонах. Синхронизация на коротких волнах наверняка необходима. Ну хорошо, только с какой стати они цепляются ко мне?

Моя методичная деятельность постепенно накладывала на меня своеобразный отпечаток. В бюро уже озадаченно косились, когда я, разложив перед собой карту Варшавы, самозабвенно корпела над ней, пытаюсь разобраться в расположении районов.

Наконец дошло и до настоящего переполоха, когда на вопрос Януша, где запропастился план рельефной застройки, я ответила, что в районе сто первом, а потом рассеянно забормотала: "Взбрыкчать..., чихняя..."

— По-моему, ей пора брать отпуск, - с живым участием откликнулся Януш. - Она снова чем-то травмирована. Иоанна, а телефонный справочник тебе не нужен?

— Отстань, - огрызнулась я, уже безнадежно закоснев в своем безумии, периодически подпитываемом ночными телефонными звонками.

Пополнявшуюся информацию я бережно лелеяла, манипулируя ею в разговорах с такой ловкостью, что самое себя приводила в изумление. За прошедшие два дня я уже уверовала, что принадлежу к шайке, в которой что-то там такое не заладилось.

В последний день, ближе к вечеру, в трубке отозвался один из уже знакомых мне голосов - нервничал он гораздо больше, чем когда-либо прежде.

— Скорбут! - выкрикнул он, задыхаясь. - Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Да, слушаю.

— Что происходит, черт побери? Район сто один сгорел, сто два сгорел, того гляди живого места не останется. Они в курсе, что вчера был фальсификат А, целая серия. В не выходит на связь, в чем дело?

Откуда мне знать, в чем дело? Нашел у кого спрашивать! Я так расстроилась, что даже не пришлось прикидываться, насколько меня проняло.

— Докладывайте без нервов и по порядку, - строго сказала я и решила рискнуть наобум:

— Где аппаратура?

— Как где? Уже доставлена. Почему информация просачивается, добром это не кончится! Засветят нас, и вся работа коту под хвост!

Как бы разговорить его, что за работа и куда доставлена аппаратура? О чем бы еще спросить? Господи, благослови!

— Ну а милиция? - брякнула я вслепую.

— Милиция! - взвился мой собеседник. - Избави нас бог от милиции!

Ну ясно, так я и думала. А что теперь? Небось он ждет от меня объяснений и указаний. Дурацкая ситуация! Я мобилизовала всю свою изворотливость и все собранные по крохам знания.

— А как синхронизация?

— Да, чуть не забыл. Сигнал "брекекекс". "Брекекекс"! Ну и ну! Дальше некуда!

— А что дальше? - только и спросила я, растерявшись от обилия дикой ереси.

— Ничего, остается только ждать. На завтра проба с В-2 и В-3. Время будет известно в последнюю минуту, район тоже. Какой-то скот путает карты, узнать бы наконец, кто... Не хотел бы я оказаться в его шкуре!

— Порядок, - сказала я, хотя какой уж туг порядок... - жду сообщения

насчет срока. У вас все?

— Да. Рапорт сдан. Скорей бы навели ясность!

Мне и самой хотелось того же. В душе росла тревога - до меня наконец дошло, что поступающую ко мне информацию я должна передавать куда-то дальше. Я этого не делаю, отсюда и неразбериха. Не хватает только, чтобы они сориентировались, кто портит музыку. Стоит им справиться о моем телефоне в абонентной службе, и я за свою жизнь гроша ломаного не дам.

Не успела я прийти в себя после разговора и всяких "брекекексов", как телефон снова ожил.

— Алло, - неуверенно отозвалась я.

— Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Да.

— Скорбют. Прошу указаний! Вот так штука, этого еще не было! Какие бы ему дать указания?

— Я ведь не знаю, насколько вы в курсе дела, - сказала я, внезапно осененная. - Давать полную информацию меня не уполномочили.

— Понял. Что с районом сто два?

— Сгорел, - бодро доложила я, вспомнив предыдущий разговор.

— Черт подери! А серия В?

— Не отвечают, причина неизвестна. Завтра на очереди В-2 и В-3.

— Когда и где?

— Время и место будут указаны в последний момент.

— Ясно, благодарю. Передайте: А-Х действует, проверен, все в порядке. Сигнал тот же?

— "Брекекекс", - неуверенно выговорила я, положившись на волю случая. Черт его знает, об этом ли сигнале идет речь. Похоже, я угадала, поскольку мой собеседник тут же отключился.

А мне в очередной раз оставалось только руками развести. Что же это такое творится? Куда я, горемычная, встряла?! Меня, правда, всегда тянуло на всякие тайны и экзотику, но не до такой же степени! И не звонят же они для того, чтобы меня ублажить. Разобраться! Немедленно разобраться!

Я прочно засела дома, ожидая звонков и предаваясь мучительным размышлениям. Можно, конечно, приложить усилия и установить номер, с которого мне названивают. Но стоит ли игра свеч, ведь звонят из разных мест. Скорей всего, из таксофонов. Судя по звучанию, телефоны всякий раз другие. Это я у них постоянный диспетчер, а банда действует рассредоточенно. Нечего сказать, хорош диспетчер.

Следующий звонок был от подруги.

— Слушай, я тут кое-что припомнила, может, тебе сгодится.

— Ну?

— Однажды был ко мне странный звонок: в пятом часу позвонила междугородная, какой-то тип переспросил мой номер, а потом сказал: "В районе Кракова все спокойно".

— Что-что?

— "В районе Кракова все спокойно".

— И как это понимать?

— Откуда я знаю? Я чуть было не предложила, раз такое дело, устроить в районе Кракова крупную заварушку, да очень уж спать хотелось. А еще он спросил, не будет ли каких указаний.

— Говоришь, назвал твой номер?

— Точно мой, вот те крест. До сих пор ума не приложу, зачем он мне отрапортовался. Ну и как? Что-нибудь это тебе подсказывает?

— Да. Что телефонные недоразумения бывают почище любой фантастики.

— Мне-то подсказывает. Звонишь, например, по одному телефону, а подключается другой. Что-то там не срабатывает. Как это, ты говорила, называется?

— Определитель номера. Перескакивает.

— Вот-вот. Но ведь они называли твой номер, а тот, из Кракова, - мой. Тут другое. В моем случае ошиблись только раз, могли не правильно записать телефон, но ведь тебе названивает столько народу, они что, все как один записали не тот номер?

— погоди, погоди, дай соображу. Столько народу.., записали не тот номер... Не тот... Не тот?..

Снова у меня в голове зашевелилась мучительно неуловимая мысль казалось, вот-вот я поймаю ее за хвост, вот-вот она даст мне ключ к разгадке, к великому открытию. Невыносимое состояние!

— Нет, не получается. Видно, в логическом мышлении я полная бездарь. А ведь чувствую, попадись мне в руки эта ниточка, весь клубок размотаю.

— У меня другое чувство, - задумчиво сказала Янка. - Как только ты его разматываешь, тут-то и начнется содом и гоморра. Чует моя душа...

— Благоговейно склоняю голову перед твоей прозорливой душой...

Откровенно говоря, свою порабощенность тайной я переносила великолепно. Самочувствие мое улучшилось, депрессию как рукой сняло, я переживала подъем, благотворно сказавшийся и на остроте ума. К тому же участвовала я в телефонной афере не сердцем, а головой, вследствие чего

тешила себя мыслью, что я в полном рассудке и никаких глупостей не натворю.

Весь вечер царили тишь и покой, поэтому я заранее настроилась на то, что спать мне не дадут. И правда, ночью, в два часа, разбудили.

— Алло, Скорбу!...

— Да, слушаю.

— В-2 в порядке В-3 - на завтра. Район сто два не годится, больше подходит район сто три.

— Почему не годится? - заинтересовалась я, надеясь наконец узнать, где эти районы расположены.

— Там проезжают три поезда... Я тут же вознесла благодарение господу за серьезную подкованность в предмете и уверенно спросила:

— Создают возмущения?

— Да. Жаль, с подъездом будет неудобно.

— Какие-нибудь помехи? - снова рискнула я.

— Дорожные работы. Неизвестно, насколько затянутся. Завтра узнаем. Отбой.

Ага, значит, им мешают электромагнитные возмущения. Все говорит за то, что они проводят какие-то испытания. А раз смертельно боятся милиции, стало быть, испытания нелегальные... Украли какое-нибудь оборудование с Польского Радио? Надо будет узнать, не пропало ли там чего...

Вернувшись с работы, я сразу позвонила своим друзьям на радио.

— Точно, пропала запись с Эрфой Китт. А почему ты спрашиваешь?

— Да так. Меня интересуют экстраординарные пропажи.

— Таких вроде не было. Во всяком случае, я не слышал.

Оставалось выяснить, в каком районе проезжают один за другим три поезда, причем после двадцати трех часов, поскольку операции у них назначаются, как правило, на это время. Я утащила из сейфа у главного бухгалтера железнодорожное расписание и наутро за завтраком стала его изучать. Никогда еще я так долго и так тщательно не пережевывала пищу, зато результаты получились потрясающие. Я отыскала место под Варшавой, где действительно в течение двух часов проезжают три состава. Теперь у меня на очереди была пища для размышлений... Надо при первом же звонке разузнать, где находится район сто три, а потом произвести разведку на местности, может, там все и выясню...** Всю вторую половину дня я прождала звонка. Отвергла приглашение на бридж, не пошла к парикмахеру, не купила себе хлеба, порешив лучше помереть с голоду, чем упустить хоть крупицу информации. Как репей за собачий хвост, цеплялась

я за ниспосланное мне судьбой приключение. Телефон зазвонил в полдесятого.

— Алло, - в нетерпении откликнулась я, всеми фибрами души настроенная на Скорбута.

— Иоанна? Как поживаешь, это Януш... Сначала мне показалось, что дело дошло до слуховых галлюцинаций. Потом несчастное мое сердце забилося в грудной клетке как безумное, потом мне стало дурно, потом наконец я смогла подать голос.

— Невероятно, - прощебетала я и высшей степени беззаботно и доброжелательно. - Ты снова в Варшаве?

— Ну да. Хочу извиниться за неожиданный отъезд...

— Это ужасно...

— Что именно?

— Что ты извиняешься Я уж было рассчитывала, что смогу бесповоротно на тебя обидеться.

— Надеюсь, ты этого не сделаешь? Сама знаешь, какая у меня работа иной раз срывается с места, не успев перевести дух.

Не ожидала я от себя, что после всего пережитого и вроде отболевшего так вдруг расчувствуюсь. Хватило одной секунды, чтобы мои нынешние тревожнения, моя страсть к тайнам, к разным авантюрам лопнула как мыльный пузырь. Все это натужное, напускное - лишь бы унять боль от занозы, застрявшей глубоко в сердце. Жизнь моя стала невыносимо пустой, вот я и пытаюсь заполнить ее случайной дребеденью. Милостивая судьба подкинула мне какой-то Скорбут, чтобы я забыла про свою беду. Но вот объявился Януш, и беду как рукой сняло...

А потом я внезапно осознала смысл того, что он говорит. Как же так? Уже неделю в Варшаве? И только сегодня обо мне вспомнил?

Возликовавшую душу словно холодной водой окатило, я даже заподозрила, что объявился он ради несчастных пятисот злотых, которые я у него заняла в ту безумную ночь...

— Что, деньги понадобились? - мрачно перебила я его.

— Ты о чем? Прости, не понял...

— Я спрашиваю, тебе прямо сейчас отдать те полтыщи?

— Какие полтыщи?

— Те, что я тебе задолжала три недели назад - Задолжала? Серьезно? Приятно слышать.

— Я так понимаю, что надо вернуть. Когда и где?

— погоди, дай подумать. Времени, как всегда, в обрез...

Условились мы ко взаимному удовлетворению. Завтра он будет ждать

делового звонка у себя в гостинице, и наши общие финансовые дела, учитывая данное обстоятельство, ему удобней уладить там же, при личной встрече...

А потом снова позвонили.

— Алло, Скорбут...

Да провались ты, постылый Скорбут! Какое мне дело, где находятся проклятые районы - хоть на Северном полюсе, хоть в столичном Дворце культуры! Всякие шайки прохвостов, бандитов и прочих злодеев теперь меня интересуют как прошлогодний снег. Единственный объект моих интересов только что положил трубку на другом конце провода, в гостинице "Варшава".

Со смертельной скукой выслушала я известие о том, что испытания В-3 временно отложены. Все мои помыслы и надежды были направлены на другое. Завтра я полечу в гостиницу, отнесу ему спасительные, благословенные полтыщи золотых...

Благословенные полтыщи предстояло еще где-то раздобыть: отдай я свои собственные, пришлось бы до конца месяца положить зубы на полку. Стрельнуть такую сумму за пять дней до получки - дело гиблое. В родном коллективе мои поползновения получили решительный отпор: кто стучал пальцем по лбу, кто раздражался издевательским смехом. Меня это не подкосило, особых иллюзий я не питала. Телефонные переговоры принесли такой же результат, как и непосредственные, то есть нулевой. Короче говоря, я истратила массу усилий, приближая момент, который окончательно сделает мою жизнь несчастной, лишит последней надежды...

Все это время я изо всех сил отгоняла от себя горестные мысли. Ведь и слепому ясно, что мой интерес к нему не идет ни в какое сравнение с его интересом ко мне. Он видит во мне не лишенную обаяния знакомую, с которой дружи хоть всю жизнь: и на люди с ней покачаться не стыдно, и не соскучишься - при ее-то экстравагантных завихрениях! И ничего больше. А что вижу в нем я?.. Нет слов!..

Я шла на встречу, напичкав себя строжайшими инструкциями. Наказала себе держаться по-товарищески тепло, но соблюдать при этом достоинство и легкую светскую дистанцию. Поднялась лифтом на четвертый этаж, постучала. Он встал из-за стола, за которым что-то писал, и встретил меня с радостной улыбкой в голубых своих глазах.

При виде этой улыбки все внутри у меня перевернулось и благие намерения развеялись как дым. Утраченные надежды, бывшее счастье и нынешние муки безрассудным словесным потоком хлынули из моей души, и без того ослабленной всяческими экзотическими событиями, - короче, я

напрочь потеряла самообладание.

Я понимала, что веду себя скандально, что откровения мои самоубийственны и лишают меня последнего шанса, который, возможно, еще сохранялся, - словом, поступаю как круглая идиотка, но мне уже было на все наплевать. Нет, в истерике я не билась, выдержала свой мелодраматический монолог на безукоризненно сдержанной светской интонации, тщательно следя за корректностью формы. Форма-то была в порядке, а вот содержание... Его лицо менялось на глазах, во взгляде появилось недоумение, если не оторопь.

— Иоанна, - тихо проговорил он, - что ты несешь, опомнись - Не опомнюсь. Мне уже все равно. Я пыталась выбросить тебя из головы, делала что только могла, и все без толку. Даже с другим тебя старалась забыть, но в самые интимные минуты, закрыв глаза, видела твое лицо. И с открытыми тоже...

Ситуация, конечно, сложилась неординарная. Мы сидели друг против друга, он на стуле, я в кресле, и спокойным, легким тоном говорили такие вещи, от которых, казалось, должны содрогнуться небеса. Говорила, собственно, я, а он с неописуемым тактом прикидывался, что мне не верит...

Дамская глупость не знает границ, и все же есть последняя черта, которую дама никогда не переступит, если не хочет поставить крест на собственной чести и достоинстве. Дальше остается либо победить, либо погибнуть. Я свой Рубикон перешла, положив погибнуть.

— Позволь задать еще один неделикатный вопрос, - сказала я с дружеской заинтересованностью. - Есть у тебя женщина, к которой ты неравнодушен?

На лице его явственно читалось, что ему сильно не по себе и, будь его воля, он бы от ответа ушел. Но со мной в прятки не поиграешь, он меня изучил достаточно, чтобы даже не пытаться.

— Как сказать... - захлопал он простодушными своими очами. - Пожалуй что есть...

Отчаянным усилием я взяла себя в руки, решив испить чашу до дна.

— И давно это у вас тянется?

— Тянется!.. Слово-то какое! Месяца полтора, как ты изволила выразиться, гм..., тянется.

— Как жевательная резинка, - брякнула я.

Понимала, что несу совсем уж непотребную галиматью, но остановиться не могла. - Надеюсь, до женитьбы у вас не дойдет?

— Я тоже надеюсь...

— В таком случае мог бы меня и поблагодарить: я тут компрометирую себя - и при этом щажу твою деликатность, а ведь могла скандал заткнуть, в истерике биться...

— Премного благодарен! Должен признаться, ни с кем в жизни у меня не было таких разговоров, как с тобой. После каждой нашей беседы как минимум неделю приходишь в себя...

Я предоставила ему возможность приходить в себя и спустилась на лифте в брентную юдоль. В кармане у меня оставалось всего восемьдесят семь злотых и двадцать грошей, не хватит до конца месяца даже на такси. Вопрос насчет куска хлеба отпадал сам собой, теперь не до еды. Сигаретами я запаслась, чаем тоже... Ну что ж, придется возвращаться на своих двоих.

Дома я устроилась с ногами на диване, обложившись подушками.

Вообще-то после всего, что случилось, речной милиции уже следовало выловить из Вислы мой труп, ведь никаких причин жить дальше у меня не имелось. Роман у него тянется., полтора месяца., женщина с не очень интеллигентным голосом... Да ну его, пусть тянется хоть до самой смерти! А я-то, подумать только, я-то, дуреха, еще надеялась...

Зазвонил телефон. Я нехотя потянулась за трубкой.

— Алло, Скорбут...

— Надоело, - убитым тоном протянула я. - Мне это уже осточертело...

— Всем осточертело. - гневно отрезал голос в трубке. - Удивляюсь, как они еще держатся. Из дня в день, из ночи в ночь бесконечная конспирация, не знаешь, кто тебе враг, кто друг. Тут нужно адское терпение! Плюс эти проклятые гонки...

— Мне уже все равно...

— Не деморализуйте людей! Небось нам тяжелей придется! В-3, скорей всего, завтра, в районе сто три. Надо будет еще сверить время...

Гонки в районе сто три? Да пускай, мне-то какая разница. Тут бы с собой разобраться, со своей идиотской выходкой - что со мной стряслось, приступ мазохизма, что ли? Как теперь жить? Господи, до чего же я не люблю быть несчастной, сил моих больше нет!

И я взбунтовалась. Не буду несчастной, и все тут! Хватит. Пора кончать со страданиями, глупыми трагедиями и гротескными страстями. С сегодняшнего дня ставлю на всякой лирике крест! Никаких надежд, никаких иллюзий, клин клином, и баста! Боже милостивый, немедленно ниспошли мне клин!

Тут я вспомнила тот свой "клин" и почувствовала, как меня захлестывает лютая ненависть к человеку, с которого все и началось,

который не спас меня от сердечной травмы, да еще и сыграл надо мной злую шутку. И после всех своих злодеяний, оставив меня в дураках, дематериализовался - не иначе как убоявшись моей мести. О, лютая ненависть - вот что мне надо, вернейшее средство для поднятия духа!..

Я закурила сигарету и, силой благотворного чувства возвратясь к жизни, погрузилась в тягостные воспоминания...

Хоть и отброшенная за грань нищеты, я все-таки взяла такси, чтобы съездить на Волю в Народный совет. Не было ни времени, ни настроения связываться с коммунальным транспортом. В результате ночных бдений я приняла на вооружение подлую и низменную жизненную программу буду роковой и неотразимой, буду разбивать сердца кому ни попадя, в первую очередь некоторым взятым на заметку субъектам. У меня разбилось, вот и им поразбиваю вдребезги.

Я сидела рядом с таксистом, мысленно потирая в злорадстве руки. В голове у меня клубились замыслы один кровожадней другого. Мы еще повоюем!

У скрещения Свентокшиской с Новым Святом мелькнула на переходе долговязая мужская фигура. Темные волосы, знакомый силуэт... Шел он с женщиной, и я невольно подумала, что теперь-то уж присмотрюсь к дамочке, с которой некогда мы были вроде как соперницы. Я уставилась на нее - и глазам своим не поверила. Возраст, наряд, внешность - все наперекор, все не совпадало с моими ожиданиями. Как же так, этот человек, насколько мне известно, водится лишь с дамами из высших кругов, что это с ним, с кем он идет по улице?

Я перевела взгляд на спутника. Мы как раз поравнялись, и я разглядела его лицо Господи, спаси и помилуй!..

Увиденное до того меня ошарашило, что парализовало все рефлексy. Я превратилась в соляной столп - даже шею не сумела повернуть, чтобы оглянуться вослед человеку, в существование которого уже перестала верить. На этот раз об ошибке не могло быть и речи. Это он, его лицо, оно мне навсегда врезалось в память - таким, каким я видела его в тот драматический вечер, в свете интимного полумрака! Нарочно не придумаешь - попался на глаза в самый подходящий момент. Надо сказать, способность изумляться, говорить и шевелиться вернулась ко мне лишь на Свентокшиской, после сложного поворота влево. Способность рассуждать запоздала еще больше, какое-то время я сидела в полном трансе, потом взвизгнула:

— Заворачивайте назад! - И тут же, вспомнив о безденежье, дала

отбой:

— Нет, остановитесь!

А чего останавливаться, не мчаться же за ним на своих двоих...

— Нет, езжайте!

Что делать? Ехать наперерез?

— Сверните влево, в первую же улицу! Быстрее!

Опять не то, ничего это не даст, доеду до Варецкой, там есть полоса с обратным движением...

— Погодите, не сворачивайте!

— Вы бы, мадам, решили, чего вам нужно, - занервничал водитель, которому надоело тормозить, давать газ, переключать свет, подчиняясь моим прихотливым командам. - Вон уж и постовой на нас глазом стреляет.

Плохо дело, уйдет он от меня... Ну же, шевели мозгами!

Увы, отсутствие наличности шевелению мозгами явно не способствовало.

— А, езжайте, - махнула я рукой в бессильной ярости. - Чтоб мне провалиться...

— Куда?

— Как куда? На Волю...

С равным успехом можно было направить его в Китай или преисподнюю, конечная цель меня уже не интересовала. Теперь все мои помыслы занимал только этот человек. Как же так, значит, он жив, существует, ходит себе по земле как ни в чем не бывало! А я уже совсем разуверилась, бросила поиски! Ах ты, курицын сын!

Перед глазами молниеносно пронеслись все события, случившиеся с того момента, как я услышала по телефону чарующе красивый голос, и меня охватило дикое бешенство. Ненависть, еще вчера вспыхнувшая в моей душе, запылала неукротимым пламенем. Нет сомнений, он всему виной, и он мне еще ответит и за глупую мою выходку в отеле "Варшава", и за разбитое сердце. Втянул в идиотскую игру, постоянно оставляет в дураках, а я, как одурманенная, не могу выйти из навязанной мне роли? Знаю почему! Единственный выход отыскать его, и я найду, пусть бы пришлось положить на это всю жизнь! Из-за него я запятнала свою честь, теперь вопрос стоит ребром: смыть позор мстью - или умереть!

Я, конечно, понимала, что при виде этого человека мне сразу отказал здравый смысл, но взять себя в руки уже не могла. Кровь из носу, а отыщу. Предыдущий опыт подсказывал, что никакие разумные способы тут не срабатывают, ну что ж, вооружусь неразумными. Буду выпрашивать о нем каждого встречного, буду названивать чужим людям, всем подряд, по

телефонному справочнику, кто-то ведь должен, черт подери, его знать! Заведу знакомство со всеми столичными таксистами, с билетерами в кинотеатрах, обойду всех участковых милиционеров!.. Под землей разыщу, не сейчас, так через год, через десять лет! А уж как найду, пусть тогда уповаешь на одного господ бога!

В Нарсовате на меня бросали странные взгляды, но мне было плевать. Мне уже на все было плевать. Возвращаясь на работу, я успела многое передумать. По всему получалось, что я попала в какой-то порочный круг. Не страдала бы я тогда от любви - не состоялось бы наше знакомство. Не протянись от этого знакомства цепочка диких событий, которые выбили меня из колеи, - я бы не сорвалась тогда в отеле. А если бы я так по-идиотски не сорвалась, то не впала бы в слепую ненависть, не вынашивала бы с такой одержимостью планы возмездия. А тут еще дернула нелегкая напороться на него в самый неподходящий момент, когда я прямо-таки исходила отчаянием и злостью. Налицо фатальная связь, а против рока не попрешь!

Вломившись к себе в бюро на точке кипения, я незамедлительно приступила к реализации своих кровожадных устремлений. Все остальное, равно как и служебные обязанности, отошло на задний план. Януш и Весе, оторвавшись от своих трудов, уставились на меня с нескрываемым изумлением. Вошел главный инженер лаборатории, о чем-то со мной заговорил и, не дождавшись ответной реакции, обменялся с коллегами ироническим взглядом, постучав пальцем по лбу. Главного инженера сменил начальник лаборатории, что-то спросил у глазающего на меня Весе и тоже обернулся в мою сторону.

— Она что, с ума сошла? - спросил он с тревогой.

— Оставьте ее, - вступился Януш, с интересом наблюдавший за моими действиями. - Ничего, пройдет, у нее сегодня плохой день. С женщинами бывает...

А я сидела за телефонным столиком, набирала номер за номером, ругаясь последними словами, когда связь не срабатывала, и всем на проводе задавала один и тот же вопрос:

— Ежи? Слушай, может, ты знаешь или слышал об одном типе, приметы у него такие... Нет? Подумай как следует, припомни...

— Ирена? Слушай, может, ты знаешь, или слышала, или видела...

— Сташек? Слушай, может, ты видел человека с примечательной внешностью...

На одиннадцатом звонке Януш сломался:

— Нет, больше не выдержу, или она уймется, или я за себя не ручаюсь.

Иоанна, тебе надо лечиться!

— Ищи! - рявкнула я ему. - Ищи этого субчика! Обзвони всех своих знакомых или дай мне их телефоны, сама обзвоню. А приставать ко мне не советую, я сейчас опасна для окружающих!

— Совсем дошла, - вздохнул Януш. - Погоди, ты меня заинтриговала. Как же так, столько обзвонила - и никто не знает?

Он решительным жестом потеснил меня в сторону и сам засел за телефон.

— Лешек! Привет, слушай, ты случайно не знаешь одного субъекта...

Весе корчился на своем стуле в приступе смеха. Я дамокловым мечом висела над Янушем, подгоняя его и осыпая проклятиями, если он переходил на светский треп. Януш послушно закруглялся и набирал очередной номер. Так мы обзвонили бы весь город, если бы коммутатор к концу рабочего дня не отключился.

Вернувшись домой, я снова повисла на проводе. В десять вечера контингент знакомых, имеющих телефон и оказавшихся дома, был исчерпан. Трое из них знали бывшую мою жертву, но двух одинаковых не знал никто!

В одиннадцать я решила перейти на правительственные номера, включая Циранкевича. Как раз в тот момент, когда я раздумывала, который из государственных объектов взять под прицельный огонь, Совет Министров или Генштаб, зазвонил телефон.

— Алло...

— Это Скорбут...

Нет, я уж точно свихнусь. Не многовато ли на мою бедную голову? Я добросовестно пыталась переключиться с одной темы на другую, тем более что интерес к невольным моим собратьям-бандитам во мне не угас. Лихорадочно восстанавливая в памяти последние сведения, я искала глазами листок, на который заносила все рапорты по мере поступления. Листок куда-то черти подевали. Тяжело вздохнув, я решила довериться памяти.

— Да, слушаю...

— Район сто три в полной готовности. Время ездки - одиннадцать минут от городской черты. Быстрее не удастся...

— Дорожные работы? - со знанием дела уточнила я.

— Да, на четырнадцатом километре. Срок еще не установлен.

— Минутку, - сказала я. - За сколько времени можно доехать от района сто к сто третьему?

— Без задержек?

— Да.

В трубке озадаченно молчали. Сердце у меня беспокойно забилося. Вдруг я сморозила какую-нибудь глупость?

— Дороги скверные. Средняя скорость не превысит сорока. В час можно уложиться.

— И то хорошо, - одобрила я, узнав, что требуется; теперь пусть себе отключается. Но он, вопреки ожиданиям, со вздохом разоткровенничался:

— Еще только В-3, а там последняя общая проверка - и на покой.

"Упаси боже, - подумала я. - Управятся с делишками - и поминай как звали. А я не успею с ними разобраться..."

Закончив разговор, я решила пока пренебречь правительственными структурами и бросилась к карте. По дороге смела на пол стакан и даже не убрала осколки, не до того.

За час... Сорок километров объездом от места, где проходят три состава. Одиннадцать минут от городской черты... Я достала циркуль, ухитрившись рассыпать прочие чертежные принадлежности. Призвав на помощь все свои познания в области транспортных коммуникаций, я произвела в жуткой спешке сложные математические расчеты. Через пятнадцать минут на карте вырисовался под моей рукой красный круг, - на который я взирала с глубоким удовлетворением. Вот он где, район сто три! Я так гордилась своим открытием, как будто покоренная тайна уже лежала у моих ног.

В приливе вдохновения я перебирала один вариант за другим. Все эти "клюмбоки" и "вейники" как бог свят означают проверку радиосвязи. По некой причине они проверяют ее именно так, отказавшись от солидных научных методов, но дальше сообразительность моя буксовала, поскольку причину эту я не знала, а в специфически научных методах на разбиралась. Ясно лишь, что речь идет о проверке. Зато их пристрастие к ночным часам в сочетании с помехами в виде поездов кое-что подсказывало. В принципе помех следует избегать при любых акустических испытаниях, а раз так, значит, речь идет о воздействии помех на работу аппаратуры?

Можно ли радиоаппаратуру использовать для других целей - кроме традиционных? И для каких именно? Если копнуть поглубже, то там все так сложно, что сам черт ногу сломит, - радиоволны, ультразвук и прочая китайская грамота. С помощью ультразвука можно стирать белье, что уж говорить о радиоволнах? Небось тоже горазды на многое...

В приливе еще большего вдохновения я здраво рассудила, что любой радиоинженер, доведись ему прочитать мои мысли и гениальные выводы, живот надорвал бы со смеху. Ладно, пускай надрывает, мне не жалко, лишь

бы посоветовал что-нибудь путное, специалист сразу зрит в корень.

Посмотреть на часы мне даже в голову не пришло. С пылу с жару я набрала номер одного из приятелей.

— Как дела? - выпалила я и сразу перешла к сути. - Мне надо проконсультироваться с тобой по профессиональным делам.

— Твоим или моим?

— Твоим, разумеется. В своих я, смею надеяться, кое-что смыслю.

— Боюсь, ничего толкового ты от меня не услышишь. Я в такую пору не совсем в форме...

— Ты что, спал? - забеспокоилась я, только сейчас вспомнив о времени.

— Нет, просто минуту назад вернулся с работы. Чертовски, понимаешь, устал.

— Постараюсь сократить свой допрос до минимума. Скажи мне одно: для чего, помимо прямого назначения, можно использовать все ваше оборудование?

— Не понял. Какое оборудование?

— Ну то, у которого на одном конце микрофон, на другом - радио, а посередине масса всяких сложных штуквин.

— Как это - для чего?

— Для каких целей, кроме непосредственного назначения?

В трубке растерянно помолчали.

— Нельзя ли объяснить попроще, чего тебе надо? А то я не возьму в толк.

— Хорошо, объясню на примере. Если ты у меня спросишь, для чего можно использовать цементный раствор, я тебе отвечу так: можно заткнуть им кому-нибудь рот, можно нарезать его на тарелке ломтиками - на определенной стадии затвердевания, причем я даже знаю, через сколько часов такая стадия наступит. Я знаю очень много. И наверняка ты о своей радиоаппаратуре не меньше.

— Ах, вот в чем дело... Тогда, конечно, могу тебя просветить. Можно, например, скинуть ее кому-нибудь на голову, килограмма два в ней уж точно будет, можно натянуть всякие провода и сушить на них пеленки. Проводов там хватает.

— Что ты мелешь, опомнись! На головы можно бросать и горшки с цветами! Меня интересуют специфические возможности такой машинерии.

— Можешь по радио от души кому-нибудь насолить...

Наконец я не выдержала. Вопреки первоначальным намерениям рассказала о таинственных звонках - в общих словах и самый необходимый

минимум. Афера и без того была непонятной, а в моем сокращении стала невразумительной до абсурда.

— ..что бы ты на моем месте им сказал?..

— Послал бы куда подальше, тем более в три часа ночи.

— Ты, конечно, послал бы. Прошу тебя, посоветуй, что им для затравки разговора подкинуть, чтобы и себя не выдать, и их разговорить...

— Хорошо, дам тебе безотказный совет. Неси всякую чушь. Например: игрек, игрек, пять. А дробь ноль двадцать.

— Не валяй дурака, говори серьезно...

— В такое-то время?

— Сейчас я смилуюсь и отпущу тебя спать, но сначала выдай мне совет.

— Точно отпустишь?

— Клянусь!

В трубке какое-то время раздумывали.

Сейчас или никогда, шестое чувство подсказало мне, что от усталости он стал податлив как воск и я вот-вот услышу от него то, что надо.

Я ждала в напряжении.

— Так вот, - отозвался он, сдаваясь. - Тут недавно брали во временное пользование мои усилители...

— Твои уникальные усилители? Те самые, каких нигде больше нет? Кто?!

— Ведомство, о котором по телефону не распространяются...

— То, что заказывало вам измерения?

— Родственное. Скажу тебе лишь одно: во всей Польше имеется единственный человек, который владеет интересующей тебя информацией.

Дальше можно было не говорить. Я уже и сама знала, какой человек мне нужен. И как я не сообразила в ту самую минуту, когда слышала идиотские, бессмысленные слова, каких в польском языке и в помине нет? Хотя какая разница, я знала этого человека настолько, чтобы не строить себе иллюзий: ничегошеньки он мне не скажет.

Положив трубку, я почувствовала, что вся вибрирую, как конь на старте.

Внутренний голос настоятельно советовал мне расписаться в книге приходов и уходов и немедленно улизнуть с работы. Пришлось ему подчиниться. В отчаянной решимости двинулась я к тому дому, по ступенькам которого безнаказанно разгуливал объект моих кровожадных поползновений. Изучив список жильцов, я обнаружила в нем трех

разнофамильных Янушей, вошла на третий этаж и стала ревизовать квартиры. Не церемонясь и даже не удосужившись придумать правдоподобный повод для своих изысканий на местности, я бормотала ради приличия первое пришедшее в голову объяснение о портнихе, адрес которой мне указали не правильно, после чего, бегло оглядев хозяина через порог, на продолжении визига не настаивала. Подозрительные мины меня не смущали. Прочесав таким манером весь дом снизу доверху и тупо постояв перед заколоченным чердаком, я вернулась несолоно хлебавши на работу. Результат оказался нулевой - ни положительный, ни отрицательный, - учитывая тот факт, что в нескольких квартирах мне не открыли.

Владевшая мною ярость мыслительному процессу не способствовала. Я сидела за столом и перебирала планы один глупее другого, к счастью все невыполнимые.

Зазвонил телефон, и Януш молча протянул мне трубку.

— Это ты? - нервно прокричала мне в ухо любимая подруга. - Слушай, он только что вошел в мужской туалет на Варецкой!

Сенсационная новость подействовала на меня как шпора на резвого скакуна. Я взвилась с места, порываясь к немедленным действиям.

— Давно вошел?

— Пять минут назад! Я все смотрела на часы и чуть от злости не лопнула, коммутатор не отвечал.

— Откуда ты звонишь?

— Верх сшит безобразно, - вдруг ни с того ни с сего заявила она мне в ответ, чем на какое-то мгновение совершенно меня деморализовала. Что это с ней, неужто сбрендила, нашла же время!

— Приди в себя, ну хоть ненадолго! Какой верх? Ты где?

— Да нет, переделать нельзя.

Сначала у меня пронеслось в голове, что ничего не остается, как устроиться на стреме у первого попавшегося на Варецкой туалета, потом - что какое-то божество, заведующее телефонами, ко мне немилостиво, а потом я наконец сообразила!

— Постой, я догадалась! Не можешь говорить?

— Вот-вот, шевели мозгами!

— Зачем? А, понятно, попробую угадать. Кто-то слушает?

— Верно. Так сказать, притча во языцах.

— Что?! Он?.. Тот самый, стоит рядом?!

— Ага.

— Силы небесные! Нет, я не переживу!.. В каком ты месте, черт тебя подери! Жди, я мигом. Туалет на Варецкой... Далеко ты не отошла, где там

телефоны?.. Раз он слышит, будка отпадает, в магазине автоматов нету... В Институте международных дел?!

— Точно.

— А что он там делает?

— Ждет... Ждет, когда я принесу подкладку...

— Какую подкладку, не морочь голову! Чего он ждет? Или кого?

— Меня, из-за меня.

— Из-за тебя... Собирается звонить? Автомат в холле?

— Вот именно.

— Тогда слушай! Я бросаю трубку, а ты болтай дальше, неси всякий вздор, задержи его! Бегу!

Я выскочила из бюро в чем была и уже через десять минут столкнулась в дверях Института международных дел с Янкой.

— Ну? Где он?

— Ехала бы дальше! С тем же успехом можно на четвереньках добраться, задом наперед!

— Идиотка! Трудно было задержать?

— Как? Стать грудью в дверях и крикнуть:

"Только через мой труп!"?

— Как угодно! Подставить ногу, грохнуться в обморок! Иначе я не опознаю его личность до скончания века!

— И незачем, я и так уверена, что это он. Успокойся, не такая уж я тупица. Болтала-болтала, потом испугалась, что он потеряет терпение и уйдет, - у мужиков ведь от бабьего трепа быстро уши вянут. Дай, думаю, уступлю ему место и намотаю на ус, о чем он будет говорить...

— И о чем он говорил?

— Да ни о чем особенном. Спросил: "Ну и как?" Потом сказал: "Плохо дело". Потом послушал и сказал: "Тогда жду известий" - и положил трубку.

Я смотрела на ужасно довольную собой Янку и боролась с желанием немедленно ее удушить. Вольно же столько лет не замечать, что вожусь с недоразвитой кретинкой!

— Преклоняюсь перед твоей мудростью, - ядовито процедила я. Сенсационные, бесценные сведения! Курица безмозглая.

— Ничего ты не понимаешь, я гений! Подсмотрела, какие цифры он набирал, и только одну проглядела, остальные даже записаны. Вот номер...

В мгновение ока я отказалась от всех поклепов, возведенных мною на умнейшую, гениальную, любимую мою подругу. Я схватила клочок бумаги как величайшую драгоценность и уставилась в него, не веря своему счастью. Уж если и теперь не разыщу его, с таким-то подспорьем, значит,

зря только, бездарь, небо копчу!

— Так все же семь или восемь? - возбужденно спросила я.

— Точно не скажу, может, и шесть. Ах, какой у него голос!

— Ты заметила? А что он делал дальше?

— Пошел на стоянку, сел в старый "форд" и укатил, перед самым твоим появлением. Картинно так развернулся...

— Номер не разглядела?

— Откуда? Слишком далеко. А бежать за ним побоялась, и без того он зверски косился, небось хотел меня растерзать.

— Ничего странного, ты ему кажешься подозрительной.

— Скорее недоразвитой. Еще бы, столько трепалась про свою обновку, такое разрисовала уродство, что, будь это правда, не надела бы ни за какие деньги. Куда теперь?

— Не знаю. Продрогла я как собака. День выдался холодный, а я в спешке выскочила без пальто. Зубы уже отбивали дробь, мешая сосредоточиться. Впрочем, после такого успеха не грех и паузу сделать, разойтись по своим рабочим местам на заслуженный отдых.

И работа, и отдых оказались по возвращении несбыточной утопией. Сосредоточиться на проекте фундамента мне не удалось, рассудок изнемогал от избытка тайн и повелевал думать совсем о другом, причем на две темы сразу.** Вернувшись домой, я немедленно засела за телефон. По здравом рассуждении начала со справочного бюро, хотя сперва ухватилась было за телефонный справочник, наладясь проштудировать его от корки до корки. Видно, привычка уже брала свое.

Два из трех возможных телефонов были закрыты, что и следовало ожидать. Зато третий номер поверг меня в изумление. Третий принадлежал человеку, о котором я знала, что он доводится близким приятелем бывшей моей жертвы!

Я даже не успела озадачиться новым зигзагом событий, как позвонила Янка.

— Слушай, я со сна пропустила тогда твой рассказ мимо ушей, а теперь все думаю. Зачем нужны эти идиотские слова..., как, говоришь, они называются?

— Логатомы. Не морочь мне голову, я тут такую странную штуку открыла...

— Может, случайность? - неуверенно предположила Янка, выслушав отчет о моем открытии.

— Не слишком ли много случайностей? Отчего-то они вокруг меня прямо кишмя кишат. Чует мое сердце, неспроста...

Мы попытались перевести язык чутья на язык разума, но последнего у обеих оказалось маловато. После бесплодных усилий Янка вернулась к беспокоившей ее теме.

— Будь человеком, объясни на милость, почему они не пользуются нормальными словами?

— Потому что речь идет о проверке слышимости, ясно? Знакомые слова слушатель может не расслышать, а просто угадать, сам того не осознавая. Если тебе говорят "водопад", ты так и так знаешь, что на конце "д", а не "т", а какое слово ты на самом деле услышала, установить невозможно. А если скажут "вейник", фига два догадаешься. Как услышишь, так и запишешь...

— А если выговаривают невразумительно? Тогда вообще ничего не поймешь.

— Все предусмотрено, текст внятно зачитывается диктором с безупречной дикцией... Диктор с безупречной дикцией!.. Я буквально онемела. Великий боже! ЧТО это значит?! Я ведь знаю, могу поклясться, надо только собраться с мыслями... Приятель бывшей моей жертвы?..

Диктор с безупречной дикцией... В голове у меня все смешалось. Ясно одно: завеса с тайны вот-вот упадет. Меня водили за нос? Месть бывшей жертвы? Который из них звонил из института? Как бы все-таки свести концы с концами... Ну, соображай...

— Хватит болтать, - решительно заявила я, - и без тебя голова пухнет. Надо к делу переходить, не то совсем свихнусь.

Подруга вошла в мое положение и послушно отключилась. А я, скрежеща зубами, стала накручивать все три номера подряд, не задумываясь, что скажу, если на другом конце отзовутся.

Возобновляла попытки каждые четверть часа, пока в одном из антрактов ко мне не пробились.

— Скорбунт, - сказал усталый голос. - В-З действует. Кукурукуку дает импульсы.

— А как логатомы? - быстро подкинула я нужную тему. В последнее время я на этом деле собаку съела, добывала крупницы сведений, проявляя чудеса изворотливости.

— Почти сто процентов попадания на всех каналах. Можно приступать к программированию...

— На местности? - дерзнула я снова.

— Ну ясно. Срок еще не установлен, надо соблюсти все предосторожности. Отбой, конец связи.

Безобразие, какого черта они так быстро отключаются? Разберись

попробуй в таких условиях, над чем они там колдуют. В рассеянности я упорно набирала молчавшие номера. И вдруг один отозвался.

В первую минуту я не сообразила, который из трех проявил признаки жизни. Назвала наугад фамилию приятеля моей жертвы.

— Да, слушаю вас.

— Не откажите в любезности, - вдохновенно выпалила я первое, что пришло на ум, - передайте, пожалуйста, сердечный мой привет вашему другу.

— А кто говорит?

— Шантажистка, - учтиво представилась я, не найдя другого способа коротко и четко отрекомендоваться.

— Простите? Не понял...

— Шантажистка, говорю...

— Погодите... Сейчас соображу... Вы имеете в виду историю, случившуюся пару недель назад?

Я слышал о какой-то женщине, которая вела с моим другом телефонные баталии...

— Вот-вот, она самая.

— Вы его шантажировали? Чем?

— Честное слово, не имею понятия. Живу в ожидании обещанного возмездия, и правду сказать, неизвестность меня очень угнетает. Хотелось бы знать, мщение все еще актуально или уже отменено? Надеюсь что-нибудь услышать от вас.

— А почему от меня?!

— Ну как же! Ведь последний раз ваш друг общался со мной, так сказать, вашими устами!

— Почему моими устами?

— Вот уж не знаю. Спросите у него сами.

— Погодите, дайте сосредоточусь... Ни с кем он моими устами не общался! Ничего не понимаю!

— То есть как? - удивилась я, правда, больше из приличия, поскольку наш оригинальный разговор ни в какое сравнение не шел со всяческими другими превратностями, выпавшими на мою долю по телефону. - Ведь это вы мне звонили, предрекая леденящие кровь сюрпризы. Вот я и решила узнать, на какой стадии у вас акция возмездия.

— Что еще за возмездие? Уверяю вас, я краем уха слышал о скандале, но никогда вам не звонил и ничего о вас не знаю!

— Какая жалость, - вздохнула я, уже и сама убедившись, что голос этого человека мне незнаком. - Тогда, может, вы хоть скажете, кто вам

звонил в первом часу? Ваш друг? Или человек, невероятно на него похожий?

— Во-первых, о звонке понятия не имею, только сейчас вернулся в Варшаву. Во-вторых, приятеля моего тоже не было, мы ездили вместе.

А в-третьих, людей, невероятно на него похожих, я не знаю...

— Нет так нет, не стану вас больше беспокоить... Привет, смею надеяться, вы все-таки передадите?

— О чем речь, непременно!

— Примите мои извинения и прочая. Всего наилучшего.

— Взаимно, к вашим услугам...

Странный человек, предлагает свои услуги шантажистке. Значит, возмездия не предвидится. Ну а как же диктор с безукоризненной дикцией, с ним-то как разобраться?

Я накрутила следующий номер, один из закрытых. Слушая сигналы, лихорадочно соображала, что бы такое сказать для затравки разговора. Даже если я кем-нибудь назовусь и начну объясняться насчет ошибки с номером, он может отделаться враньем или просто бросить трубку - если продолжает свои конспиративные игры.

Гудки умолкли.

— Слушаю...

Я совершенно потерялась. Не успев ничего придумать, впопыхах заорала:

— Скорбут, Скорбут!

В трубке помолчали, потом мрачно пробубнили:

— Люмбаго, люмбаго...

У меня от неожиданности язык прилип к гортани. Только решила было продолжать в том же конспиративном духе, как вдруг услышала свой изумленный голос:

— Почему люмбаго?

— А почему скорбут [Цинга]? Меня, к вашему сведению, донимает люмбаго, с зубами, слава богу, все в порядке...

Я немного успокоилась и поняла, что нарвалась на невинного человека. Хорошо еще поняла вовремя... Вопросов больше не имелось, но врожденная вежливость не позволяла просто взять и бросить трубку.

— Тогда желаю вам здоровья, всяческих благ и удачи в детях. Простите за ошибку...

— Прощаю. И спасибо на добром слове... Я отключилась. Остался еще третий телефон. Два предыдущих настолько меня исчерпали, что перед этим последним я решила взять тайм-аут. Налила себе чаю и закурила.

Трудные мои раздумья прервал звонок.

— Алло, Скорбут! - прозвучал нервный, явно обеспокоенный голос. Засветили С-1, это конец!

— Какой конец, почему конец? - разозлилась я. - Прямо сразу и конец!

— Один раз спасло чудо, верно? Значит, больше на чудо рассчитывать нечего!

Ну и дела, они там что, задействовали сверхъестественные силы?

— Какое еще чудо? При чем тут чудо?

— То, что удалось в феврале, было чудом, разве нет? Спасли буквально секунды. Если они успеют на этот раз прибегнуть к С-1, пиши пропало, доберутся до аппаратуры. Ладно, хватит болтать! - внезапно разозлился он. Доложите шефу, срочно!

Я сидела с трубкой в руке как парализованная. Чудо в феврале, диктор с безупречной дикцией, мой номер телефона... Надо быть тупой чуркой, чтобы до сих пор не догадаться!

Великолепное, ни с чем не сравнимое состояние охотничьего азарта неудержимо охватывало меня. Сколько себя помню, я всегда была натурой азартной, а уж теперь и подавно никакая сила не удержит меня от опасной игры. Была не была, пойду на очередное безумство!

Через несколько минут, собрав все свое самообладание в кулак, я накрутила третий номер.

— Алло, - послышалось после первого же сигнала.

— Скорбут, - с отчаянной решимостью выпалила я.

— Скорбут... - ответили мне как бы по инерции, и внезапно, без всякого перехода, грянул гром:

— Черт подери! Что это значит, кто говорит?!

— Скорбут, - твердо стояла я на своем, ибо ничего другого от растерянности в голову не приходило. Не представляться же - Хмелевская, мол, беспокоит!

— Проклятие! Кто говорит?! Откуда вам...

— Срочное сообщение: засветили С-1, - в полном самозабвении, махнув на все рукой, пошла я ва-банк, потому как внезапно узнала голос и едва не лишилась чувств.

На другом конце послышались отборные бессвязные ругательства, какой-то шум и приглушенные слова:

— ..установить номер...

Я молниеносно швырнула трубку на рычаг, как будто она меня укусила. Ишь чего захотели, фиг вам!

Не скоро смогла я оторвать остекленевший взгляд от

гипнотизировавшего меня телефона. Подумать только, вот так штука! Значит, из-за не правдоподобного стечения обстоятельств я и впрямь оказалась в самом эпицентре грандиозной аферы, и втянул меня в нее этот человек! Тогда, в тот памятный вечер, ознаменовавший начало таинственной цепочки событий, он выболтал мой номер телефона... Надо быть последней идиоткой, безмозглой курицей, чтобы столько времени маяться и не вспомнить! Потому-то бандитская шайка и прицепилась к моему телефону.

А я, святая простота, еще имела глупость относиться к этой истории как к невинной забаве!

По какому-то капризу судьбы они допустили трагическую ошибку, благодаря чему очень мило скрасили мне жизнь. Скучать я уж точно не скучала, вот только не играю ли теперь с огнем? Не слишком ли много знаю? На детские шалости авантюра явно не смахивает...

Постепенно я более-менее привела мысли в порядок. Нет, я не была разочарована своим открытием, напротив, ликовала от восторга. Этот человек - преступник, в данный момент он уже знает, что я знаю, и попытается что-то предпринять. Прекрасно, зато он не знает, что именно я знаю. А ведь я могу обезвредить его в любую минуту, стоит только обратиться в милицию... Нет, я не стану обращаться в милицию! По крайней мере не сейчас, сначала самостоятельно разберусь, в чем суть преступления, а там уж держись, кровь за кровь! Подумать только, вообразил, что можно меня безнаказанно оставить с носом!..

Особой логики в моем решении не было, да что с меня взять? Переполюнявшие меня чувства ничего общего не имели со здравым смыслом. Все оказалось свалено в кучу: слепая ненависть, страстная жажда мести, радость триумфа, глубокое удовлетворение от того, что не какая-то там ерунда вырвала его из моих, доброжелательных в целом, объятий, вдобавок еще и неподвластная рассудку благодарность за потрясающее приключение. Словом, несусветная мешанина!

Обрадованная тем, что две тайны оказались на деле одной общей, вдохновленная неясностями, которых еще, к счастью, на мою долю хватало, я положила себе всенепременно раскрыть антигосударственную деятельность своего бывшего таинственного воздыхателя. Придется поспешить, похоже на то, что последним своим звонком я учинила в стане врага серьезное замешательство.

Откинувшись на подушки, я стала анализировать ситуацию. Голова понемногу прояснялась. Сейчас, когда я уже раскрыта, вывести у них больше ничего не удастся...

Только я это подумала, зазвонил телефон. Я вцепилась в трубку, как стоя волков в невинную лань.

— Слушаю!..

— Скорбут! Проверка программирования закончена. Действует безотказно, исполняет все команды!

— А какая конкретно программа? - спросила я, не успев сообразить, что это мне полагалось бы знать.

— Вся аппаратура Х. Удалось блестяще, никто ничего не заподозрил.

Программирование аппаратуры означало подключение всего хозяйства, начиная с микрофона и кончая приемными устройствами. На таком уровне я еще разбиралась. Ну а дальше? Что за аппаратура?

— Какие команды вводились? - поинтересовалась я в приливе вдохновения.

— Главным образом по управлению аварийными системами. Испытания В со сменой векторов придется отложить, о них знают. И вообще чересчур много знают, черт бы их побрал. Они сориентированы на завтра, надо переждать. Все, кончаю.

И отключился, не дав мне слова сказать. Я снова была обречена на собственные домыслы.

Дойдя кое до чего своим умом, я решила, что уже почти знаю, в чем тут соль. У моих бандитов имеется определенная цель, а именно: дистанционное воздействие на устройства, которые настроены на исполнение определенных команд. Так можно отключать аварийные системы, изменять направление объекта, движущегося в пространстве - например, на открытой местности. Если они сумеют выключать, а значит, и включать аварийные системы, то сумеют проделывать то же самое и с чем-нибудь другим - скажем, включать магнитофон, записывающий секретные переговоры... А аварийную систему обезвредят, чтобы выкрасть тайные документы...

У меня прямо мороз по коже пошел. Это даже не бандиты, это шпионская шайка! А их шефа я имею удовольствие знать лично... Ах ты, курицын сын! Законопослушный гражданин ПНР!!!

Пусть придется встать на голову, перевернуть вверх тормашками весь город, да что там - весь свет, но до подноготной этого человека я докопаюсь, а потом преподнесу ее на блюдечке государственным властям!..

Из самых солидных персон можно без труда вытащить любую информацию, надо только задавать им вопросы поглупее. Для задавания глупых вопросов я была прямо-таки создана. Вооруженная столь неотразимым оружием, я смело двинулась в бой.

Сначала я прицепилась к военному отставнику, правда, он никогда не имел особых дел с контрразведкой и потому в моих проблемах разбирался плохо.

Напоров всякой чуши на тему военных учений, я любознательно поинтересовалась:

— А чего в армии нельзя уладить по телефону, радио и прочим таким каналам?

— Чего точно нельзя, так это застрелить собеседника...

— Всего-то? И ничего больше? А что может случиться в службе контрразведки такого ужасного, из ряда вон, что грозило бы моментальной катастрофой?

— Повальная эпидемия аппендицита.

— Ну, это чепуха. Я говорю о какой-то чудовищной накладке.

— Можно забыть об условленной встрече, о сообщении насчет побега из Польши шпиона с секретными документами...

— Пустяки.

— Вам и это пустяки?

— Желательно что-нибудь совсем уж кошмарное. Самое неслыханное упущение, какое только можно вообразить, с общегосударственными последствиями.

Военный отставник глубоко задумался.

— Пожалуй, самое страшное - это проворонить смену шифра.

— А как о ней сообщают?

— Уж наверное не по телефону.

— Тогда как?

— Непосредственно. Вынимают из сейфа конверт под особым номером.

— И какая тут может быть накладка?

— Можно забыть ключи от сейфа и получить в это время экстренную депешу с новой шифровкой...

— И что тогда случится?

— Все, что угодно. Вплоть до общегосударственной катастрофы...

Вытащив из отставника версии еще нескольких катаклизмов, я оставила его в покое в состоянии полного умственного истощения. Далее, задействовав довольно сложную комбинационную цепочку, ухитрилась случайно встретить на улице знакомого, о котором мне было известно, что служит он в одном ведомстве, а для видимости числится по другому. Когда-то я провела по его заказу небольшую инвентаризацию, в силу чего ему пришлось рассекретиться. Со второй своей жертвой я завязала диспут о

стереофонических динамиках, с пеной у рта настаивая на очевидных глупостях. Несчастный, потеряв всяческое самообладание, поделился со мной ценнейшей информацией.

Теперь я была уже на его процентов уверена, что банда "Скорбут" веников не вяжет. Я знала, чем и каким образом они собираются управлять, что и как включать, знала, для чего испытания проводятся именно в том, а не в другом районе и для чего аппаратура проверяется с помощью логатомов. Хотя и туманное, но представление имела. Наверняка с грехом пополам разобралась бы и в аппаратуре, вкупе с пресловутыми усовершенствованиями, но для этого требовалось разобраться и во всяких там электроакустических фидригалах, что было уже за пределами моих возможностей. Пробел в познаниях ничуть меня не смущал, оно и к лучшему, незачем засорять себе мозги. Какая разница, экспериментируют ли они со сложнейшими приборами, или открытие состоит в том, чтобы втыкать провод в картошку? Я знаю суть дела, теперь главное добраться до действующих лиц.

Вечером, вернувшись домой пораньше, я устроилась на диване, нацелясь на к телефону кровожадным, полным злорадства взглядом. Позвонить, что ли? Доложить, что проверку канала В придется перенести? Чем дольше их эксперименты затянутся, тем лучше, задержка мне только на руку. Да и очень уж хочется довести его неприятным известием до белого каления.

Как и следовало ожидать, я наконец поддаюсь соблазну. С замирающим сердцем набрала номер.

— Слушаю, - отозвался голос, от которого у меня все внутри перевернулось. На какой-то миг охватило глубокое, бездонное сожаление, что он оказался врагом и бандитом...

— Скорбут, - со всей твердостью сказала я и, не дожидаясь последствий, деловито продолжала:

— Очень мило, что Х действует исправно, я рада... Но советую воздержаться от испытаний линии В: к ним проявляют интерес нежелательные лица. Дистанционное управление объектом - это ведь не фунт изюму, жаль будет, если обнаружат, верно? Отключаюсь, конец связи. - И я молниеносно бросила трубку.

А дальше сидела и ждала в жутком напряжении. Ощущение было как у ядовитой змеи, по собственной глупой злобе внедрившейся в муравейник. Что-то будет? Узнать бы, где они обосновались... Как все-таки его зовут? Какая у него официальная личина? Насколько велик шанс, что мне захотят навеки укоротить язык? По телефону не укоротят, кто-то должен будет

объявиться - конечно же тот, кто знает меня по наружности. Возможно, я окажусь жертвой собственного нелепого сумасбродства, ну и плевать! Всю жизнь чудила и буду чудить!..

Звонок грянул через четверть часа. Я приканчивала третью сигарету, сидя все в той же позе и гипнотизируя аппарат воспаленным взглядом. Трубку я подняла с таким чувством, будто сорвалась и лечу вниз головой в черную гибельную трясину...

— Слушаю...

— Добрый вечер...

Невероятным усилием воли я взяла себя в руки.

— Кто говорит? - сухо спросила я, хотя ни малейших сомнений на сей счет не испытала.

— Не узнаешь старых знакомых?

— Трудно узнавать знакомых, которые мне никогда не представлялись, вырвалось у меня. "Думай, что говоришь, идиотка, - разозлилась я. - Надо было сказать, что знать его не знаешь".

В трубке послышался вздох.

— А я собирался тебя просить..., нет, Христом-богом умолять, чтобы ты успокоилась...

— То есть? Я вроде бы не нервничаю, - сказала я в полном противоречии с истиной, потому как нервничала до потери сознания.

— Какая жалость, что ты не понимаешь, о чем речь... Бесконечно тебе благодарен за те два сообщения, но, откровенно говоря, ты вносишь жуткую неразбериху. Тебе, наверно, кажется, что ты все знаешь, а зря, поверь, ты не знаешь ничего. Настоятельно тебя прошу, воздержись от самодеятельности...

— Минутку, - прервала я его, постепенно приходя в чувство. - Прежде всего имею полное право усомниться, что ты - это ты. Хотелось бы доказательств.

— Я тебе когда-то обещал все объяснить. Помнишь? Однажды вечером дал слово чести, что объясню, как только смогу. А я человек слова, даже если обещаю сгоряча. Мне самому не терпится сдержать обещанное, да все мешают непредвиденные обстоятельства.

Никто, кроме него, не знал о нашем разговоре в тот драматический вечер. Доказательство я получила...

— Да-да, припоминаю, - столь же любезно, сколь и холодно протянула я. - Но тогда и ты должен помнить чистосердечное мое признание, сделанное однажды вечером. Забыл? Я дала себе зарок расконспирировать тебя...

— Отчего же, помню. Откровенно говоря, я тебя недооценил. И в мыслях не держал, что ты способна на такие безумства.

— А я ведь честно предупреждала, что безумства - мой хлеб насущный.

— Не будем отвлекаться. Смею я все-таки надеяться хоть на чуточку твоего терпения и рассудительности? Боюсь, твоя самостоятельность чревата для меня крупными неприятностями. А я со своей стороны подтверждаю данное обещание.

Так я и поверила, держи карман шире! Слушая его, я лихорадочно соображала, как бы извлечь из нашего разговора побольше пользы. На любой мой вопрос последует, конечно, вранье, ну а вдруг что-нибудь да сболтнет? Главное, побольше дипломатии...

— Хорошо, запасусь ангельским терпением. Только позволь задать несколько вопросов. Несущественных, но уж больно они меня мучают...

— Слушаю...

Блестящий дипломатический талант подсказал мне только один вопрос, из самых существенных:

— Как тебя все-таки зовут?!!

— Ты же знаешь. Сама угадала...

— Зачем ты напустил на меня того невинного человека?! Нарочно?

— Ну, это долгая история, оставим на потом. Мне пора. Еще раз прошу, ничего не предпринимай, оставь свои сведения при себе. Не то нам с тобой обоим несдобровать.

С тем же успехом он мог бы меня попросить, чтобы я не дышала.

— Надеюсь, меня неприятности минуют, - ответила я, возвращаясь к ледяной любезности. - Что касается объяснений, разумеется, могу подождать. Столько ждала, что еще несколько лет не имеет значения...

— Очень бы не хотелось прибегать к решительным мерам, - сказал он со вздохом. - Пожалуйста, уволь меня от этого.

— Угрожаешь?

— Избави бог! И в мыслях не было. Твоя реакция на угрозы у кого угодно охоту отобьет. Понимай как нижайшую просьбу...

Ах как трогательно, прямо так я тебе и расчувствовалась! По второму разу этот номер со мной не пройдет, уже ученая. Но голос., наградил же господь человека таким голосом...

Телефон молчал. Молчал день, другой, третий... Никаких донесений, как ножом отрезало. Звонили знакомые по разным, интересующим меня как прошлогодний снег поводам, а я всякий раз вздрагивала и совсем извелась. Для меня телефон молчал.

Заветный номер не отвечал, хотя я и набирала его когда ни попадя, днем и ночью. Никто на меня не покушался, никакие подозрительные личности вокруг дома не шастали. Не иначе меня дерзнули задвинуть на обочину.

На второй день, вечером, позвонила Янка.

— Какие новости? - спросила она, сгорая от любопытства.

Я коротко и деловито доложила обстановку.

— Больше не звонил?

— Нет. Я скоро лопну от злости. Отмахнулся от меня как от мухи, чучело секретное.

— Думаешь, еще объявится?

— Кто знает. Если не объявится, дам извещение в газету, что джентльмен такой-то наружности, с таким-то именем не сдержал слова чести.

— И диктор Польского Радио подаст на тебя в суд. Почему бы тебе не обратиться в милицию?

— А что я им скажу? Так, мол, и так, по моему глубокому убеждению, неизвестные мне лица незаконно экспериментируют с электроакустической аппаратурой? Любопытная, скажу я им дальше, подробность: известное вам ведомство интересовалось сверхновыми усилителями и даже изымало их во временное пользование... Хочешь, чтобы я подставила порядочных людей, раскрывших мне служебные тайны, да еще обвинила государственные органы в антигосударственной деятельности? Спасибочки за совет. Какие, спрашивается, у меня основания? Дескать, чутье подсказывает? Чихала милиция на мое чутье, а больше мне сослаться не на что, все мои сведения из нелегальных источников. Меня же первую и упекут - как врага родины.

— Как же быть?

— Ума не приложу. Подожду, пока не осенит.

— Ну-ну, жди. Как осенит, позвони. Ждать-то я ждала, но не сложа руки. Закидывала удочку направо и налево и вытаскивала самый разный улов. Знакомый из городской телефонной службы на вопрос об интересующем меня закрытом номере ударился в панику и наотрез отказался раскрывать профессиональную тайну. Звукооператоры из технических служб Польского Радио, к которым я попыталась приставать с вопросами о некоторых специфических аспектах их деятельности, дружно и с нескрываемой антипатией отвергли мои домогания. Я взяла напрокат в "Мотосбыте" машину и отправилась на полигон, то бишь в район сто три. Осмотрела там пашню, свежие зелены и молодой перелесок, а потом,

застряв в грязи и минут пятнадцать пробуксовав, вынуждена была месить окрестные хляби, разыскивая и втыкая под колеса всякие палки, после чего, на последнем издыхании и несолоно хлебавши, вернулась домой. Багаж моих познаний активно пополнялся, но только не на интересующую меня тему. Чего только в этом багаже не было: всяческие открытия и усовершенствования, программирование разнообразнейших систем, шпионаж... И никаких сведений о человеке, на котором были теперь сосредоточены все мои помыслы.

Терпение мое лопнуло. Доведенная до крайности, я закинула удочку в совсем уж неполющенное место. О возможных крупномасштабных последствиях я не подумала, а если б и подумала, то не образумилась бы, потому как разум потеряла окончательно.

Вечером третьего дня трубка сама по себе прилипла к моему уху, а телефонный диск сам по себе завертелся под рукой, накручивая номер, по которому я не звонила уже много лет и который мне давно полагалось позабыть.

— Слушаю...

Никаких шансов вытянуть что-нибудь из этого человека не имелось, легче было разговорить могилу. Зато я точно знала, что нет в интересующей меня области такого изобретения или усовершенствования, к которому он не приложил бы руку. Единственный в Польше специалист по определенному узкому профилю, первый среди спецов мирового класса. И последний, кого можно было заподозрить в незаконной деятельности.

— Добрый вечер, - сухо сказала я и, избегая пауз, продолжала:

— Интересно, даешь ли ты себе отчет, кому служит твоя гениальная инженерная мысль?

— О чем речь? Будь добра, выражайся пояснее, вникать в твои художественные метафоры у меня нет времени.

— Речь об экспериментах, связанных с дистанционным управлением различными системами. В частности, голосом. Извини, что изъясняюсь нормальным языком, а не вашей научной тарабарщиной. Так вот, насколько мне известно, электроакустический канал Х служит для включения и выключения неподвижных объектов, канал В - для управления подвижными объектами, а канал А...

— Что такое?! Откуда ты взяла...

— Импульсы зависят от выговаривания слов с набором соответствующих гласных, правильно? "Е" в "брекекекс" воздействует одним образом, "у" в "кукурукуку" - другим... Я ожидала от вас еще и "растабары", учитывая обилие "а", но вы меня разочаровали...

— Прекрати! - резко оборвал меня человек на другом конце провода. Сейчас же замолчи!

— И не подумаю, - возмутилась я. - Прими к сведению, что этот твой тон на меня больше не действует.

— Помнится, ты и прежде была сумасброд кой, но не до такой же степени! Совсем свихнулась. Чего тебе надо?

— Мне надо знать кое-что на эту тему. Я имею основания подозревать, что твои разработки попали в нехорошие руки. Надеюсь получить у тебя консультацию.

— Не надейся!

— Что же, тогда не обессудь, растрезвоню гложащую меня тайну повсюду все, о чем знаю, а знаю я, уж поверь, немало. Выкричусь на весь белый свет, где придется - в кино, в набитом трамвае, на каждом перекрестке!

— Да тебя тут же изолируют, не успеешь и рта раскрыть!..

— Возможно, но тогда я непременно сошлюсь на тебя, как на источник информации. И пускай докажут, что я вру...

"А ведь и впрямь шантажистка, да еще опасная для общества", подивилась я себе в наступившей паузе. В трубке молчали - видно, мой разъяренный собеседник боролся с удушьем. Не дошло бы до апоплексического удара...

— Ну ладно, - покладисто уступила я. Буду молчать как рыба, только намекни хотя бы, кто твоим детищем сейчас пользуется. Я ведь не с кондачка болтаю, поверь, идет какая-то серьезная возня...

— Хорошо, - неожиданно согласился он - Но это не телефонный разговор. Давай условимся на завтра, попробую выкроить время.

— Фиг тебе, - непреклонно отрезала я. Завтра ты меня захлопнешь в капкан. Если встречаться, то сегодня.

Он ответил не сразу, видимо, взвешивая ситуацию.

— Договорились. Где увидимся?

— На лавочке в парке Дрешера, у троллейбусной остановки. Через десять минут. - Я ехидно усмехнулась. - Если тебя через десять минут не будет, ухожу, не дожидаясь, и разворачиваю рекламную кампанию...

Все с той же ехидной усмешечкой я положила трубку рядом с аппаратом, заблокировав ему связь с внешним миром. За это время он не успеет ни позвонить из автомата, ни куда-нибудь заехать, на десять минут мне гарантирована безопасность.

Я не отдавала себе отчета в пагубности своего поведения. В том состоянии одержимости, которое мной овладело, для меня уже не было

ничего невозможного. Каких только глупостей не натворишь ради блага отечества!

Встретившись со мной в парке Дрешера, мой конфидендент даже не нашел в себе сил поздороваться... Оглядев меня с невыразимым отвращением, закурил и сказал:

— Блокада тебе не поможет. Я тебя и завтра из-под земли достану.

— Если сохранишь хоть каплю здравого смысла, завтра мне скажешь спасибо. Вот послушай... Только для начала учти: я знаю, какое ведомство опекало на первых порах операцию, знаю, в чем она заключалась, где проводились эксперименты, и со всей ответственностью заявляю: мое дело сторона. Меня интересует другое: в чьи руки это попало и кто этим манипулирует незаконно.

— Ничего тут незаконного нет, все в руках божиих, то есть того самого ведомства. С чего тебе втемяшился такой бред?

Колебалась я недолго. Ничего не оставалось, как рассказать ему правду. Почти всю.

— Каким образом, черт подери, они вышли на твой телефон?!

— Не знаю, - твердо сказала я. - Меня это не интересует.

Теперь он помолчал в нерешительности.

— Произошла какая-то чудовищная накладка. Слушай же...

И я стала слушать. Все, о чем он рассказывал, ничего мне не объясняло. Операция "Скорбут" абсолютно законна? Осуществляется государственными службами, уполномоченными на то людьми, а вовсе не бандитской шайкой?

— Какого же беса они так законспирировались? - не сдавалась я в полном отчаянии.

— Чего тут непонятного? По-твоему, глубоко засекреченные испытания, проходящие по ведомству военной разведки, надо выставлять на всеобщее обозрение?

— Все равно концы с концами не сходятся. Послушал бы ты, что они говорили! Таились, нервничали, что кто-то их обнаружит, раскроет... Кто?! Зачем?

— А тебе прямо позарез надо знать? - помолчав, хмуро буркнул мой собеседник.

— Надо. Мне все это крайне подозрительно. Он снова помолчал, дымя сигаретой и явно борясь с сомнениями. Собственно, до сих пор он мне не сказал ничего такого, чего я и сама не знала. Но сейчас, чуяло мое сердце, сейчас он откроет мне нечто такое, отчего у меня волосы встанут дыбом.

— Ладно. Все равно ты уже знаешь больше, чем следовало бы, хуже не

будет. Слушай же...

Я слушала с замиранием сердца и неприятной тяжестью на душе. Все детали головоломки идеально укладывались одна к одной. В лоне почтеннейшего правоохранительного ведомства завелся, образно говоря, микроб предательства. Среди высокопоставленных лиц, наделенных неограниченным государственным доверием, нашелся ренегат, сотрудничавший с иностранной разведкой, который покушался выкрасть изобретение. При нем существовала неуловимая агентурная сеть, действовавшая на пагубу народной нашей республике. От этой вражьей силы и пришлось таиться...

Ренегат на высоком посту...

— Почему же их всех не пересажали, почему цацкались, доводя меня до нервного расстройства? - с горечью спросила я.

— Потому что не было стопроцентной уверенности насчет личности предателя, да и на агентуру следовало выйти. Риск был, конечно, велик, пришлось обставлять испытания так, чтобы не допустить утечки информации и в то же время не вспугнуть их проволочками и чрезмерными предосторожностями. Но другого способа разрешить ситуацию не предвиделось. Подозреваемый, как я понимаю, имел такой высокий статус, что требовалось стопроцентное попадание; случись какая накладка, заварился бы жуткий скандал. Ну и все труды контрразведки пошли бы насмарку...

— И кем же этот ренегат оказался?

— Понятия не имею. Думаю, посвящены в это человека два-три.

— Как же ты можешь не знать, если участвовал в испытаниях? От кого конкретно вы таились?

— Ото всех. В курс дела ввели только нескольких верных людей, остальных держали под подозрением. Да я непосредственно в акции почти не участвовал, сдал свои разработки на первой стадии, а дальше уже весь воз тянул другой.

Я молчала, пытаюсь справиться с сумятицей в душе, а больше всего с мучительным огорчением. Выходит, я до последнего питала какую-то надежду? Ведь ясно было, что это преступник...

— Получается, ты была не так уж далека от истины, - признал он с кислой миной. - Представляешь себе хотя бы, что тебе может грозить за разглашение такой информации?

— Представляю. А чем я для них была? Базой данных?

— Чем-то в этом роде. Существовал один телефон, по которому следовало передавать всякие сведения. Каким чудом телефон оказался

твоим, не понимаю.

Зато я понимала, а толку-то.

— Кто в вашей потехе участвовал? - спросила я без малейшей надежды. Назови все фамилии, какие знаешь. Чего уж скрывать, мне и так почти все известно. Хуже, сам говоришь, не будет.

— Фамилий не знаю, мне мало кто представлялся. Знаком всего с несколькими. С теми, кто вел со мной официальные переговоры, с двумя сотрудниками по начальной разработке и со своим преемником, к которому перешли все дела. Толковый мужик, с головой...

Названные им фамилии мне ничего не сказали. К преемнику, раз он был в его вкусе, я сразу почувствовала антипатию... Да и вообще мне вдруг все опротивело.

— Ну так как, собирать мне завтра вещички в кутузку?

— Не болтай ерунды. Ты бы из меня сегодня ни слова не вытянула, не знай я твоих талантов. А окажись ты в чем-то замешана, будь спокойна, домой бы не вернулась. Но ты говорила правду, настолько я тебя тоже изучил.

Я со своей стороны изучила его не хуже, пощады от него не жди, при малейшем подозрении упрятал бы в каземат, не моргнув глазом.

— Провожать тебя, думаю, нет нужды? Ты у нас ведь не пропадешь, справишься с любой ситуацией. А у меня по горло работы.

— Очень тебе благодарна, конечно, сама доберусь. Извини за беспокойство...

В полвторого позвонил телефон. Я молниеносно проснулась и схватила трубку.

— Алло...

— Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Точно...

— Кто говорит?

О, я этого терпеть не могу!

— Королева Изабелла Испанская, - с достоинством представилась я.

— А-а-а, простите, ошибка... - неуверенно промямлили в трубку.

Через пару минут опять звонок.

— Четыре сорок девять восемьдесят один?

— Да...

— Пани Иоанна Хмелевская?

— К вашим услугам.

— Благодарю.

И дали отбой. Как прикажете понимать? Благодарит за то, что меня так

зовут, или за то, что подняла трубку? Кто бы это мог быть? Голос вроде незнакомый...

Не понравился мне странный звонок. Я встала, налила себе чаю, закурила и задумалась. Не он ли - страшный, смертельный мой враг? Теперь уже смело можно отнести его к врагам.

Проведал, что я имела разговор на опасную тему, и решил убить?

Можно его понять, когда он столь настоятельно просил меня уgomониться. Понятно также, почему он так заботливо лелеял свое инкогнито. Государственный муж!.. Сознательный гражданин ПНР!.. Ну почему судьба сыграла со мной такую шутку? Хорош "клин"! Пропади все пропадом!

Я сидела в кресле у раскрытого окна, дрожа от холода и проклиная свою долю, когда вдруг снова зазвонил телефон.

— Пани Иоанна, это вы? - таинственным шепотом спросил мой знакомый из городской телефонной сети.

— Я, а что стряслось? - почему-то тоже шепотом поинтересовалась я.

— Не взыщите за поздний звонок, но потом я бы не смог, в шесть утра у меня кончается дежурство. Ваш номер поставлен на прослушивание...

. - Когда? - быстро спросила я.

— С часу. Все разговоры будут записываться. Я на минутку отключил, но сейчас опять подключаю. Господи, пронеси!.. Поостерегитесь, спокойной ночи.

— Всего хорошего, спасибо, - с горячей признательностью прошептала я.

Ну как в таких условиях уснуть? Кажется, мне удалось привести в движение всю монументальную машинерию! Высшее мое жизненное достижение, мой звездный час! Езус-Мария, чем все это кончится?

Особой робостью я не отличалась, но на сей раз струхнула. С бьющимся сердцем поскорей забралась в постель, здраво рассудив, что перед лицом грядущих событий надо быть в наилучшей форме. На всякий случай только закрепила дверной засов, пустив в ход палку от половой щетки. Раз в жизни решила проявить осторожность.

До утра ничего не случилось, а утром я пошла на работу. Томясь в предвкушении катаклизмов, я уже начала было ощущать разочарование, как вдруг меня подозвали к телефону.

— Пани Иоанна Хмелевская? - спросил незнакомый голос.

— Да, слушаю...

— У меня к вам просьба. Не могли бы вы ненадолго отлучиться в холл на вашем этаже? Не привлекая внимания...

— А кто говорит? - спросила я, не надеясь на ответ.

— Вы меня не знаете. Я по поводу вашего разговора в парке Дрешера.

— Хорошо, отлучаюсь...

Кто это? Бандиты или наоборот? На душе было так скверно, что я обреченно махнула рукой: один черт... Подумала, не взять ли с собой какое-нибудь оружие для защиты, хотя бы большой циркуль, но циркуль куда-то запропастился. Ладно, двум смертям не бывать... С этой мыслью я и вышла в холл.

Навстречу мне поднялся незнакомый, симпатичного вида мужчина и сказал:

— Вы, конечно, догадываетесь, о чем идет речь? Пришло время поговорить. Вы сможете сейчас уйти с работы?

"А если не смогу?" - подумала я и спросила:

— Позвольте узнать, от чьего имени приглашение?

Мужчина вынул и молча показал удостоверение. Я молча же кивнула, вернулась к себе, собрала вещички и на пороге обернулась. Трое моих коллег как ни в чем не бывало трудились за своими досками. Я обвела их тоскливым взглядом и попросила:

— Бросьте на меня прощальный взгляд, господа...

Все трое как по команде вскинули головы и выжидательно на меня уставились.

— Ну? В чем дело? - буркнул Януш.

— Чего-нибудь новенькое задумали? - загорелся Витольд.

Весе ничего не спросил, только жадно пожирал меня глазами.

— Вам выпала честь видеть меня в последний раз, - жалобно протянула я. - Если что, не забудьте: курю я "Пяст", от лука у меня изжога. Лучше лимоны... Будьте счастливы, всяческих вам жизненных благ и успехов!

Я вышла не оборачиваясь, но могу поклясться, что хоть один из троих да покрутил пальцем у виска...

В кабинете, куда меня препроводили, я увидела еще одного симпатичного, жаждущего общения мужчину, который без долгих церемоний потребовал от меня исчерпывающих объяснений...** Я умолкла и уныло уставилась на сидевшего за письменным столом человека. А тот не спешил оборвать затянувшуюся паузу глубоко задумавшись, смотрел куда-то вдаль. Потом очнулся и перевел взгляд на меня.

— Это все?

— Все, как на духу. Могу, конечно, и подробнее, но тогда уже про то, что я вкушала в эти дни на завтрак, обед и ужин, сколько раз у меня

спускались на чулках петли, каких марок были машины у леваков, которые подбрасывали меня на работу, ну и о других, столь же существенных подробностях. Но это ведь не по вашей части?

— Нет, - согласился мужчина с еле заметной усмешкой. - Не по моей. Вы все очень толково рассказали, хотелось бы только еще раз услышать фамилии, которые вы упоминали.

— И не надейтесь, - решительно отрезала я. - Ни одной фамилии не называла и не назову, люди поделились со мной кое-какими сведениями по простоте душевной, а то и просто обмолвились. Мучайте хоть средневековыми пытками, ни одного имени вам не вырвать! Лучше сгнию в казематах!

— Поймите меня правильно. Вашим информаторам ничего не грозит, но должны же мы проверить их связи, знакомства, должны знать род их занятий, поведение, наконец образ мыслей...

— Фиг вам, извините за выражение. С маслом. Хватит того, что я сама знаю и этих людей, и образ их мыслей, вполне, скажу я вам, лояльный. Не затрудняйте себя, ничего не выйдет.

Мужчина посмотрел на меня со странным выражением лица.

— И вы никогда не ошибаетесь в лояльности ваших знакомых?

— Ник... - заикнулась было я и осеклась. Попал, что называется, в самую больную точку!

— Вот видите! Чужая душа потемки, да и знакомая, бывает, тоже. Подумайте, сколь трагическими последствиями может обернуться неоправданное доверие.

— Это точно, - желчно подтвердила я. - Особенно опасно доверяться мне. Мой визави посерьезнел.

— Даю вам слово чести, что никто из этих людей не ощутит на себе даже тени подозрения - если, конечно, он не причастен к антигосударственной деятельности. Меня интересует только это. Больше ничего - ни разглашение служебных тайн, ни проявленное легкомыслие, мы занимаемся исключительно известной вам аферой.

Я заколебалась. Звучит убедительно, да и как не верить слову чести? Видно, пагубная наивность - мой всегдашний удел.

— Хорошо, - уныло согласилась я. - Договорились. Ваше счастье, что мой таинственный незнакомец так подло водил меня со своей лояльностью за нос, а то бы я молчала как могила, уж будьте покойны.

С тяжелым сердцем я продекламировала ему целые фрагменты из телефонного справочника, а потом спросила:

— Вам это что-нибудь говорит?

— Гм... Полагаю, вам уже не терпится домой. Можете быть свободны.

— Да вы что! Святая простота! Думаете, я уйду отсюда, не получив никаких объяснений? Не дождетесь, разве что ногами вперед!

— Позвольте, каких объяснений вы от меня ждете? - спросил он, уже откровенно ухмыляясь.

— Мне надо знать все об этом человеке! Кто он, как зовут, где живет, мало того, я хочу его видеть!

— Вы требуете от меня невозможного. С аферой еще не покончено, главный герой на свободе, и разглашать его имя мы не вправе. Тем более вам, сами же признаетесь, что человек вы непредсказуемый. Допустим, я его назову, можете вы поручиться, что не допустите опрометчивых действий?

Я задумалась. Нет, поручиться я не могла. Поручиться наоборот - это пожалуйста, какой-нибудь финт выкинется произвольно, сам собой.

— Единственное, что в моей власти, так это назвать участников из числа верных людей, трудившихся во благо родной державы. Включая и главного спеца. Да вы их фамилии уже слышали.

— Кое-какие... Зачем мне их фамилии?

— Очень симпатичные люди. Когда все будет позади, сможете с ними познакомиться.

— Вот еще. Не чувствую интереса.

— Иногда бывает полезно переключить свой интерес на другой объект... Клин клином! Я прямо так и взвилась.

— Как вас следует понимать? Предлагаете свои услуги? - с медоточивым ехидством поинтересовалась я. - Не в обиду будь сказано, вы не в моем вкусе...

— Упаси бог, и в мыслях не было, я женат!.. Не сердитесь, я имел в виду кого-нибудь из этих ребят. Тут полно холостяков, вполне достойных вашего внимания. Их можно отметить крестиками.

Я бросила мрачный взгляд на список.

— Где-то мне эта фамилия попадалась, - рассеянно пробурчала я. - Этот, что ли, у них главный спец? А может, ошибаюсь. Ну и шуточки у вас, в таком солидном заведении - и так негуманно развлекаетесь за счет пытаемых. Когда прикажете ждать остальной информации?

— Как только ваш сердечный друг окажется за решеткой. Я вам позвоню... - И, помолчав, как бы про себя добавил:

— Если еще понадобится...

— Не могу избавиться от впечатления, что вы меня здорово дурачите, высказала я на прощание свое недовольство. - Ума не приложу, чему бы это

приписать. Наверно, обыкновенному садизму. Всего вам хорошего. Если не сдержите слова, встречаться со мной не советую.

— Думаю, о сохранении нашего разговора в тайне напоминать незачем?

— Незачем. Буду молчать пуще могилы. Честь труду...

Я вернулась домой только по той причине, что больше возвращаться было некуда, ноги сами меня привели, хотя я белого света перед собой не видела. Не видела, потому что смотрела правде в глаза: я проиграла, проиграла бесподобную, потрясающую игру.

О гениальное чутье любимой моей подруги! Клянусь больше никогда не пренебрегать судом ее внутреннего голоса!..

Изо дня в день, каждую минуту я твердила себе, что должна быть довольна финалом.

Чертовски довольна! Прямо на седьмом небе от счастья!

Я раскрыла великую тайну, устроила грандиозную, даже по моим масштабам, заварушку, человека, которого я ненавижу, ожидает расплата... Чего еще желать?

Пустые хлопоты. На дне моего глупейшего сердца тихо, но чувствительно шевелилась непонятная ноющая тоска.

Не полегчало и от знакомого голоса в трубке:

— Иоанна? Здравствуй, это Януш...

— Как поживаешь? - спросила я, как ни странно, не обнаружив в душе бурной радости.

— Хотел узнать, как у тебя с самочувствием. Последний раз ты, по моему, была не в своей тарелке.

Не в своей тарелке!.. Господи, вот именно что не в своей! Выражение, точно соответствующее моему состоянию во время той кошмарной сцены в отеле...

Не полегчало и при встрече, - я снова сидела против него за ресторанным столиком и глядела в голубые глаза, а они лучезарно улыбались мне с загорелого лица. Не легче было и оттого, что женщина с малоинтеллигентным голосом больше ничем о себе не напоминала.

Я кружилась в чудесном вальсе-бостоне, и его неизменная ко мне симпатия казалась не такой уж платонической...

А на дне моего глупейшего сердца продолжала тихо шевелиться глупейшая тоска...** Не видя другого спасения от депрессии, я взялась за стирку. Чтобы еще больше себя измотать, полоскала не в машине, а в ванной, и действительно добилась желанного результата, поскольку уже

отвыкла от домашних обязанностей, взваливая их на приходящую прислугу. Насухо протерев стиральную машину, развесив мокрое тряпье в кухне, я с комфортом устроилась на диване, собираясь с чистой совестью отдаться безделью. Закурила сигарету и откинулась на подушки.

Лампа отбрасывала мягкий свет, радио наигрывало так сентиментально, что прямо душу выворачивало. Стирка, похоже, не помогла. Физически измотала, а душу оставила в неприкосновенности.

Зазвонил телефон. Я с унылым безразличием потянулась к трубке. Звонки меня теперь не колышут.

— Слушаю...

— Добрый вечер...

Я молчала, с головы до пят завибрировав от густых, бархатных звуков знакомого голоса.

— Добрый вечер, - наконец ошеломленно прохрипела я.

— Ну и как?

Я окончательно обалдела. Это он, он спрашивает у меня: "Ну и как?"! Не знает, что я знаю, или делает вид, что не знает? Что за притча?! Что такое?

На меня вдруг нахлынули сомнения.

— Наверно, подобный вопрос должен исходить от меня? - осторожно заметила я.

— Почему же? Я спрашиваю, как насчет встречи. За мной ведь должок. Пришла пора объясниться.

— Боюсь, объяснять теперь почти нечего, - вздохнула я с сожалением. Но если хочешь, пожалуйста. Давай пообъясняемся.

— Ты не против, если я приеду, скажем, через полчаса?

Меня охватили дурные предчувствия. Он знает, что живу я одна, время позднее, мое легкомыслие ему тоже хорошо известно. Значит, решил отправить меня на тот свет. На кой черт ему еще приезжать?

На мое легкомыслие можно ставить беспроигрышно. Я была бы не я, если бы немедленно и с восторгом не включилась в игру с огнем. Меня уже забирал азарт.

— Буду рада, - любезно откликнулась я. - Тем более что уже проклевывается традиция - у меня как раз постирушка развешена. Жду...

Через полчаса в дверь позвонили. Я открыла ипустила его в прихожую.

— Понятно, зачем ты пришел, - обреченно вздохнула я. - В принципе ничего не имею против. Погибнуть от руки такого незаурядного мужчины... Большая честь! Предпочитаю, правда, быть убитой в комнате.

— Как тебе угодно...

Я провела его в комнату и включила верхний свет.

— Позволь все-таки перед смертью как следует тебя рассмотреть. Чтобы на том свете в очередной раз не обознаться... Присядь для удобства, при таком росте да в стоячем положении осмотр затруднителен.

Он без возражений уселся в кресло, посматривая на меня со своей легкой, такой знакомой и такой обаятельной усмешкой. На нем был серый пиджак с кожаным воротничком, белая рубаша и очень красивый галстук. Чего лукавить, вид неотразимый!.. Хотя по-прежнему не мой тип... Покорясь судьбе, я подумала, что о смерти в таких романтических обстоятельствах можно только мечтать...

— Ну и как? - спросил он. - Разглядела? Тогда выключи, пожалуйста, свой юпитер, мы не на съемке.

Я исполнила его просьбу и пристроилась в кресле напротив. Неординарная ситуация напрочь запечатала мне уста.

— А ты намного красивей, чем я думал, - сказал он с улыбкой. - Хорошо, что раньше не разглядел.

— Это почему же?

— Наверняка выкинул бы очередную глупость, попытавшись увидеться еще раз. Тебе в такой статуарной позе удобно?

— Имею право встретить смерть в достойной позе, - гневно вскинулась я. - А пока могу предложить чаю.

— Не откажусь.

Заваривая чай, я лихорадочно соображала, нет ли в доме какой-нибудь отравы с отсроченным действием. Он меня уколошит, а потом и сам рухнет бездыханным рядом с моим трупом.

Нет, не получится, не пускать же в ход пятновыводитель...

Я поставила на стол чай, пепельницу, сигареты и уселась на диван. Откинулась на подушки и устремила на него проницательный взор.

— Это ты читал логатомы? - непроизвольно вырвался у меня вопрос.

— Я главным образом. Что еще прояснить?

— Если уж прояснять, то в порядке хронологии. Зачем ты меня науськал на невинного человека?

— Видишь ли, он мне пару раз попадался на глаза. Я знал, что он на меня похож и собаки у нас одной породы. А тут ты ударилась в розыски. Не взыщи, пришлось тебя обезвредить...

— А что у вас голоса одинаковые, ты тоже знал?

— Да. В натуре разница, конечно, ощутима, но в записи звучат похоже. Вот я и решил его подставить...

— Должна воздать тебе должное, блестящая идея...

— Мне казалось, твои поиски займут больше времени. Я тебя явно недооценил.

— Далее. Хотелось бы что-то услышать и о ключевой сцене драмы.

— Ты, наверно, и своим умом дошла, какой я допустил прокол, - сказал он со вздохом.

Помолчав, стал рассказывать дальше своим мягким, густым, магнетическим голосом. Я слушала, ничему не удивляясь, потому что действительно дошла до многого своим умом. С помощью меткой подсказки знакомого отставника. Можно не только забыть ключ от сейфа, можно по рассеянности унести его с собой...

— ..Я пытался связаться от тебя с человеком, у которого второй комплект, но не застал на месте. Разволновался так, что сообщил твой номер телефона. А тот недоумок, с которым я толковал, записал его черт знает куда, отсюда и чудовищная неразбериха...

— И ты о ней не знал?

— Никто не знал. Никому такая дикость и в голову не могла прийти. Если бы не твои реплики! Твои гениальные поддавки всех ввели в заблуждение, надо отдать тебе должное, кашу ты заваривать мастерица.

Святая правда. Признавая мой гений, он слегка конфузился, что в сочетании с обаятельной улыбкой делало его совсем уж неотразимым. В душе моей бушевали сумбурные, неслыханно противоречивые чувства, которые не прорывались наружу исключительно благодаря моей безупречной, с молоком матери усвоенной воспитанности. В самом деле, ну не бестактно ли сейчас вспоминать о его преступной деятельности, а тем более участи, которая его ждет! Мучительная тема, касаться нельзя...

— А почему такое дурацкое название - "Скорбут"? - спросила я. - Чтобы довести меня до умопомешательства?

— Просто это были первые позывные, так и осталось...

Я не спускала с него глаз, пытаюсь разобраться в своей бунтующей душе. Почему мне так хорошо в его обществе? Ведь это бандит, с минуты на минуту он меня убьет. Наверно, я и вправду ненормальная... Последние минуты жизни... Могу я провести последние минуты жизни в свое удовольствие? Даже если и проявлю недостаток патриотизма, никому, в том числе и родине, никакого вреда не будет. Какая жалость, господи, какая ирония судьбы... Эх, снова живем!

— Нельзя ли мне занять не столь официальную позу? - внезапно спросил он все с той же непростительно обаятельной улыбкой, путающей мне все карты.

— Пожалуйста, - рассеянно сказала я, погруженная в трагические мысли. Он тут же встал с кресла и пристроился рядышком на диване.

Радио снова наигрывало томительные мелодии, а тут еще эта дурацкая лампа со своим невыносимо интимным светом... Густой бархатный голос, обволакивающий своей красотой, наговаривал мне в ухо всякие медоточивые слова, ничего общего не имеющие с суровой правдой...

"Ври дальше, - думала я. - Ври дальше своим божественным голосом. Хотя на минуту поверить, что это святая правда..."

Сейчас можно делать со мной что угодно, сопротивляться не буду. Хотя души, хоть наоборот... Не иначе он прочитал мои мысли, потому как перегнулся через диван и решительным жестом выдернул шнур. На этот раз инициатива исходила от него...

...Я открыла глаза и вгляделась во тьму. Передо мной сияла его улыбка.

— А сейчас ты должен вскочить с изумленным воплем...

— Не вскочу, - тихо сказал он. - Пусть хоть весь свет провалится в тартарары...

Знакомый запах одеколона на этот раз не вызвал во мне никаких смущающих ассоциаций. Все-таки чувства сильнее разума...

— Пять часов, - сказал он, поглядывая на часы. - Пора...

Я не спрашивала, что за спешка в такое странное время. Меня не волновала надвигающаяся смертельная развязка. Ради таких минут стоит родиться на свет и стоит умереть.

— Сделай это по возможности быстро и безболезненно, - со вздохом попросила я, когда он взялся за галстук.

— Что я должен сделать безболезненно? - удивленно обернулся он.

— Убить меня...

— Ах да! Совсем забыл... Надо же наконец представиться. Хотя с такой красоткой немудрено и голову потерять...

Он вынул из кармана бумажник и протянул мне.

— Вот, изучай сама. Времени у меня в обрез, только одеться.

Я раскрыла неверной рукой паспорт и заглянула внутрь. Силы небесные!!!

В одно мгновение все стало ясно. И почему фамилия главного спеца показалась мне знакомой, и странная ухмылка того сановника в кабинете, когда он ставил крестики против холостых законопослушных мужчин, и почему я еще жива... Трое Янушей в списке жильцов... Больше никогда в жизни не буду обманываться на свой счет, - глупа как пробка, тупа как чурбан!..

— Изучила? Давай сюда, мне пора... В каком-то трансе я закрыла за ним дверь, растерянно потопталась - и рванула на балкон.

— Почему же, черт подери, ты изображал коммерсанта? - завопила я с четвертого этажа.

Он застыл у дверцы старенького "форда", вскинул голову и прокричал в ответ:

— Потому что у меня коммерческое образование! Отделение связи я кончал уже после!** И был вечер. Весь день я пыталась заняться чем-нибудь полезным, бралась то за одно, то за другое, но все валилось из рук. На работе я ухитрилась сделать проект здания в двух разных масштабах, да еще куца-то задела один этаж. Возвращаясь домой, уселась в экспресс, доехала аж до Южного вокзала и сошла только на конечной, да и то после настоятельных напоминаний кондуктора. Домой я попала лишь в силу многолетней привычки...

Меня по самую макушку переполняло множество мыслей, самых противоречивых и бестолковых. Я сглупила в полную меру своих талантов, дальше некуда. Проявила полное отсутствие моральных принципов, особенно если учесть, что виделась с ним всего третий раз в жизни. Да какое там позволила себе забыться в объятиях человека, которого считала врагом родины, шпионом! Воображаю, какого он обо мне мнения!

Больше я его в глаза не увижу... Ну и плевать, жертвовать ради кого-то своими фанабериями не намерена, мне без них не прожить, как рыбе без воды. Ненавижу его, ненавижу, всех ненавижу! Я ведь собиралась отомстить, вот и хорошо, видеть его больше не желаю, пусть хоть в ногах валяется. Впрочем, с этим проблем не будет, в ногах он валяться не станет.

Да пускай думает обо мне что угодно. Я вольна вести себя так, как бог на душу положит, на том стою и буду стоять. И согласна на любую расплату! Подумаешь, случайное приключение - сегодня случилось, завтра забылось... Наверняка он воспринимает ситуацию точно так же - экстравагантный финал экстравагантного знакомства. До чего же я его ненавижу, прямо в глазах темнеет!..

Я почистила половину ванны, почему-то на вторую половину махнула рукой. Поплелась на кухню, разбила стакан. Включила утюг, решив погладить вчерашнюю постирушку, и вспомнила о нем только тогда, когда масляная краска на тумбочке с шипением запузырилась. Выключила утюг, позабыв, что собиралась гладить. Стала поливать цветы и уже над первым вазоном отключилась, не замечая, как вода стекает на поддон, с поддона на подставку, растекается по полу...

И только когда телефон наконец зазвонил, в одну секунду я

разобралась в себе. Трубку подняла не сразу, тянула время, ждала, когда утихомирится сердце. "Уймись, идиотка, - внушала я себе. - Наверняка это не он..."

Набрав в грудь побольше воздуха, взялась наконец за трубку.

— Алло...

— Добрый вечер, любимая... - отозвался густой, завораживающий голос. Самый неотразимый голос на свете...